

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД

1980

945 836

Сборник посвящен проблемам текста и предложения как его составной единицы. Предназначается для лингвистов, преподавателей-филологов и аспирантов

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор **З. Я. Тураева**
(ответственный редактор),
доктор филологических наук, профессор **Н. А. Кобрина**,
кандидат филологических наук, доцент **М. И. Оссовская**

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент **В. П. Перли** (Камчатский пединститут); доктор филологических наук, профессор **В. Г. Вилюман**
(Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена)

© Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А. И. Герцена (ЛГПИ им. А. И. Герцена).
1980 г.

З. Я. ТУРАЕВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Можно выделить несколько направлений, по которым развивается в настоящее время лингвистика текста:

- 1) изучение текста как системы высшего ранга, основными признаками которой являются целостность и связность;
- 2) построение типологии текстов по коммуникативным параметрам и соотношенными с ними лингвистическими признаками, понимаемыми широко в единстве плана выражения и плана содержания;
- 3) изучение единиц, конституирующих текст;
- 4) выявление особых текстовых категорий;
- 5) определение качественного своеобразия функционирования традиционных языковых единиц под давлением текста как интегрирующего феномена;
- 6) изучение межфразовых связей и отношений.

Лингвистика текста синтезирует данные не только языкознания, но и смежных наук — логики, философии, эстетики. Для лингвистики текста характерны пограничные исследования, осуществляющие «стыковку» различных областей знания. (Лингвистика текста не представляет собой замкнутый микромир одной отрасли языковедческой науки, она сопряжена с макромиром современной науки.)

Лингвистика текста рассматривает текст как особое единство, в котором нашла отражение двумерная структурно-семиотическая организация языка и в котором пересекаются различные аспекты языка — динамический и статический, структурно-коммуникативный и номинативный.)

По мнению Э. Косериу, лингвистика текста является одним из трех основных направлений развития лингвистической мысли наряду со структурно-функциональной и генеративно-трансформационной лингвистикой [1, 514]. Лингвистика текста оформилась как самостоятельная область языкознания сравнительно недавно, но по глубине теоретического

осмысления языковых проблем, по широте диапазона разрабатываемых вопросов может быть поставлена в один ряд с названными выше лингвистическими школами. Лингвистика текста не только вырабатывает принципиально новую систему понятий и методов, но и органически впитывает в себя систему понятий, разрабатываемую другими направлениями лингвистики.

В настоящее время можно говорить не только о разных направлениях развития данной области языкознания, но и о разных школах. Не претендуя на полноту обзора, упомянем лишь, что для советской филологической традиции характерен преимущественно металингвистический подход к языковым явлениям, рассмотрение языка в соотношении с формами и законами мышления и в соотношении с внеязыковой действительностью. Для отечественного языкознания характерно также пристальное изучение эстетической функции языка.

Среди зарубежных школ видное место занимает школа, в задачи которой входит создание формализованной грамматики текста. Одним из наиболее известных ее представителей является Т. ван Дейк [13]. С этим направлением смыкаются работы И. Петефи [14].

Лингвистика текста изучает текст как продукт речетворческого акта, как алгоритм синтеза и анализа текста, а также нормы его порождения.

Текст изучается в различных аспектах:

- 1) онтологический аспект текста — характер существования текста, его статус, отличие от устной речи;
- 2) гносеологический аспект текста — характер отражения объективной действительности в тексте, а в случае художественного текста — характер отражения реального мира в идеальном мире эстетической действительности;
- 3) психологический аспект — характер восприятия текста;
- 4) прагматический аспект — характер отношения автора текста к объективной действительности и к содержательному материалу;
- 5) микролингвистический аспект — характер языкового оформления текста.

Одной из актуальных задач лингвистики текста в плане создания типологии текстов является сравнение, по указанным выше параметрам, различных типов текста и в первую очередь текста как произведения речи (результата языкового творческого акта) и художественного текста как произведения искусства. Текст как произведение речи принадлежит первичной моделирующей системе — естественному языку. Художественный текст есть вторичная моделирующая си-

стема, каковой является искусство. Естественный язык для него лишь строительный материал.)

Родовые признаки у различных типов текста общие. Дифференциация осуществляется на уровне видовых признаков. Так, на художественный текст накладываются дополнительные особенности, которые определяются спецификой художественного творчества.

В настоящей статье мы ставим своей задачей определить онтологический статус художественного текста.

Существование текста как произведения искусства, как эстетического объекта имеет свои особенности, тесно связанные с типологией пространственно-временных отношений. Художественный текст существует в различных пространственно-временных формах. Как обычный материальный объект произведение искусства существует в реальном пространственно-временном континууме. Как элемент действительности (книга, рукопись) текст имеет свое индивидуальное время. Оно конечно, так же как конечно индивидуальное время других материальных объектов. Материальная оболочка обладает способностью стареть, приходить в негодность. Желтеют и рвутся страницы книги, осыпаются краски с картины. Однако для художественного текста как феномена культуры это нерелевантно, так как в реальном пространстве-времени существует лишь материальная оболочка художественного текста.

Духовная сущность текста, мир образов и значений, создаваемых в нем, реализуется в особой пространственно-временной форме, которую мы называем художественное пространство-время. Последнее есть форма бытия идеального мира эстетической действительности, форма существования сюжета, пространственно-временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума [2, 89]. Существует еще одна форма пространства-времени, необходимая для реализации духовной стороны текста. Коммуникативная функция языка, которая находит свое воплощение в тексте, естественно, не может реализоваться без наличия воспринимающего его субъекта. Если в акте речи отправитель данной речи и ее реципиент неразобщены во времени, то для текста как особого речевого произведения, имеющего графическое воплощение, характерна разобщенность во времени автора текста и реципиента.

Вне воспринимающего субъекта идеальная сторона текста существует лишь как объективная возможность. Она реализуется только в рамках перцептуального пространства и времени создающего и воспринимающего его индивидуума [3, 144].

В этих особенностях реализации идеальной стороны текста сопряжены онтологический, гносеологический и психологический аспекты, характер его существования, отражения объективной действительности в тексте и особенности чувственного восприятия его, когда художественная структура моделирует какую-то часть мира и с ее помощью в сознании рождается образ. В сопряжении этих аспектов заключается диалектика художественного восприятия.

Несмотря на то, что материальная оболочка текста и его идеальная сторона существуют в различных пространственно-временных формах, содержательная сторона органически связана с несущей ее материальной субстанцией. Она неотделима от нее. Это положение универсально для любого типа текста. Однако связь идеального с материальным в художественном тексте отличается особенной близостью. Всякие модификации художественного текста приводят к его уничтожению. По мнению Г. А. Степанова, художественное оформление неотделимо от несущей его материальной формы, не может быть выражено другими синонимическими текстами [2]. Изменение языкового оформления влечет за собой разрушение художественного образа либо создание нового образа. Специфика языкового оформления целостного художественного образа состоит не просто в подчинении отдельных языковых единиц тексту как целому, но в сочетании подчиненности с самостоятельной содержательной ценностью этих единиц.

[Рассматривая текст как некую глобальную всеобъемлющую структуру, мы полагаем, что она есть единство глубинной и поверхностной структур.

Понятие структуры является в настоящее время одним из центральных в языкознании. Процесс формирования данного понятия в применении к различным уровням языка еще не завершен. Это в полной мере относится к тексту как единству высшего ранга, где определение этого понятия наталкивается на дополнительные сложности.

[Основными признаками структуры мы полагаем целостность и связность.] Понятие связности структуры заимствовано из математики. Этот признак является неотъемлемым показателем структуры, но описание структуры только через этот признак представляется недостаточно исчерпывающим. Следует, однако, упомянуть, что такое понимание структуры достаточно распространено [4, 14—24]. На наш взгляд, понятие структуры наряду со связностью предполагает другую категорию — целостность объекта [5, 19]. Это понятие заимствовано из естественных наук: свойство всего объекта не выводимо только из свойств отдельных элементов, из сети отношений между ними и не равно сумме их свойств.

В языкознании с этим явлением тесно связана теорема Р. Уэлза об исчислении коэффициента информационного объема текста [6, 177—178]. По его теореме этот коэффициент представляет собой остаток информационного объема связного текста по сравнению с информационным объемом простой совокупности фраз, не образующих текстовой структуры. С понятием структуры связана и концепция о гиперсемантизации системы значимостей в тексте У. Вейнрейха [7, 189], разрабатываемая также в свете приращения смысла у форм морфологического уровня в художественном тексте Р. Якобсоном [8, 405], Т. И. Сильман [9, 81—92], автором настоящей статьи [10]. Об особом комбинировании языковых средств в тексте, дающем «дополнительную, суперлинейную информацию» пишет И. Р. Гальперин [15]. Соединение знаков влечет за собой перемножение их десигнатов. У. Вейнрейх сравнивает семиотический процесс с конъюнкцией в булевой алгебре. Целесообразность такого толкования понятия «структура» подтверждает исследование функционирования видовременных форм, проведенное автором. На уровне текста видовременные формы вступают в интегративные отношения. На оппозиции, существующие на парадигматическом уровне, накладываются содержательные категории текста, семантические функции видовременных форм усложняются. Они участвуют в выражении художественного времени, в формировании точки зрения, с которой ведется повествование, в изменении временной позиции рассказчика, в переключении авторского времени на индивидуальное время персонажа, и т. д. Допустимо говорить о роли видовременных форм в усложнении композиционной структуры, в создании множественности временных позиций [11].

Таким образом, для уровня текста наиболее адекватным представляется понимание структуры, предложенное А. С. Мельничуком. Вслед за ним будем понимать структуру как глобальный способ организации объекта как целостной данности.

При изучении структуры текста должны учитываться три аспекта: материальные элементы, составляющие структуру, отношения между ними, целостность объекта.

Понятие структуры имеет важное значение как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах. Мы исходим из гипотезы, что структура присуща тексту онтологически. Это не эвристический прием описания, а онтологические свойства объекта. Онтологический статус этого понятия означает, что любая концептуальная система, адекватно описывающая объект, должна отразить его структурность.

Рассматривая текст как некую глобальную всеобъемлющую структуру, мы полагаем, что она есть единство глубин-

ной и поверхностной структур) В связи с тем, что настоящая статья ограничивается исследованием художественного текста, предлагается следующее рабочее определение этих терминов: глубинная структура есть идейно-тематическое содержание текста, сложная матрица отношений и характеров, в основе которой лежит художественный образ; поверхностная структура — лингвистическая форма, которая в свою очередь формально-содержательна.)

Каковы взаимоотношения между глубинной и поверхностной структурами? (Между ними не существуют отношения тождества и симметрии.) Для уровня текста неприемлема концепция изоморфизма звучания и значения, впервые сформулированная Ф. де Соссюром. Неприемлема также и дуалистическая теория, признающая существование двойкой членораздельности (Ч. Ф. Хоккетт, А. Мартине, У. Л. Чейф). Эта теория также упрощает сложные и противоречивые отношения между формой и содержанием, хотя и признает относительную автономность плана выражения и плана содержания и более тонко трактует взаимоотношения этих планов.

Понятия глубинной и поверхностной структур, прочно вошедшие в лингвистическую практику в последнее время, вызывают неоднозначное отношение у разных ученых [12].

Наиболее общее их понимание сводится к следующему: обе эти структуры приписываются предложению и словосочетанию. Одна из них (поверхностная) доступна непосредственному наблюдению, другая (глубинная) — выводится на основании косвенных данных.

Под глубинной структурой понимается некое семантическое или понятийное образование, являющееся отправной точкой при порождении поверхностных структур (Н. Хомский), семантическая структура, которую говорящий порождает на первом этапе речевого процесса и которая определяет поверхностную структуру (У. Чейф), функционально-значимая абстрактная синтаксическая модель, реальным порождением которой является структура поверхностная (Л. С. Бархударов).

Основные возражения противников этой концепции сводятся к следующему: глубинная структура есть некое мыслительное образование, дозвуковое, (дословесное). В этом случае поверхностная структура, очевидно, представляет собой сочетание односторонних единиц. Однако это не так. Грамматика имеет дело с двусторонними единицами.

Второе возражение затрагивает спорность положения, согласно которому сочетания типа «приход учителя» и «пришел учитель» имеют одну и ту же глубинную, смысловую структуру. Если первое представляет собой атрибутивное со-

четание, то второе повествует о некоем событии. Сказанное свидетельствует о том, что понятие «глубинная структура» требует дополнительного изучения.

Заметим тем не менее, что использование этих терминов и принятие концепции глубинной и поверхностной структур для художественного текста не наталкивается на аналогичные возражения.

Возвращаясь к первому замечанию, поясним, что оно затрагивает раздвоение процесса речи на два этапа. По мнению В. М. Солнцева, глубинные отношения не могут возникать до поверхностных структур и существовать без них. Однако произведение искусства есть вторичная моделирующая система. Глубинная структура художественного текста не является достоянием только языка. Можно предположить, что замысел художника как некое мыслительное образование воплощен в языковую материю и оформлен с помощью двусторонних языковых единиц. Когда замысел художника разворачивается в полотно художественного произведения, он реализуется в определенной форме. Мы называем форму произведения поверхностной структурой. Она, в свою очередь, формально-содержательна.

Снимается и второе возражение. Выше уже говорилось, что художественный текст не может быть передан никаким синонимическим высказыванием. Следовательно, одной глубинной структуре соответствует только одна поверхностная структура.

Приведем пример, иллюстрирующий взаимодействие поверхностной и глубинной структур, невозможность точной передачи информации, закодированной в тексте, в другой форме.

В цитируемых ниже строках из поэмы А. Вознесенского «Мастера», паронимасия способствует созданию определенного лейтмотива, идеи изнурительного труда, тлена, праха.

Кровавые мозоли.
Зола и пот.
И Музу, точно Зою,
Вели на эшафот.

В целостной структуре поэтического текста аранжировка звуков, повтор звукокомплекса -зо, -зу создает образы, являющиеся результатом расширения смыслового объема сопряженных в тексте элементов. Увеличивается их информативность, реализуются вторичные, опосредованные значения.

Другой звукокомплекс в строках

воители,
ваятели,
слава вам.

передает идею вечного бунта, непокорности.

Иной эмоциональный тон, иная смысловая структура возникают с помощью звукокомплекса -ар, ра:

Цари, тираны,
в тиарах яйцевидных,
в пожарищах-сутанах,
и с жерлами цилиндров.

Корреляция между звучанием и значением, поверхностной и глубинной структурой в этом случае порождает иные ассоциации. В словах «тираны», «пожарища» актуализируются вторичные, опосредованные значения, происходит их семантическое сближение на основании акустических и кинестетических ассоциаций.

Таким образом, между глубинной и поверхностной структурами художественного текста существуют сложные, разнонаправленные связи.) определенная корреляция между идеальным содержанием и материальным носителем художественных образов. Поверхностная структура имеет лингвистический статус. Ее порождение определяется глубинной структурой. Глубинная структура предполагает существование программы, которая диктует выбор языковых средств. Иными словами, глубинная структура есть глобальное ограничение, накладываемое на поверхностный уровень. Однако субординационные отношения между глубинной и поверхностной структурами не исчерпывают отношения между ними. Поверхностная структура может актуализировать глубинную структуру.

Одной глубинной структуре может соответствовать только одна поверхностная структура. Изменение поверхностной структуры влечет за собой появление нового текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Косериу Э. Современное положение в лингвистике. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Т. 36, 1977, № 6.

[2] Сапаров М. А. Об организации пространственно-временного континуума художественного произведения. — В сб.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974; Зобов Р. А., Мостепаненко А. М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства. — В сб.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1979; Тураева З. Я. Время грамматическое и время художественное. Автореф. докт. дисс. Л., 1974; Слюсарева Н. А. Язык и речь — пространство и время. — В сб.: Теория языка. Ангlistика. Кельтология. М., 1976.

[3] Степанов Г. В. Несколько замечаний о специфике художественного текста. — В сб.: Лингвистика текста. М., 1976.

[4] Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

[5] Мельничук А. С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма. — «Вопросы языкознания», 1970, № 1.

- [6] Уэлз Р. Мера субъективной информации. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965.
- [7] Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- [8] Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. — В сб.: Поэтика. Warszawa, 1960.
- [9] Сильман Т. И. Семантико-стилистические особенности местоимений. — «Вопросы языкознания», 1970, № 4.
- [10] Тураева З. Я. Видовременные формы английского глагола и их роль в создании художественного времени. — В сб.: Структурные свойства единиц различных уровней языка. Л., 1974; ее же. Принципы функционирования видовременных форм в художественном тексте. — В сб.: Студия германистика. Л., 1976.
- [11] Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979.
- [12] Солнцев В. М. Относительно концепции «глубинной структуры». — «Вопросы языкознания», 1976, № 5.
- [13] Dijk T. A. van. Text and context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London, 1976.
- [14] Petöfi J. S. Transformationsgrammatiken und eine ko-textuelle Texttheorie. Frankfurt a.M. 1971; его же. Textgrammar, text theory and the theory of literature. Poetics. 1973, N 7.
- [15] Galperin I. R. An Experiment in Superlinear Analysis. — Language and Style, 1971, vol. 4, N 4.

В. М. АРИНШТЕЙН

О КОММУНИКАТИВНОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ СТРУКТУРЫ КОНТЕКСТНО-СВЯЗАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Для современных синтаксических исследований характерно изучение предложения в синтагматическом аспекте. Лингвистика текста, сосредоточившая свое внимание на изучении закономерностей включения предложения в текст, отмечает, что в контекстно-связанном предложении структурная схема реализуется иначе, чем это происходит в условиях синтаксической изоляции предложения. Здесь имеет место так называемое «синтаксическое согласование» [1], которое характеризуется заменой ряда коммуникативно неактуальных компонентов анафорическими субститутами или неполной реализацией структурной схемы. Исследователи синтаксиса текста постулируют существование правил синтаксической сочетаемости предложений в тексте, предопределяющих, в частности способы сокращения их структуры. Некоторые из этих правил имеют универсальный характер, другие тесно связаны с закономерностями грамматического строя каждого конкретного языка. К первым можно, по-видимому, отнести тенденцию замещать анафорическими элементами или эллиптировать компоненты, передающие выводимую информацию,

на что обычно указывают исследователи актуального членения: «В любом информационном блоке, который не является инициальным в сообщении, — пишет в этой связи М. Халлидей, — восстанавливаемая информация обычно представлена анафорой —сылкой, замещением или эллипсисом» [2, 14, 206]. Правила, регулирующие использование этих средств сокращения структуры в конкретных языках, в том числе в английском, изучены мало, в результате чего среди грамматистов до сих пор нет единства в вопросе о том существуют ли вообще такие правила или сокращение конструкции за счет эллипсиса и анафорических заместителей и выбор между ними зависят от воли говорящего. Нерешенность этого вопроса препятствует установлению однозначных критериев полносоставности и решению проблемы статуса неполносоставного предложения: из признания закономерности неполной реализации структурной схемы предложения при включении его в текст следует, что «эллиптические и неэллиптические эквиваленты есть варианты одного инварианта, не разные инварианты» [2, 64]; непризнание такой закономерности приводит к утверждению несопоставимости неполносоставных и полных предложений и к смешению понятий полноты и структурной достаточности [3, 109, 110].

Приведенные соображения показывают, что изучение факторов, мотивирующих эллипсис или анафорическое замещение повторяющегося компонента, — актуальная задача, интересная как в плане синтаксиса предложения, поскольку она предполагает исследование предложения как члена синтаксической парадигмы, так и в плане синтаксиса текста («гиперсинтаксиса»), так как в процессе анализа выявляются закономерности, которые невозможно обнаружить, не выходя за рамки изолированного предложения.

В предлагаемой статье делается попытка доказать закономерный характер использования различных анафорических средств и соответственно структурную обусловленность степени структурной полноты контекстно-связанного предложения на материале последовательностей предложений с повторяющимся сказуемым. Выбор таких последовательностей оправдывается тем, что в английском языке благодаря существованию большого числа аналитических форм глагола расчлененно выражающих грамматическую и лексическую информацию, создается возможность при повторном введении предположенного сказуемого, обойтись без повторения знаменательного глагола. Новая актуальная информация грамматического характера может быть выражена вспомогательным или связочным глаголом, выполняющим функцию репрезентации сказуемого, или специальным заместительным глаголом *do*. Тем самым в языке оказываются более широкие

возможности и более разнообразные варианты полной и неполной реализации структурной схемы, что создает благоприятные условия для изучения факторов, предопределяющих выбор анафорических средств, и в конечном итоге выведение правил синтаксического согласования исследуемых предложений с предшествующими или последующими предложениями в тексте.

Для целей нашего анализа существенно выделить такие сегменты текста, в которых наблюдается повтор сказуемого, и определить их особенности. Вслед за В. Дресслером [4, 125—130] будем пользоваться для таких сегментов термином «отрывок», понимая под этим последовательность из нескольких элементарных предложений, обладающих тематическим единством. Нижней границей отрывка будем считать сложное предложение, содержащее несколько элементарных предложений, связанных сочинительной или подчинительной связью, поскольку оно включает более одного предикативного ядра и семантически эквивалентно последовательности простых предложений [5, 278]. Верхнюю границу в нашем случае определить труднее, так как действие законов сокращения распространяется лишь на короткую дистанцию и может охватывать не весь тематически связанный отрывок. В этом легко убедиться на примере (1), где говорящий, ощущая значительную удаленность репрезентанта от антецедента, повторяет знаменательную часть сказуемого:

(1) I told them I'd look them up in Seattle sometime, if I ever got there, but I doubt if I ever will. **Look them up**, I mean (Salinger).

В диалогическом тексте границей отрывка будем считать не смену говорящего, а смену темы, поскольку именно единство темы является предпосылкой вторичного упоминания сказуемого. Для решения поставленной нами задачи выяснения факторов, определяющих способ выражения повторяющегося сказуемого, существенно выделить в отрывке те его части, которые содержат лексически идентичный компонент, оформленный как сказуемое хотя бы в одной из частей. Поэтому мы будем рассматривать как равноправные различные синтаксические структуры, содержащие эти компоненты: простые предложения, части сложного предложения и даже в некоторых случаях герундиальные и инфинитивные обороты, которые мы, как и многие другие, рассматриваем в качестве максимальных синтаксических единиц [6, 13—14], обладающих синтаксической структурой. Исследование показывает, что семантическое согласование, состоящее в анафорической субституции или эллипсисе сказуемого, происходит в результате взаимодействия только тех элементарных предикативных единиц, которые содержат лексически идентичные предикат-

ные компоненты. Оно касается второго по порядку предложения в линейной цепи. Поскольку именно его структура подвергается изменению, будем называть его зависимым, а конструкцию, содержащую первое упоминание сказуемого, — опорной. Выше отмечалось, что значение предупомянутых компонентов может выражаться посредством различных анафорических средств. Что касается сказуемого в английском языке, то информация этого члена предложения может передаваться тремя различными способами — замещением, репрезентацией и эллипсисом. Каждый из этих способов обладает своей спецификой, однако на более высоком уровне обобщения их объединяет одно общее свойство — анафоричность. Это свойство наиболее очевидно у глагола-заместителя *do*, который ведет себя по отношению к предупомянутому глаголу аналогично местоимению по отношению к предупомянутому существительному, т. е. вводит в новое сообщение лексико-грамматическую информацию замещаемого компонента путем отсылки к антецеденту в опорном предложении. Что касается эллипсиса или репрезентации, которая является частным случаем эллипсиса, то их принято рассматривать как особый тип замещения. «Эллиптические конструкции, — отмечает Е. В. Падучева, — отличаются от конструкций с местоимениями только тем, что слово-заместитель оказывается в них нулевым». Ср. определение Р. Якобсона: «Эллипсис — это нулевой анафорический (дейктический) знак». В синтаксическом представлении предложения с эллипсисом и с местоимением должна быть анафорическая связь, отсылающая нулевой заместитель к его антецеденту [7, 173]. Специфика каждого из анафорических средств состоит в их взаимоотношениях с антецедентом. Нулевой заместитель охватывает либо всю группу сказуемого (2), либо только одно сказуемое (3):

(2) «What brought you into my life?» «Circumstances» (Wilde).

(3) One word leads to another and the last one to the guns (Lewis).

Репрезентация характеризуется как «эллипсис с сохранением представителя» [7, 175]. Она наблюдается в зависимом предложении, когда сказуемое выражено сложной глагольной составляющей, благодаря чему его грамматическая и лексическая информация представлены расчлененно-вспомогательным или связочным глаголом и знаменательной частью. Идентичная знаменательная часть эллиптируется, а неидентичная вспомогательная часть представляет на уровне предложения всю глагольную составляющую. В зависимости от характера новой, нетождественной информации глаголы-репрезентанты

подразделяются на видо-временные (4), связочные (5) и модальные (6):

(4) «You've been crying?» «Haven't either» (Dreiser).

(5) He looked very unlike a successful young publisher. But he **was**. (Amis).

(6) «Must I move on, sir?» — «You **must**» (Bronte).

Замещение в отличие от эллипсиса во всех его разновидностях характеризуется тем, что у глагола-заместителя анафорическая отсылка входит в состав значения. Существенны и синтаксические различия: глагол-заместитель, занимая позицию всей глагольной составляющей, создает полную синтаксическую структуру; репрезентанты оставляют позицию знаменательного элемента глагольной составляющей эксплицитно не выраженной и тем самым создают неполносоставную структуру.

В условиях употребления заместителей и репрезентантов наблюдается значительное сходство, реализующееся в характере отношений с антецедентом, сочетаемости, противопоставленности повторению (о чем см. ниже). Однако сфера употребления заместителя до гораздо уже, чем у репрезентантов; она ограничена временными формами Present и Past Indefinite, в то время как временные и модальные репрезентанты обслуживают все остальные видо-временные формы и передают широкую гамму модальных значений. Отношения между заместителем до и репрезентантами, следовательно, системны и могут быть охарактеризованы как отношения дополнительной дистрибуции.

Какие же правила предопределяют выбор описанных выше анафорических средств? Поскольку анафорическая субституция затрагивает коммуникативно неактуальные компоненты, причины следует искать в самом факте низкой степени коммуникативного динамизма (КД) заменяемого компонента. Однако само понятие степени КД сказуемого нуждается в свою очередь в уточнении. Дело в том, что хотя во всех отрывках обсуждаемого типа лексическая часть информации сказуемого зависимого предложения одинаково выводима, сказуемые зависимого и опорного предложений различаются степенью совпадения грамматической информации, передаваемой так называемыми темпорально-модальными указателями [8]. При совпадении грамматических параметров степень КД оказывается ниже, чем при несовпадении этих параметров. Исследование показывает, что именно этот фактор предопределяет выбор анафорических средств выражения сказуемого в зависимом предложении. В общем виде описываемые правила можно сформулировать следующим образом: 1) сказуемое зависимого предложения, характеризующееся теми же грамматическими параметрами, что и антецедент,

и имеющее благодаря этому низкую степень КД, подвергается эллипсису; 2) сказуемое, выражающее несовпадающую грамматическую информацию и обладающее более высокой степенью КД, репрезентируется или замещается.

Рассмотрим действие этих правил на конкретном материале.

Правило № 1.

(7) Here and there a woman passed, here and there a man, rarely a couple (Baldwin).

(8) «What would you say to them or they to you after the first ten minutes?» (Eliot).

(9) «What isn't a dream?» — That thing yesterday (Twain).

В примерах (7) — (9) представлены сказуемые разных типов: простое глагольное (7), усложненное (8), составное именное (9). Различаются они и по форме, связанной с коммуникативной установкой предложения (повествование — вопрос — ответ). Однако во всех трех примерах сказуемое зависимого предложения не несет грамматической информации, отличающейся от антецедента, сигналом чего является полный эллипсис сказуемого.

Из приведенных примеров видны и условия реализации правила № 1. В (7) — (9) подлежащие опорных и зависимых предложений имеют разную референтную отнесенность, т. е. действие, выраженное идентичными сказуемыми, совершается не одним и тем же лицом. Это тот случай распределения КД, когда, по словам ван Дейка, «в известные отношения вступают новые объекты».

Реализация правила № 2 происходит в противоположных условиях, когда «известные объекты наделяются новыми свойствами, вступают в новые отношения» [5, 299].

(10) Mummy **invited** him to make up the party, she always **does** (Braine).

(11) «You **are a just man**». — «I never **was**, Jusef» (Greene).

(12) He **got up** as quickly as he **could** (Saroyan).

На первый взгляд, наши примеры не удовлетворяют требованию наделять известные объекты новыми свойствами: сказуемые во всех парах предложений идентичны. Однако идентична у них только лексическая информация. Грамматическая информация у сказуемого каждого зависимого предложения относится к плану нового — в (10) и (11) — это новая темпоральная информация, в (12) — модальная. Анализируя подобные последовательности в терминах актуального членения, Халлидей отмечает, что «новое» здесь должно интерпретироваться как «контрастирующее», противопоставленное какой-то альтернативе». Именно это и происходит в наших примерах: в (10) и (11) 'анафорические заместители

контрастируют со знаменательными глаголами по категории времени, в (12) — по модальной окрашенности действия.

Как видно из сравнения (10) и (11), репрезентанты и заместитель *do* в одинаковой мере используются как темпоральные указатели, обеспечивая в сумме выражение всех необходимых видо-временных категорий глагола.

Что касается новой информации модального характера, то для ее выражения используется обширный класс глаголов передающих различные оттенки отношения субъекта к действию, обозначенному смысловым глаголом:

(13) «I'm clearing out as soon as I **can**. You **should**, too» (Braine).

(14) «You surrender a great deal more than you **mean** to» (Eliot).

(15) He could drink and swear now but found to his surprise that he did not **want** to. (Twain).

(16) «Wish you'd call in and take her for a walk». — «I'd **love** to» (Greene).

Г. Г. Почепцов, объединивший эти глаголы в один класс глаголов-усложнителей сказуемого, разбивает их на восемь групп на основе общих содержательных признаков. Выделяются собственно модальные глаголы, глаголы, выражающие кажимость действия (*seem*), осуществляемость (*try, attempt*), отношение субъекта к действию (*want, mean, love*) и т. д. Все эти глаголы, по мнению Г. Г. Почепцова, «отличаются признаком неполноты предикации» [9, 134]. Вместе с полнозначным глаголом они образуют одну минимальную синтаксическую единицу — сказуемое. Эта точка зрения, хотя она не является общепризнанной в той ее части, которая касается глаголов всех перечисленных групп, кроме первой (собственно—модальные глаголы) [6, 20, 15, 212] представляется тем не менее вполне обоснованной, так как «разница между *can* В (I) *can* write и *want* b (I) *want* to write, — как справедливо отмечает Г. Г. Почепцов, — лежит в смысловой сфере и заключается в принадлежности соответствующих значений к различным понятийным сферам. В плане же синтаксическом роль этих глаголов одинакова» [9, 138—139]. Одинаковой она оказывается и при включении в текст предложений, содержащих глагол типа *want* и предупомянутый полнозначный глагол. Глаголы обсуждаемого типа подобно модальным глаголам выступают в зависимом предложении как анафорические компоненты, передающие новую, невыводимую информацию. Эти особенности употребления позволяют отнести описываемые глаголы к группе репрезентантов сказуемого, вопреки установившейся традиции рассматривать в качестве репрезентанта только сопровождающую их частицу *to* [3, 106]. Такой взгляд сложился при изолированном рас-

смотреии предложения, когда не учитывались его отношения с другими частями текста. Выход за пределы предложения с усложнителем и сопоставление его с опорным показывает, что представителем сказуемого, выражающим невыводимую часть его информации, является именно усложнитель, а сопровождающая его частица *to* лишь сигнализирует об актуализации его глагольной сочетаемости в отличие от субстантивной, обозначаемой в аналогичных анафорических конструкциях местоименным заместителем:

(17) «*Do let's get a home, John. Only are you sure you want one?*» (Galsworthy). Непризнание за глаголами типа *want* статуса репрезентанта и приписывание такого статуса частице *to* приводит к тому, что элементы, однородные по целому ряду существенных признаков, не рассматриваются в одной системе, и напротив, разнородные элементы — модальные глаголы и приинфинитивная частица — оказываются включенными в одну систему, что противоречит требованиям системного описания языковых явлений.

Итак, мы установили, что действие коммуникативных факторов, предопределяющих замену предупомянутой знаменательной части сказуемого анафорическими субститутами, реализуется в виде правил, согласно которым степень эксплицитности повторяющегося сказуемого в контекстно-связанном предложении находится в прямой зависимости от коммуникативной актуальности передаваемой информации. Этот же фактор предопределяет, хотя и опосредованно (с учетом характера анафорического субститута) и степень структурной полноты предложения.

Следующая задача нашего анализа — выяснение степени универсальности выведенных правил. Наблюдения показывают, что сказуемое, содержащее предупомянутую знаменательную часть, не во всех без исключения случаях подвергается субституции. Имеются случаи повторной номинации, подобные следующим:

(18) «*I have come here to listen to your **confession**. Do you want to **confess**?*» (Greene).

(19) *I hear her coming but I still can't hush my **hollering**. I **holler** till she gets there* (Keseу).

Означают ли примеры такого типа, что выведенные нами правила имеют ограниченную сферу действия?

В качестве ответа на этот вопрос целесообразно сослаться на справедливое замечание И. Б. Долининой, высказанное, правда, в иной связи, относительно границ действия универсальных правил: «В первую очередь встает вопрос (если наблюдается отклонение от некоторого универсального свойства) являются ли предложения такого типа свидетельством неуниверсальности этого свойства или они говорят о влиянии

других равно универсальных факторов. Можно считать, что если имеется возможность перечислить и предсказать все случаи отклонения от какого-либо свойства и при этом перечислить факторы, обусловившие такие отклонения, то дело не в неуниверсальности этого явления, а в том, что имеется ряд других, одинаково важных явлений, которые в каких-то случаях приходят в столкновение друг с другом. Это и объясняет каждый тип отклонений, наблюдаемый в конкретных языках» [6, 158—159]. Мы полагаем, что именно так обстоит дело и с нашими правилами. Однако, чтобы доказать их универсальность, следует установить, какие не менее существенные факторы ограничивают действие выведенных правил. Эта задача важна и сама по себе — ведь если удастся обнаружить, что отклонения обуславливаются факторами равно универсального характера, то тем самым гипотеза о закономерной организации предложений в тексте будет доказана — по крайней мере в части, касающейся предложений с предупомянутым сказуемым.

Начнем анализ с сопоставления примеров (15) и (18):

(15) He **could** drink and swear now but ... he **did not** want to (Twain).

(18) I have come here to listen to your **confession**. Do you want to **confess**? (Greene).

В обоих примерах знаменательная часть сказуемого зависимого предложения имеет опору в предшествующем, в том и другом случае имеются также усложнители, способные выполнить функцию репрезентации. Однако в (18) этого оказывается недостаточно для сокращения структуры зависимого предложения. Дальнейшее сопоставление примеров позволяет обнаружить существенное различие между (15) и (18). Оно состоит в соотношении структур зависимого и опорного предложений. В (15) наблюдается идентичность синтаксических связей повторяющегося компонента с другими частями предложения, т. е. он занимает одинаковое место в структурной схеме опорного и зависимого предложений, являясь и в том и в другом случае частью сказуемого. В (18) компонент, впервые вводящий информацию, повторяемую далее сказуемым зависимого предложения, не является сказуемым. Именно в этом мы видим причину отклонения структуры зависимого предложения от правил сокращения. Закономерно поставить вопрос, почему такой чисто структурный фактор оказывается сильнее, чем фактор предупомянутости, выводимости информации. Дело, по-видимому, в том, что при всех видах субституции возникает необходимость в идентификации того компонента опорного предложения, чье лексическое значение повторяется в зависимом предложении, т. е. заместитель должен «найти» свой антецедент. Английские глаголь-

ные заместители (включая нулевой) интерпретируют как антецедент только простое или часть сложного сказуемого (в отдельных случаях герундий или причастие)*. Однако правильно идентифицировать свой антецедент субститут может только, если он действительно содержится в сказуемом опорного предложения, а это возможно лишь при симметричном построении обоих предложений. Если, как в (18), это условие не соблюдено, то эллипсис знаменательной части приписал бы глаголу *want* репрезентацию *come* или *listen*, образующих группу сказуемого опорного предложения. Необходимость нейтрализовать эту прогнозирующую способность *want to* приводит к повторению выводимого значения *confess*.

Описанная нами закономерность — влияние симметричности/несимметричности конструкции на способ выражения повторяющегося компонента — изучена очень мало. Наиболее полно это явление описывает Е. В. Падучева на материале русского языка. Е. В. Падучева отмечает, что симметрия регулярно вызывает сокращение конструкций типа *Береги платье снову, а честь — смолоду*. Само явление симметрии определяется на основе синтаксических критериев: «два слова симметричны, если они либо сочинены, либо подчинены одинаковой связью двум сочиненным лексически парным словам, либо подчинены одинаковой связью двум симметричным лексически парным словам» [7, 181].

По-существу, определение симметрии как наличия парных слов и связанных с ними одинаковой связью других слов, подразумевает наличие конструкций с идентичным позиционным составом. Е. В. Падучева рассматривает эти конструкции только в пределах одного (часто сложносочиненного) предложения. Однако и в последовательностях предложений идентичность позиционного состава есть проявление той же симметрии.

Все примеры с замещением, репрезентацией и эллипсисом демонстрируют действие закона симметрии (см. (1) — (16) настоящей статьи). Повторение сказуемого в несимметричных конструкциях доказывает его истинность «от противного». Все это дает основание считать, что закон симметрии является столь же универсальным фактором, сколь и правила сокращения коммуникативно неактуального компонента, и отклонения от этих правил, связанные с несимметричностью структур, есть результат столкновения одинаково универсальных закономерностей.

Следует отметить, что действие закона симметрии так же, как и правил сокращения коммуникативно неактуального

* По-видимому, в таких случаях совпадение семантики предикатов на глубинном уровне оказывается фактором более значимым, чем различия в их внешнем виде.

компонента, может быть выявлено только, если выйти за пределы изолированного предложения. Эти закономерности относятся к уровню текста и могут быть охарактеризованы как гиперсинтаксические.

Дальнейший анализ материала показывает, что отклонения от коммуникативных правил сокращения могут вызываться и факторами уровня предложения, имеющими не менее универсальный характер.

Описание этих факторов представляет самостоятельный интерес и явится предметом специальной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гаспаров Б. М. Проблемы функционального описания предложения. Автореф. докт. дисс. Минск, 1971.

[2] Вардуль И. Ф. К вопросу о явлении эллипсиса. — В сб.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

[3] Структурный синтаксис английского языка. Л., 1972.

[4] Дресслер В. Синтаксис текста. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

[5] Дейк Т. Вопросы прагматики текста. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

[6] Долинина И. Б. Системный анализ предложения. М., 1977.

[7] Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.

[8] Фирбас Я. Функция вопроса в процессе коммуникации. — «Вопросы языкознания», 1972, № 2.

[9] Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.

[10] Малышев В. Н. Синтаксический процесс репрезентации и репрезентант *to* в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1972.

[11] Блох М. Я. Факультативные позиции и нулевые формы в парадигматическом синтаксисе. — В сб.: Проблемы синтаксиса английского языка. М., 1970.

[12] Юдина Н. Е. О синтаксической оппозиции полноструктурность — неполноструктурность в эмоциональном компоненте содержания. — В сб.: Вопросы теории английского языка. Вып. 1. М., 1973. См. также исследование аналогичного явления в русском языке в статье Сквородникова А. П. «Об одном виде повторной номинации со стилистической значимостью» (в сб.: Синтаксис текста. М., 1979.)

[13] Афанасьев П. А. Выражение подтверждения и отрицания в ответных репликах в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

[14] Halliday M. A. K. Notes on Transitivity and Theme in English. — «Journal of Linguistics», 1967, v. 3.

[15] См. об этом: Ilyish B. The Structure of Modern English. М., 1965.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ МАЛОЙ ДЛИНЫ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Изучение предложения с точки зрения его объема ведется достаточно интенсивно. В результате такого изучения на материале немецкого языка определена квантитативная характеристика предложений (как простых, так и сложных) [1], вскрыта взаимозависимость между объемом предложения и объемом абзаца в разных функциональных стилях и жанрах [2], отмечена общая тенденция к сокращению объема предложения в немецком языке [3]. Ряд немаловажных наблюдений над объемом предложения проведен в стилистическом плане, что сделало возможным включение соответствующих разделов в последние издания стилистик немецкого языка [5]. Таким образом, преодолен имевший место ранее «крен» в сторону рассмотрения лишь тех предложений, которые в силу ненормативности, необычности своей структуры рассматривались как стилистически значимые (односоставные, эллиптические предложения и т. п.) [4]; представляется, что любому предложению как минимальной единице текста свойственны дополнительные синтагматические значения. С этой точки зрения объем предложения как квантитативная его характеристика перерастает в рамках текста в характеристику качественную. Привлекая в качестве материала исследования предложения с точки зрения их структуры абсолютно «нормативные», а именно: полные, двусоставные — попытаемся очертить круг их стилистических синтагматических значений в беллетристических текстах.

Полные двусоставные предложения малой длины — единица, вычлняющаяся лишь относительно. Помимо нераспространенных предложений, состоящих только из двух главных членов, можно рассматривать как краткие предложения, включающие в свой состав обязательные глагольные актанты — дополнения, а также некоторое распространение за счет обстоятельства или определения. Таким образом, вычленение предложения малой длины как предмета стилистического исследования происходит не на парадигматическом, а на синтагматическом уровне*. Низший предел такого предложения — два (главных) члена, высший — не подлежит точному определению, а может быть ограничен лишь в зависимости от относительной длины окружающих предложений.

---

* Не случайно ни в одной из вышеупомянутых стилистик немецкого языка (см. [4]) объем краткого предложения не принимается за абсолютную величину.

Как единица текста предложение малой длины может являть свою стилистическую значимость как в различных текстовых единицах, так и в рамках цельного текста — в том и в другом случае относительно других предложений — конституентов текста. Возможная текстовая структура при этом будет слагаться либо из краткого предложения плюс предложения большего объема, либо из одних кратких предложений — последнее как экстремный тип текстовой структуры. В обоих случаях предложение малой длины имеет, как показывает исследуемый материал, совершенно определенный стилистический потенциал, реализующийся в шкале синтагматических стилистических созначений.

Перейдем к их рассмотрению.

Исследователями отмечалось, что абзац, как семантико-синтаксическая единица текста, имеет в своей структуре два конституента, играющих особую роль в его композиционном оформлении, а именно: начальное и конечное предложения, причем, по данным В. И. Иванова верхняя граница абзаца тяготеет к большей краткости, чем его нижняя граница [2].

Приведем пример:

Alles war umsonst. Gebeten in Kirchen und Moscheen, umsonst. Beschwörungen, Anrufungen längst vergeßner, sich selbst überlassener Götter — umsonst. Und auch der letzte Widerstand mit Messern und Zähnen — umsonst. Die Feigheit war genauso umsonst. Verstecken, Abwarten, alles umsonst. Umsonst Versprechungen, Hoffnungen, unerwartete Hochherzigkeit von Unbekannten... (A. Seghers. Der Führer, 58) [6].

Начало абзаца — оно же и начало рассказа — суммирует вывод и одновременно служит исходным пунктом дальнейшего повествования. Абсолютная краткость предложения — экспозиции очевидна и без сравнения с последующими конституентами, а на их фоне она выступает еще более выпукло. Краткое предложение в конце абзаца встречается значительно реже, в связи с чем увеличивается его акцентирующая роль:

Er warf den Revolver in den Straßengraben und stand auf.

Im Gehen fiel ihm ein, daß er vergessen hatte, das Eiserne Kreuz wegzuwerfen. **Er tat das** (H. Müller. Das Eiserne Kreuz, 146) [6].

Пример взят из абзаца, завершающего рассказ, а цитируемое предложение — последнее в тексте. Благодаря своему местоположению предложение *Er tat das* вбирает в себя основной идейно-смысловой акцент, являясь последним штрихом в обрисовке характера персонажа, мелкого лавочника, замахнувшегося на псевдогероический поступок в стиле Третьего рейха, но способного лишь на убийство.

Краткое предложение в системе текста служит, в совокупности с более объемными, своеобразным структурно-отграничительным маркером, отделяющим одно семантическое сверхфразовое единство от другого. В качестве примера приведем абзац из новеллы Э. Рихтера, где динамически построенный текстовый отрывок, содержащий ряд сменяющихся действий, разрывается предложением малой длины на две части; в результате краткое предложение завершает одну подтему и вводит вторую, в рамках общей темы. Синтаксическое варьирование (большой объем — малый объем) подкрепляется варьированием лексико-семантическим: на фоне динамических глаголов окружающего контекста статистический характер глагола в рассматриваемом предложении подчеркивает стилистическую релевантность краткого предложения:

Wir klammerten uns auch mit den Beinen fest, aber dabei drückten wir den Pferden die Hacken in die Flanken, und sie liefen nur noch schneller. Ein paar von uns versuchten, sich an den kurzen Ohren festzuhalten, aber im nächsten Augenblick lagen sie auch schon unten. **Vier blieben oben.** Das Herz flatterte uns, und statt in den Wald zu laufen, rannten die Pferde in langer Reihe hinter dem Rappen und dem Kosaken her, die Hauptstraße hinunter bis zum Strand. Dabei sahen wir den Kosaken schon gar nicht mehr (E. Richter. Der Pferdedieb-stahl, 163) [6].

Художественно-прозаические тексты содержат немало примеров, где предложения малой длины являются тематическими ограничителями в условиях безабзацной, сплошной текстовой структуры. Так, в новелле Б. Брехта «Die zwei Söhne» на 49 предложений разветвленных (сложных или распространенных) 10 кратких, которые прерывают канву плавного детализированного повествования либо за счет отграничения какого-либо микроотрезка от окружающего текста, либо за счет переключения со статики на динамику, с нейтральности на эмоциональность или наоборот.

Например:

Eine Bauerin im Thüringischen träumte im Januar 1945, als der Hitlerkrieg zu Ende ging, daß ihr Sohn im Feld sie rief, und schlaftrunken auf den Hof hinaus gehend, glaubte sie ihren Sohn an der Pumpe zu sehen, trinkend. Als sie ihn ansprach, erkannte sie, daß es einer der jungen russischen Kriegsgefangenen war, die auf dem Hof Zwangsarbeit verrichteten. **Einige Tage darauf hatte sie ein merkwürdiges Erlebnis.** Sie brachte den Gefangenen ihr Essen in ein nahes Gehölz, wo sie Baumstümpfe auszugraben hatten... (Brecht. Die zwei Söhne, 131) [6].

Говорить о специфичности семантического наполнения предложений малой длины можно только относительно семан-

тики окружающего контекста; семантическая экспрессивность только иногда характеризует предложения малого объема. Так, в новелле Клейста «Михаэль Колхаас», текст которой сплошь составляют предложения максимально разветвленной структуры, среди кратких простых предложений (а их всего 15 на 91 абзац) встречаются предложения с эмоциональной семантикой. Ср.: *Lisbeth, sein Weib, erblaßte bei diesen Worten. Dem Roßhändler schlug das Herz gegen das Wams* (191) [7]. Чаще, однако, экспрессивность краткого предложения обусловлена не собственно его семантикой, а контрастностью семантического наполнения краткого предложения по отношению к развернутым окружающим, с оппозицией экспрессивность (эмоциональность) / нейтральность или динамика / статика.

Предложение малого объема — единица, тяготеющая к композиционно-архитектонической функции в тексте. Начало, конец, отделение одного тематического куска от другого — такова общая тенденция употребления предложений малой длины в художественной прозе независимо от эпохи и индивидуального стиля.

Уже в новелле «Михаэль Колхаас» на сложность, разветвленность и длину предложения, в которой уже указывалось, как начальное (пример 1), так и конечное предложение (пример 2) текста имеют сравнительно меньший объем («рекордный» объем клейстовского предложения в этой новелле — одна страница текста) (1):

(1) *An den Ufern der Havel lebte um die Mitte des sechzehnten Jahrhunderts ein Roßhändler, namens Michael Kohlhaas, Sohn eines Schulmeisters, einer der rechtschaffensten zugleich und entsetzlichsten Menschen seiner Zeit.* (2) *Vom Kohlhaas aber haben noch im vergangenen Jahrhundert im Mecklenburgischen einige frohe und rüstige Nackhommen gelebt* (Kleist. Michael Kohlhaas, 186, 275) [7].

Разница с современным функционированием предложений малых длин — не в тенденции, которая им была присуща и раньше, а в сокращении их относительного объема.

Вспомним синтаксически усложненную структуру романов Томаса Манна — на ее фоне мы вновь встретимся с той же композиционной тенденцией краткого предложения: одна из глав романа, где автор описывает новый дом Томаса Будденброка, как символ дальнейшего процветания фирмы, заканчивается неожиданным появлением Герды Будденброк, которой не суждено обогатить семью желанным и многочисленным потомством:

Da öffnete sich die Korridortür, und von der Dämmerung umgeben stand vor den beiden, in einem faltig hinabwallenden Hauskleide aus schneeweißem Pikee, eine aufrechte Gestalt.

Das schwere, dunkelrote Haar umrahmte das weiße Gesicht, und in den Winkeln der nahe beieinanderliegenden braunen Augen lagerten bläuliche Schatten.

Es war Gerda, die Mutter zukünftiger Buddenbrooks (Th. Mann. Buddenbrooks, 288) [8].

В художественной прозе XX столетия композиционно-стилистический потенциал краткого предложения реализуется в контекстуальных условиях, схожих и отличных от рассмотренных выше. С одной стороны, предложение малой длины может стилистически функционировать по контрасту, т. е. в окружении предложений с разветвленной структурой (примеры были приведены выше). А с другой — сам текст в целом начинает структурироваться более краткими предложениями, вследствие чего композиционная функция предложений малых длин стала наиболее часто проявляться в абзаце — кратком предложении; эта структурно-композиционная единица текста стилистически наиболее выпукла. Она присуща многим (но отнюдь не всем) индивидуальным стилям новейшей прозы (см. прозу У. Бехера, Э. Штрिटтматтера и др.).

Наряду с композиционно-архитектонической стилистическая тенденция предложений малых длин заключается в структурировании текста сплошь; в таких типах текста рассматриваемая единица служит реализации напряженности и отрывистости, кинематографичности изображаемого. Семантика глагола играет при этом особую роль, формируя конститuenty либо динамического повествования, либо статического описания.

Лингвостилистическое рассмотрение структуры целых текстов позволяет, таким образом, прийти к выводу о том, что объем предложения имеет стилеобразующее значение. Приведенный в статье материал позволил сделать некоторые наблюдения над предложениями малой длины, которые обладают определенным стилистическим потенциалом в синтагматике независимо от полноты или неполноты их структуры, их семантического и эмоционального наполнения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Sprache, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1975; Шубик С. А. О размерах предложения в современном немецком языке. — В кн.: Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1973; Яновская М. А. Структурные черты коротких предложений в современной немецкой художественной прозе. Автореф. канд. дисс. Л., 1976; и др.

[2] Иванов В. И. Размеры предложения и абзаца и их соотношение в современном немецком литературном языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1971.

[3] Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.

[4] Каган Г. Е. Номинативные предложения в современном немецком языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1970; Купчик Н. Л. Стилистические функции односоставных предложений в структуре абзаца. Автореф. канд. дисс. Л., 1972.

[5] Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M., Verlag «Hochschule», 1975; Fleischer W., Michel G. Указ. соч.; Sowinski B. Deutsche Stilistik. Frankfurt/Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1973.

[6] Bettina pflückt wilde Narzissen. 66 Geschichten von 44 Autoren. Halle/Saale, Mitteldeutscher Verlag, 1972.

[7] Kleist H. V. Michael Kohlhaas. — В кн.: Ein Lesebuch für unsere Zeit. Weimar, Thüringer Volksverlag, 1954.

[8] Mann Th. Buddenbrooks. M., Verlag für fremdsprachige Literatur, 1956.

Т. Н. ВОРОНЦОВА

МЕТРИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И МЕЖСТРОФИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В БАЛЛАДЕ Р. БЕРНСА «ДЖОН — ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО»

Многие советские и зарубежные лингвисты занимаются исследованием вопросов текстовой проблематики [1]. Большинство ученых рассматривают текст как многоаспектный феномен, создаваемый единицами разных уровней, которые вступают в определенные отношения. Однако однозначного определения текста не существует. Наиболее удачной представляется дефиниция И. Р. Гальперина: «Текст — это сообщение, объективизированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку» [2].

Целью данной работы является изучение текста баллады Р. Бернса «Джон — Ячменное Зерно», в частности рассмотрение метрического членения и межстрофических связей.

Английская баллада — это сюжетная лирико-эпическая поэма с однородной строфической формой. Обычно она строится на фантастическом, легендарно-историческом или бытовом материале. Характерными чертами баллады являются: 1) четко выраженный повествовательный характер; 2) одноконфликтность; 3) завершенность сюжета; 4) упорядоченность действия вокруг единственного эпизода; 5) фрагментарность повествования; 6) различного рода повторения [3]. Таким образом, текст баллады представляет собой сложную структуру, в которой находят отражение указанные черты.

Текст — это не однородная совокупность предложений, его структура включает и промежуточные единицы. Многими авторами выделяются кроме предложения такие текстовые единицы, как абзац, строфа, сверхфразовое единство, предикативно-релятивный комплекс [4].

При анализе данной баллады можно установить следующую иерархию: строфа, сверхфразовое единство, предикативно-релятивный комплекс. Баллада включает в себя 15 строф *. Строфа состоит из четырех строк, причем первая и третья не имеют рифм и написаны четырехстопным ямбом; вторая и четвертая строки рифмуются и написаны трехстопным ямбом, который осложнен наличием спондея. Иногда первая и третья строки имеют внутреннюю рифму. В целом для баллады характерны мужские рифмы. Например, строфа 2:

They 'took a 'plough and 'plough'd him 'down,
(') Put 'clods upon his 'head,
And 'they hae 'sworn a 'solemn 'oath,
(') John 'Barley 'corn was 'dead.

Таким образом, схема строфы такова:

V — V — V — V —
— — V — V —
V — V — V — V —
— — V — V —

Каждую строфу можно разделить на более мелкие единицы — двустипия, которые имеют тесную семантическую связь. Они объединены в строфу перекрестными рифмами, фонетически созвучной концовкой, подчеркивающей их метрическую принадлежность. Первый и третий стих каждой строфы состоит из восьми слогов, второй и четвертый — из шести. Таким образом, метрическое построение баллады в целом образует систему из 8+6+8+6 слогов. Все строфы объединены в целостное произведение однородной метрической системой, одним типом рифмовки, определенными смысловыми и лексико-грамматическими связями. В то же время они синтаксически замкнуты и представляют собой ритмо-синтаксические периоды, так как их границы совпадают с границами предложений. Каждая строфа имеет свою тему.

---

* В. М. Жирмунский подчеркивал, что построение словесного материала в поэзии связано с ритмической структурой произведения. В этом отношении главной композиционной единицей в области метрики является строфа, которую можно определить «...как единицу метрической композиции, состоящую из ряда стихов, расположенных по известному закону и повторяющихся в том же порядке». См.: Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений. — В кн.: Теория стиха. Л. 1975, с. 438, 444.

Строфы, тематически связанные друг с другом, образуют тематические единства более высокого порядка — сверхфразовые. Сверхфразовое единство — это текстовая единица, представляющая собой два или более предложений, объединенных между собой в структурном и смысловом отношении. В отличие от предложения, содержащего простое сообщение, сверхфразовое единство всегда включает несколько сообщений, объединенных одной темой. Тематическое содержание сверхфразового единства обычно шире сообщения, содержащегося в отдельном предложении, но всегда является минимальным по отношению к остальному контексту [5, 10]. С. И. Гиндин среди основных признаков, с помощью которых можно определить границы сверхфразового единства, выделяет: 1) смысловую самостоятельность и законченность, которые сверхфразовые единства сохраняют и при извлечении из текста; 2) особый присоединительный характер связи предложений, входящих в сверхфразовое единство [6, 348]. Наиболее очевидным является признак законченности смыслового содержания. Однако он является несостоятельным, если структурная целостность сверхфразового единства не подкрепляется лексическими и грамматическими средствами связи **.

В соответствии с указанными признаками в балладе Р. Бернса «Джон — Ячменное Зерно» выделяется семь сверхфразовых единств. Они не одинаковы по своей протяженности. Встречаются сверхфразовые единства, состоящие из одной, двух, шести строф. Правоммерно было бы предположить, что строфа, крупнейшая единица метрического членения, является единицей и семантико-синтактического членения. Однако эта точка зрения не всегда находит подтверждение и, в частности в данной балладе. Например, первое сверхфразовое единство включает в себя первую и вторую строфы:

There was three kings into the east,
Three kings both great and high;
And they hae sworn a solemn oath,
John Barleycorn should die.

They took a plough and plough'd him down,
Put clods upon his head,
And they hae sworn a solemn oath,
John Barleycorn was dead [7].

. Эти строфы представляют собой тесное тематическое единство, так как в первой строфе представляются действующие

** Интонация также является одним из средств связи между отдельными предложениями в сверхфразовом единстве. Однако насколько нам известно, этот вопрос еще не был предметом специального исследования. См.: Невежина З. В. Структурно-семантическая организация сверхфразовых единств. Автореф. канд. дисс. Киев, 1971, с. 9.

лица и говорится об их намерениях, а во второй строфе — о том, как они исполнили свои замыслы. То, что эти строфы составляют одно сверхфразовое единство, подтверждается и при анализе лексико-грамматических средств связи. Например: а) строфы имеют одно и то же ключевое слово — John Barleycorn; б) третья и четвертая строки первой строфы почти полностью повторяются во второй строфе, в четвертой строке изменена лишь форма времени, а именно: в первой строфе употреблено модальное сказуемое в настоящем времени — should die, так как говорится о гипотетическом действии, а во второй строфе использована форма простого прошедшего времени — was dead, так как действие уже имело место. Такой сдвиг временных форм еще раз подчеркивает тематическое единство этих строф; в) везде использованы различные временные формы, указывающие, что действие происходило в прошлом: was, has sworn, took, was dead, should die; г) из местоименных замен можно выделить: three kings — they, John Barleycorn — him; д) внутри обоих компонентов сверхфразового единства есть союзная сочинительная и бессоюзная связь.

Третья строфа представляет собой самостоятельное сверхфразовое единство. Она является законченным тематическим единством, в котором повествуется о том, что произошло с Джоном — Ячменное Зерно весной. Таким образом, в этой строфе вводится и развивается новая тема — тема весны.

But the cheerful Spring came kindly on,
And show'rs began to fall;
John Barleycorn got up again,
And sore surprised! them all [7].

Лексико-грамматические связи на границе сверхфразовых единств (т. е. между второй и третьей строфами) менее интенсивны: а) формы глаголов указывают на то, что действие происходило в прошлом: came, began, got up, surprised, б) в этой строфе также встречаются сочинительная и бессоюзная связи; в) союз but выполняет разделительную функцию.

Подробный анализ баллады по указанным выше признакам подтвердил наличие семи сверхфразовых единств в балладе Р. Бернса «Джон — Ячменное Зерно».

Анализ семантико-синтаксической структуры данной баллады не претендует на универсальность. Определение связей внутри сверхфразовых единств и между ними ограничивается частными наблюдениями. Однако дальнейшее исследование английских баллад поможет вскрыть семантико-синтаксические особенности их структур.

[1] Гальперин И. Р. О понятии «текст». — «Вопросы языкознания», 1974, № 6; Гальперин И. Р. Грамматические категории текста. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1977, № 6; Тураева З. Я. Время грамматическое и время художественное. Автореф. докт. дисс. Л., 1974; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978; и т. д.

[2] Гальперин И. Р. О понятии «текст». — «Вопросы языкознания», 1974, № 6.

[3] Мошанская О. А. Народная баллада Англии. Автореф. канд. дисс. Горький, 1967.

[4] Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. — В кн.: Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 2. М. — Л., 1948; Солганик Г. Я. О способах объединения самостоятельных предложений в прозаические строфы. Автореф. канд. дисс. М., 1965; Зарубина Н. Д. Сверхфразовые единства как лингвистические единицы. Автореф. канд. дисс. М., 1973; Баталова Т. М. Соотношение предикативных и релятивных отрезков текста. Автореф. канд. дисс. М., 1977; и т. д.

[5] Невжина З. В. Структурно-семантическая организация сверхфразовых единств. Автореф. канд. дисс. Киев, 1971.

[6] Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1977, № 4.

[7] Burns R. The poems and songs of R. Burns. ed. by James Pinsley. Vol. 1—3. Oxford Clarendon Press, 1968.

Э. М. ГЖАНЫНЦ, Г. М. АСТАПОВА

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВТОРА В ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ СТРУКТУРАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В исследовании парцелляции — одного из активных процессов современного синтаксиса — уже накоплен значительный опыт как на материале русского языка, так и на материале других языков, в частности английского, немецкого, французского [1]. Лингвистическое поле исследования проблемы парцелляции не ограничивается лишь отдельными языками. Так, делаются первые попытки связать явление парцелляции с общей тенденцией развития синтаксиса современных языков в плане изучения специфики этого явления в неродственных языках, что дает выход в обширные типологические исследования проблемы [2].

В статье ставится задача провести сравнительно-сопоставительный анализ парцеллированных структур с повтором в английском и русском языках и установить имеющиеся сходжения / расхождения в построении повтора и условиях его функционирования при парцелляции. Повтор рассматривается

нами как неотъемлемая часть процесса парцелляции, как средство создания экспрессии в литературном языке.

Сопоставительный план исследования структурного аспекта данного явления представляет, на наш взгляд, особый интерес, поскольку в каждом языке имеются свои правила, закономерности, регулирующие как условия построения предложения, так и условия его членения, парцелляции и определяющие специфику структуры каждого языка [3].

В исследуемом материале обоих языков отмечены структуры следующего типа:

Their habits are very peculiar. Very peculiar (Sagal).

А все остальное — **слепая схема. Слепая схема ***.

Этот тип повтора характеризуется **полным** совпадением лексико-морфологических характеристик соотнесенных в повторе элементов базовой структуры (БС) и парцеллянта — отсеченного точкой элемента. Исследуемый материал позволяет зафиксировать подобный идентичный повтор **группы** элементов как нехарактерный для английского языка. С другой стороны, повтор одиночного элемента широко представлен почти всеми частями речи как в английском, так и в русском языках:

Smith was perfect. Perfect. (Bradbury)

Они **очень способные** ребята. **Очень способные.** (Имя прилагательное).

I want a pattern. A pattern. (Christie)

Он почему-то держался **за плечо. Плечо.** (Имя существительное).

He liked this colour. Liked. (Arden).

Отдадим им половину? Отдадим? (Глагол).

We were to marry today. Today. (Aldridge).

Мы сталкиваться будем с этими проблемами **обязательно. Обязательно.** (Наречие).

Отметим, однако, что в отличие от русского глагола, для английского финитного глагола зафиксированы лишь немногочисленные случаи подобного одиночного повтора. Это можно объяснить тем, что английскому глаголу вообще не свойственно выступать изолированно, без зависимых [4]. Как правило, в идентичном повторе английский личный глагол употребляется вместе со всеми зависимыми членами.

Inexplicably she had lowered her head ... and kissed him. Kissed him. (Burgess).

---

* Русские примеры заимствованы из сборника «Русская разговорная речь». М., 1973, с. 375.

Одинаково широко представлен в обоих языках сочинительный способ распространения одиночного элемента при его повторе в парцелляте, например:

There is **light** . . . **Light** and a wind (Forster).

She is **small**. **Small** and neat and slender (Abrahams).

В его голосе была **ярость**. **Ярость** и надежда. Но только Генеральный конструктор придает **технике** свое, неповторимое лицо. **Технике** и возглавляемому коллективу. («Крылатое племя». — «Правда», 7 декабря 1976 г.).

Для приведенных структур в обоих языках характерны однотипность морфологического выражения повторяемых элементов. Повтор элемента с приобретением сочинительного распространения дает в смысловом плане развертывание сообщения. В таком случае повторяемый элемент заключает в себе ведущую, первостепенную для данного высказывания информацию. Интересно, что и здесь, в отличие от всех других частей речи, английский личный глагол наименее активен. В отличие от русского языка в таком виде повтора более широко представлен глагол в неличной форме:

You're generous **to come** here in spite of everything. Человек **живет**. **Живет**, **забывает**, **выздоровливает**.

To come here and let me **admire you** (Oates).

He wanted **to sleep**. **Sleep** and **escape torments** (Wilson).

Для таких координатных групп типичен двухэлементный состав как в английском, так и в русском языках, т. е. повтор + 1 новый элемент (для бессоюзного сочинения допускается несколько больший объем).

Можно было бы ожидать (или теоретически предположить) в принципе бесконечное сочинительное распространение структуры в прогрессивном направлении [5, 134].

Однако как в английском, так и в русском материале объем подобного повтора в парцелляте редко фиксируется в большем объеме, чем повтор + 2 новых элемента.

Возможность увеличения объема парцеллята с сочинительным распространением, по-видимому, связана с возможностью увеличения длины предложения вообще. Известно, что не только для современного английского языка, но и для других языков на современном срезе исследователи отмечают общую тенденцию к уменьшению объема предложения и высчитывают приблизительный объем простого предложения в 10 ± 2 слова в художественной прозе [6, 13].

Структуры исследуемого типа и в английском и в русском языках по своему объему остаются приблизительно в указанных пределах, несмотря на наличие расчлененности структуры и повтора элементов.

В структурах приведенного типа особенно отчетливо выступает в обоих языках и поэтому отмечается многими исследователями организующая роль повтора, когда он не только скрепляет части расчлененного предложения, но и способствует введению новых элементов в структуру. В синтаксическом отношении эти новые элементы в парцелляте лишь повторяют позицию элемента БС, т. е. сохраняют тип модели. В смысловом отношении парцеллят ориентирован своей лексикой на БС, которая для него является смысловым центром и с которой он обнаруживает тесную смысловую связь.

В обоих рассматриваемых нами языках широко представлен и другой тип повтора:

That's a reef. A coral reef.
I want to get the picture.
The exact picture (Shaw I.)

В этом ответе — сегодняшний девиз **коллектива**. Коллектива, созданного творцом крылатого племени «ИЛов» («Крылатое племя»).

Со времени Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета мы не слышали таких, как у Блока **ямбов**. Ямбов, которые могли передавать и «голоса скрипок» и категоричное «дробн... камня» (Озеров).

В структурах с повтором подобного типа совпадение лексико-морфологических характеристик отмечено лишь в ядре повтора, т. е. в его ведущем элементе, а атрибутивные зависимые, появляющиеся в окружении ядра повтора, создают несовпадение по морфологическому признаку. На содержательном уровне появление атрибутивного зависимого служит в обоих языках целям выделения признака элемента: а coral reef; ямбов, которые могли передавать и «голоса скрипок».

Можно заметить, что выделение признака в повторяемом элементе не образует нового понятия [7, 53]. Это выделение признака идет за счет сужения, ограничения объема понятия, заключенного в повторяемом элементе. Что этот признак действительно сужает, конкретизирует более общее содержание элемента БС при его повторе в парцелляте, становится особенно очевидным при экспликации этого значения с помощью таких пояснительных, идентифицирующих (термин Поутсма) слов, как namely, that is в английском и то есть, а именно — в русском (Руднев, Денисова и др.).

Относя подобные структуры к синтаксическому явлению уточнения **, мы исходим из наличия в них таких известных и надежных показателей, как подчинительная связь с общим уточняющим элементом структуры, постпозиция уточняющего по отношению к уточняемому, а также формального лексического средства связи в виде повтора той же лексической единицы.

Как видно из выше приведенных примеров, структура повтора здесь может варьировать как в плане морфологической характеристики, так и в плане расположения элементов окружения повтора.

В исследованном нами материале оказалось возможным выявить для обоих языков несколько разновидностей построения повтора данного типа:

1. Повтор ядра с приобретением зависимых элементов:

I want to get the **picture**.   Стояла **тишина**. **Тишина**,
The exact **picture** (Shaw I.).   которая бывает перед парадом.

2. Повтор только зависимых:

Women made such **swell**   От нас легко проехать в тот
friends. Awfully **swell** (He-   дальний лесок. В дальний. Это
mingway).   были **трудные** дела. **Трудные**,
   опасные, интересные.

При этом, как видно из приведенных примеров, лексический состав и аранжировка левых зависимых может варьировать.

3. Повтор только ядра (с потерей зависимых) не характерен для английского языка, в русском же языке он отмечается как один из случаев экспрессивного повтора существительного, когда для подчеркивания его особой значимости, существительное освобождается от всех зависимых членов, в том числе от прилагательных [8, 376]:

Они притащили такую
огромную охапку **ромашек**.
Ромашек.

В таком случае возможности парцелляции в русском языке оказываются в сравнении с английским более широкими, а связь элементов в атрибутивном сочетании менее тесной, что и создает возможность отрыва зависимых элементов от ядра.

Остановимся на некоторых структурных различиях в приемах построения повтора первого из выделенных выше типов.

** Мы не ставим здесь задачу разграничения таких явлений, как аппозиция и уточнение, хотя она неизбежно возникает при рассмотрении структур с повтором.

В ряде случаев при передаче с одного языка на другой в повторе не наблюдается полного структурного соответствия, например:

I've got ideas. A lot of them (Wilson).
I need sleep. Lots of it (Osborne).

Сравним аналогичные русские предложения — У меня есть идеи. Много идей. Мне нужен сон. Много сна.

В приведенных английских примерах имя существительное при повторе (ideas, sleep) заменяется на репрезентирующее местоимение (them, it), в то время как в аналогичных русских примерах сохраняется повтор самого существительного: сон — много сна; идеи — много идей.

В английском материале подобные построения отмечаются для тех многочисленных случаев, когда в качестве структурного ядра выступают определенные сочетания со значением количественной оценки так называемые кванторы plenty, a number, a couple of и т. д., а также сочетания kind of + N, sort of + N. There are jobs. All sorts of jobs.

В английском сочетании в таком случае происходит сдвиг ядра повтора: ideas — a lot of them; jobs — all sorts of jobs, который касается лишь линейной организации предложения, а на уровне смысла повторяемое слово продолжает нести на себе основную семантическую нагрузку. Подобный повтор с субституцией — характерная черта повтора в английских парцеллированных структурах.

Для английского языка типичен также случай, когда в качестве ядра повтора имени существительного в парцелляте выступает не сам именной компонент, а его заместитель, элемент *опе*, осуществляющий структурное оформление английского словосочетания.

Come, give Mother a kiss.
A nice, big one (Salinger).

Сравним с примером из русского языка:

Затем он сыграл роль. Роль трагикомическую.

Утверждают: искусство — особая форма общения. **Особая**, необычайная, наиболее действенная.

Несовпадение с русским языком в таких случаях вызвано особенностью репрезентации английского существительного, с необходимостью требующей соответствующего структурного оформления словосочетания [9, 99].

При этом элемент *опе*, заместитель существительного, не имеет своего лексического значения, а полностью замещает

знаменательное существительное. В русском языке такой необходимости замещения, как видно из приведенных примеров, нет.

Среди английских примеров выделяется своим построением вид повтора в парцелляте:

I could not throw him, which gave him very high pleasure.
Invariably did (Updike).

Здесь, при повторе знаменательного глагола *gave* в парцелляте произошло замещение его формы на *did* — глагол, который в данном случае лишен всякого лексического значения, кроме значения действия, являющегося грамматическим значением глагола вообще [9, 99—100]. Именно на этом основании мы считаем возможным рассматривать подобные структуры как имеющие повтор элемента с совпадением ядра по лексическому признаку. Присутствие глагола-заместителя в повторе, его «поведение» в структурах подобного типа также обусловлено теми жесткими ограничениями, которые накладываются законами сочетаемости и словоупотребления английского языка (мы имеем в виду ограниченность в употреблении левых и полное отсутствие правых зависимых при элементе *did*). Подобный вид повтора также не имеет структурного соответствия в русском языке.

Итак, проанализированный материал позволил выявить в обоих языках одни и те же типы повтора для парцеллированных структур, однако не выявил полной идентичности в лексико-морфологической и структурной характеристике окружения ядра повтора, обусловленных особенностями каждого языка.

Рамки статьи позволили нам рассмотреть типологию лишь одного вида повтора, что, естественно, не исчерпывает всех вопросов, связанных с типологическим описанием явления парцелляции в обоих языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Библиографию по вопросу см.: Астапова Г. М. Парцеллированные структуры с повтором в современном английском языке (утвердительный и отрицательный тип). Автореф. канд. дисс. Л., 1975.

[2] Турсунов Б. Т. К теории синтаксической парцелляции. (На материале немецко-узбекских параллелей). Материалы III Республиканской научной конференции по вопросам теории и методики преподавания иностранных языков. Ташкент, 1972.

[3] Кацнельсон С. Д. Основные задачи лингвистической типологии. — В сб.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.

[4] Жигадло В. И., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., 1956; Ilyish B. A. The Structure of Modern English. L., 1971.

[5] Ингве В. Гипотеза глубины. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.

[6] Павлова К. Г. Проблема объема предложения (словосочетания) в лингвистической литературе. — «Иностранные языки в школе», 1971, № 2.

[7] Годер Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием. — В сб.: Логико-грамматические очерки. М., 1961.

[8] Русская разговорная речь. М., 1973.

[9] Варгина Н. В. К вопросу о месте слова-заместителя опе в системе частей речи английского языка. — В сб.: Исследования по английской филологии. Л., 1973.

К. А. ГУЗЕЕВА

СИНТАКСИЧЕСКАЯ НЕПОЛНОТА ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ИМПЛИКАТИВНАЯ ИТЕРАЦИЯ

Если рассматривать диалог как определенную подсистему текста, то становится очевидным, что диалогическое единство неизбежно отражает существенные свойства всей системы в целом. Следовательно, законы построения текста вообще являются также и законами построения диалогических единств. Поэтому то положение, что связанность, спаянность предложений абзаца ведет к синсемантии составляющих его предложений и, наоборот, отсутствие межфразовых связей делает предложение автосемантическим [1], также применимо к диалогической речи как и к другим видам текста [1, 86].

Однако диалог имеет свои особенности, свойства, присущие только этой подсистеме. Одним из таких свойств можно считать некоторую нечеткость границ предложения в диалогической речи, то, что В. Д. Девкин назвал перераспределением логико-синтаксических отношений с уровня отношений слов внутри одного предложения на уровень отношений между разными предложениями [2, 9]. Это находит выражение в обилии различных видов неполных предложений и в многообразии присоединительных конструкций (парцелляций), а также в некоторых особенностях организации диалогических единств, в том, что диалог обладает еще и своим, отличным от других подсистем, арсеналом средств связи. Сюда относятся функции некоторых видов замещения и репрезентации, особенности прономинализации и различные специфические виды организации предложения.

В данной статье рассматривается один вид синтаксической связи внутри диалогического единства, когда вторая реплика — неполное предложение:

What did he mean by "don't forget"? — Something I've been meaning to tell you (J. Osborne). — I just can't believe that love between men and women is really like that. — Only some men and women (J. Osborne). Связь между репликами

не имеет здесь эксплицитного выражения. Такой ее вид — следствие закона экономии и аналогии, вызывающих к жизни значительное количество различных структур, характеризующих разговорную речь. Неполные предложения — одно из проявлений действия этого закона. Являясь характерной чертой разговорного синтаксиса, они, помимо актуализации стремления говорящего к сжатости и краткости, осуществляют связь второй реплики (или последующей реплики) с предыдущей за счет своей структурной неполноты.

Как известно, неполные предложения, взятые в отдельности, вне контекста или ситуации, характеризуются синсемантией, ибо они в большей или меньшей степени несамостоятельны в смысловом отношении. Структурная неполнота находит отражение в смысловой несамостоятельности, если это предложение изъято из контекста. Учитывая это положение, вернемся к выдвинутому Т. И. Сильман тезису о том, что «синсемантическое предложение, естественно, теснее связано с контекстом и тем самым прочно впаяно в абзац» [1, 88]. В случае с неполными предложениями эта мысль становится особенно важной. Синсемантия делает неполные предложения неотъемлемой частью диалогического единства, создает их спаянность с ним. Иными словами, сама структурная неполнота, природа которой исходит из контекстуальной связей (так как именно контекст — единственный языковой фактор, являющийся условием функционирования неполных предложений), представляет собой один из видов межфразовых связей, типичных для диалогической речи. Природа этой связи, однако, та же, что и в других видах текста. В основе ее лежит операция семантического сцепления, которая предполагает, по мнению Болларда, Конрада и Лонгакра, передвижение одного и того же или очень похожего лексического материала по изменяющейся модели отношений между предложениями [6]. Очевидно, что операция семантического сцепления лежит в основе почти всех контекстуальных связей. В случае неполных предложений, однако, возможно следующее возражение: о каком лексическом материале может идти речь, когда говорится о его опущении? В этой связи интересны результаты исследования И. Б. Мониной [4], которому удалось вполне убедительно показать, что эллипс может и должен рассматриваться как повтор, только повтор имплицитный. И. Б. Монин приходит к выводу, что имплицитный повтор — это один из видов итеративной связи, потому что в плане содержания коннектор дублируется [3, 133]. Он отмечает, что «имплицитный повтор — средняя фаза перехода итерации в конъюнкцию и наоборот» [3, 155]. Иначе говоря, имплицитный повтор занимает промежуточное положение между различными видами связи, и сам по себе может рас-

смаатриваться как особый вид связи, характерный для разговорной речи, так как для других видов текста типична структурная полнота составляющих их предложений и связь итеративная основана на многообразных видах замещений и лексических повторов.

Из сказанного следует, что замещение и лексический повтор имеют много общего с имплекативным повтором. Это особенно очевидно в случае замещения, где «по изменяющейся модели отношений» между предложениями» передвигается лексический материал, фактически не имеющий своего конкретного значения (некоторые местоимения, глаголы-заместители) и наполняющийся каждый раз тем значением, которое требует предшествующий контекст.

Очень схожий процесс происходит и с неполными предложениями, позиционная модель которых детерминирует наличие определенных незанятых позиций. Они получают в сознании слушающего лексическое наполнение, обусловленное предшествующей (или предшествующими) репликой. Опусшению подвергаются, главным образом, общие для взаимосвязанных реплик элементы в позициях подлежащего, связки, сказуемого или его части.

Имплекитный повтор как вид межфразовой связи имеет в диалоге две реализации: либо связь между двумя различными репликами — “Am I a nuisance?” — “ — — Never. — ” (A. Cronin), либо между предложениями одной реплики: I know what it is. — — Good sight in a way. (K. Amis).

Полные предложения в диалогических единствах, подобных первому, не только не усиливают связь внутри него, но напротив, разобщают реплики. Это убедительно показал в своей работе Н. В. Глаголев, который писал: «Повторение общих элементов во взаимосвязанных репликах диалога, как это ни странно, зачастую отнюдь не усиливает их связь, а наоборот, изолирует их друг от друга» [4, 18]. Такой вывод подтверждает тезис Т. И. Сильман о том, что автосемантическое предложение, именно благодаря своей большой самостоятельности, менее органически включается в контекст, сохраняя при всей своей связи с ним известную изолированность и самоценность. Автосемантическое предложение поэтому с легкостью способно само по себе образовывать абзац [1, 88]. Неполные же предложения можно рассматривать как один из способов создания спаянности текста, как одно из текстообразующих средств.

Каков же механизм этой связи, основанной на эллипсе (на имплекитном повторе)? В исследуемом случае связь между предложениями может осуществляться лишь на основе их структурной соотнесенности. Она реализуется за счет опоры последующих реплик на первую, открывающую диало-

гическое единство. Эта первая реплика, как правило, более автономна и структурно независима и может быть представлена полным предложением (что впрочем, не обязательно, благодаря ситуативному характеру любого диалога, не говоря уже о том, что она может быть и последней репликой предыдущего единства). Однако в любом случае эта первая реплика — «синтаксически организующий зачин» [5], семантико-синтаксический центр, за которым следует цепь других реплик — неполных предложений, зависящих от нее. Таким образом, направление зависимости всегда регрессивно.

Механизм этой связи может быть объяснен действием грамматического закона скобок А. Дебруннера. Он был сформулирован применительно к общим однородным элементам одного предложения и гласил, что предложение подчиняется следующей закономерности: если есть соположение элементов $ab+ac$, то оно равно $a(b+c)$, или $ac+bc$, то оно равно $(a+b)c$, или $abd+dac$, то оно равно $a(b+c)d$. А. Дебруннер пришел к выводу, что вынесение за скобку «общих элементов однородных групп не только способствует компактности... но и более тесно спаивает основные элементы предложения» [7].

А. Дебруннер не пошел дальше в разработке своего закона и экстраполяции выдвинутой им закономерности на отрезки текста больше предложения. Однако представляется, что и в подобных случаях могут наблюдаться те же явления, что и внутри одного предложения. При имплицативной итерации, например, происходит «вынесение за скобки», т. е. в исходную реплику, общих структурно-семантических элементов.

Какие же элементы предложения могут быть общими и выноситься за скобку? Естественно предположить, что не те части предложения, которые несут основную информацию. Тем более, что из теории неполных предложений известно, что вообще опускаться могут только те словоформы, которые, с одной стороны, не несут информативной нагрузки, а с другой — замещают главные позиции в предложении. Следовательно, словоформы в позициях подлежащего и сказуемого могут выноситься за скобку, а в позициях дополнения и обстоятельства, как правило, нет, потому что в большинстве случаев именно они информативно нагружены.

— (You must have had) plenty of practice, surely *. —
“Not much, as a matter of fact” (K. Amis).

---

* В скобки заключены те общие элементы, которые рассматриваются как вынесенные «за скобки» для обеих реплик. В первой они представлены эксплицитно, во втором — имплицитно, но являются объединяющими.

— “(You got) plenty of lodgers?” — “Only three, sir” (Gr. Greene).

Здесь можно считать, что «за скобки», т. е. в нашем случае в первую реплику, вынесены такие общие элементы, как словоформы в позиции подлежащего и сказуемого **.

Возможно и неполное вынесение за скобку словоформ в этих позициях, если какая-то часть их несет информативную нагрузку.

Здесь информативно необходимо выражение позиции предикативного члена во второй реплике, ибо он несет в себе ответ на вопрос. Поэтому «за скобки», в первую реплику, выносятся только словоформы в позициях подлежащего и связки.

Подобный способ соединения реплик наблюдается не только в двухчастных диалогических единицах, но в многочастных.

— (I) worked my way through college. As a crooner, believe it or not.

— And played half back on the football team.

— Correct.

— And were in the marines during the war.

— Army Air Force.

— And finished up a colonel.

— Wrong again. A one-star General (Gr. Greene).

Здесь словоформа в позиции подлежащего является общей для шести реплик, «вынесена за скобки» в первую и, таким образом, связывает все семичастное единство.

Особый интерес представляет взаимодействие в диалогическом единстве специального вопроса и ответа, выраженного неполным предложением.

“What is it, lovely?” — “Nothing” (J. Osborne). — “When did you find this out?” — “Ten days ago” (J. Osborne). — “Hallo, Jim, how is it going?” — “Badly” (K. Aimis).

Во всех случаях общие элементы остаются в первых репликах, а вторые содержат лишь то, что коррелирует с соответствующим вопросительным словом:

what — nothing, when — ten days ago, how — badly.

Очевидно, закон А. Дебруннера не может дать исчерпывающего объяснения механизма имплицативной итеративной связи реплик диалога, потому что отнюдь не всегда имеет такой простой и однозначный вид, не усложненный другими явлениями, как в приведенных примерах. Однако думается,

---

** В диалоге местоимения 1-го и 2-го лица можно рассматривать как общие элементы, так как их чередование вызвано сменой говорящих в различных репликах, то же следует сказать и о чередовании форм глагола.

что этот закон дает достаточное объяснение простейших случаев такой связи и взаимодействует с другими закономерностями в более сложных построениях диалогических единств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сильман Т. И. Синтаксические связи между предложениями и их значение для структуры отдельного предложения. — НДВШ. Филологические науки, 1965, № 2.

[2] Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965.

[3] Монин И. Б. Гипотаксис и паратаксис как способы связи смежных цельных предложений. Автореф. канд. дисс. Л., 1977.

[4] Глаголев Н. В. Об основных видах взаимосвязи предложений диалога. — ИЯШ, 1969, № 2, с. 18.

[5] Солганик Г. Я. О способах объединения самостоятельных предложений в прозаические строфы. Автореф. канд. дисс. М., 1965.

[6] Bollard D. Lee, Conrad B. J., Longacre R. E. The Deep and Surface Grammar of Interclausal Relations. Foundations of Language, v. 7, N 1, 1971.

[7] Debrunner A. Das Gefühl für Grammatische Gesetze. Indogermanische Forschungen für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Bd. 50, 1932, Heft 3.

О. А. ГУЛЯЕВА

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИДАТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В лингвистической литературе проводится деление придаточных определительных предложений на собственно-определятельные, выражающие признак как таковой, и несобственно-определятельные, выражающие коммуникативно новое содержание [1]. В настоящей статье рассматриваются только несобственно-определятельные придаточные предложения, выражающие признак лейтмотивного характера, который нас интересует.

Учитывая, что лейтмотив является стилистической категорией, которую можно выявить лишь в рамках целого художественного произведения, интересующая нас грамматическая конструкция прослеживается в цельном художественном тексте.

Остановимся на вопросе трактовки лейтмотива в литературоведении. Приведем некоторые определения: «Лейтмотив... употребляется в различных значениях. Наиболее распространенное — конкретный образ, проходящий сквозь творчество писателя или отдельное произведение, настойчиво повторяемый, многократно упоминаемая отдельная деталь или

даже слово, служащее ключевым для раскрытия замысла писателя» [2, 172]; «термином «лейтмотив» обозначается тот комплекс тематических и выразительных средств, который постоянно повторяется на протяжении данного художественного целого — литературного произведения...» [3, 157—158].

Проблема лейтмотива в лингвостилистическом аспекте представляет большой интерес. Являясь одной из действенных форм авторской акцентуации, лейтмотив в различных индивидуальных стилях и в разных текстовых системах имеет различное выражение. Можно предположить, что если бы имелись исследования, описывающие способы языкового выражения лейтмотива у разных авторов и в разных произведениях, то, наверное, можно было бы выделить определенные языковые структуры с общефункциональным стилистическим значением в рамках художественного стиля.

Несобственно-определятельное придаточное предложение при регулярном повторении в тексте может служить для выражения признака лейтмотивного характера [4]. Проследим это на конкретных примерах.

В романе Т. Манна «Будденброки» читатель знакомится с портным Штутот, а заодно и с его супругой:

Herr Stuht in der Glockengießerstraße, ein Schneidermeister, dessen Gattin alte Kleidungsstücke kaufte und darum in den ersten Kreisen verkehrte, Herr Stuht, dessen Bauch von einem wollenen Hemd bekleidet war und in erstaunlicher Rundung über das Beinkleid hinunterfiel... (B; 62)

«Признаками» герра Штута являются... его собирающая ношеное платье и потому вращающаяся в высших кругах жена и живот, обтянутый шерстяной рубашкой и нависающий над панталонами». Уже в одном этом сложном предложении писатель несколько раз достигает комического эффекта: первое придаточное атрибутивное (*dessen Gattin alte Kleidungsstücke kaufte*) указывает на род занятий фрау Штут, к нему сочинительной связью присоединяется предложение, объясняющие последствия для фрау Штут ее деятельности (*und darum inden ersten Kreisen verkehrte*). Параллельно первому придаточному строится второе; в обоих придаточных определятельных используется одно и то же средство ввода — относительное местоимение мужского рода, единственного числа в родительном падеже — *dessen-*, после которого в обоих случаях следует имя существительное:

Herr Stuht, dessen Gattin...

Herr Stuht, dessen Bauch...

Будучи построенным параллельно по формально-грамматическим признакам, эти предложения резко контрастируют по содержанию — автор намеренно сочетает несочетаемые признаки, стремясь к достижению определенного стилисти-

ческого эффекта. В результате уже одно это сложное предложение, не только благодаря своему лексическому наполнению, но и за счет элементов чисто грамматического характера, позволяет судить об ироническом отношении автора к портному Штуту и его супруге. Далее на протяжении всего романа как только Т. Манн упоминает о фрау Штут, сразу же появляется ее характерный «признак», грамматически оформленный как придаточное определительное, а именно тот факт, что она «вращалась в высших кругах». Интересно отметить, что лексико-семантический повтор претерпевает изменение: он варьируется от развернутого предложения... dessen Gattin alte Kleidungsstücke und darum in den ersten Kreisen verkehrte, которое содержит мотивировку обстоятельства, почему фрау Штут вращалась в высших кругах, до придаточного определительного, в котором эта мотивировка снимается: Frau Stuhl, die in den ersten Kreisen verkehrte; грамматический же повтор остается неизменным во всех последующих сложных предложениях, выражаясь одной и той же структурой:

Frau Stuhl, dieselbe, **die in den ersten Kreisen verkehrte**, hatte die beiden erblickt, ... (B; 78). Auch Herr Stuhl in der Glockengießerstraße sagte zu seiner Frau, **welche in den ersten Kreisen verkehrte**: ... (B; 253). Über sein Verhältnis zu einer Statistin vom Sommertheater zum Beispiel amüsierte sich die ganze Stadt, und Frau Stuhl aus der Glockengießerstraße, dieselbe, **die in den ersten Kreisen verkehrte**, erzählte... (B; 297—298). Selbst die Freundinnen der Konsulin Buddenbrook erzählten sich am «Jerusalemsabend» von Senator Möllendorffs Tode, ... und Herr Stuhl in der Glockengießerstraße hatte mit seiner Frau, **die in den ersten Kreisen verkehrte**, eine ausführliche Unterhaltung darüber (B, 388). Frau Stuhl aus der Glockengießerstraße, dieselbe, **die in den ersten Kreisen verkehrte**, war der Braut... behilflich gewesen, ... (B; 424).

При упоминании персонажа, как мы видим, регулярно появляется и сопутствующий ему признак, оформленный как придаточное определительное, который акцентируется благодаря своим структурно-семантическим особенностям и, таким образом, закрепляется в сознании читателя как признак лейтмотивного характера. Признак, закрепленный за фрау Штут, является своеобразной визитной карточкой этого персонажа [8, 167].

Проследим на материале новеллы Т. Манна «Тонио Крегер», как может возникать и развиваться в тексте лейтмотивный признак. В этой новелле белокурой и голубоглазой Ингеборг Хольм, веселой, беззаботной, чуждой всяких сомнений, противопоставляется образ тихой и задумчивой Магдалены Вермерен.

Da war Magdalena Vermehren, Rechtsanwalts Vermehrens Tochter, mit dem sanftem Mund und den großen, dunklen blanken Augen voll Ernst und Schwärmerei. **Sie fiel oft hin beim Tanzen; ...** (T; 156).

Из этого первого представления героини мы узнаем характерную черту Магдалены, ее «признак»: **Sie fiel oft hin beim Tanzen**. Мечтая о времени, когда он станет великим писателем, Тонио с горечью признает, что на Ингу это не произведет никакого впечатления:

Es würde keinen Eindruck machen, nein, des war es ja. Auf Magdalena Vermehren, **die immer hinfiel**, ja, auf die. (T; 159).

Ниже читаем:

Mehr als einmal kränkte es ihn, daß er mit Magdalena Vermehren, **die immer hinfiel**, sprechen konnte, daß sie ihn verstand, und mit ihm lachte und ernst war, während die blonde Inge, saß er auch neben ihr, ihm fern und fremd und befremdet erschien, denn seine Sprache war nicht ihre Sprache; ... (T, 159).

Признак, появившийся в повествовании (в данном случае — в простом предложении), моделируется в придаточное определительное. В дальнейшем развитии повествования этот признак перерастает в признак символического характера [5, 140]. Если сама Магдалена олицетворяет собой людей с богатым внутренним миром, с тонким пониманием природы и поэзии, то и ее «признак» перерастает рамки черты, свойственной одному конкретному человеку, и символизирует неловкость таких, как она, людей в реальной жизни, их неумение к ней приспособиться. Иллюстрацией служит следующий отрезок текста:

Ich finde nicht, was ich suche, Lisaweta. Ich finde die Herde und Gemeinde, die mir wohlbekannt ist, einer Versammlung von ersten Christen gleichsam; Leute mit ungeschickten Körpern und feinen Seelen, Leute, **die immer hinfallen, sozusagen**, Sie verstehen mich, und denen die Poesie eine sanfte Rache am Leben ist... (T; 176).

Рассмотренные примеры лейтмотива несколько разного характера. В примерах из «Будденброков» речь идет о выраженном придаточном определительном лейтмотивном признаке, сопутствующем одному субъекту; в «Тонио Крегере» лейтмотив, выраженный придаточным определительным, это не только сопутствующий персонажу признак, это признак-идея, признак-символ, имеющий обобщающий художественный смысл.

Существует и другой вид лейтмотива, выраженный придаточным определительным: речь идет о лейтмотиве, закреплённом за темой. Соотношение между лексико-семантическим

наполнением лейтмотивного признака, оформленного в виде придаточного определительного, и глубинным содержанием текста интересно проследить на примере романа Л. Франка «Ученики Иисуса».

Действие в произведении происходит в послевоенном Вюрцбурге, вернее там, где когда-то стоял этот красивый древний город, а сейчас — лишь его руины. На протяжении всего романа Л. Франк постоянно напоминает читателю, что города больше нет, что он разрушен. Пишет ли автор о городе в целом или о каких-то его кварталах, или о протекающем через город Майне, он снова и снова вплетает в повествование тему войны, которая уже закончена, но разрушительные и жестокие последствия которой все еще зримы. Тема разрушенного Вюрцбурга — лейтмотив романа. Меняются опорные слова — детали описания (город, дома, кварталы, достопримечательности), — но лейтмотивный признак, варьируясь в семантическом плане, неизменно отливается в форму, где его акцентированность наиболее очевидна:

Über dem ganzen Tal schien ein Seidenteppich zu liegen — grün in grün geknüpft Rebhügel, Wald und Obstbaumfelder und das bogenreiche blaue Band, **an dessen Ufer Würzburg gewesen war, das jetzt eine zerhackte Ruine ist, ein Denkmal der Nazierrschaft** (J; 5). Den folgenden Morgen floß der Main, **in dem sich die schönste Stadt des Landes gespiegelt hatte**, langsam... (J; 7). ... und blieb stehen vor dem weiten Tal, **wo Würzburg gewesen war** (J, 36). ... es gab keine Schreibmaschinen mehr in einer Stadt, **die es nicht mehr gab**, ... (J; 6). Über den Schutthaufen, **die einstens Häuser und Straßen und eine Stadt gewesen waren**, schien es seit tausend Jahren totenstill zu sein. (J; 61). Er (der Mond — O. Г.) hing über dem Trümmerfeld, **wo Würzburg gewesen war und dreißig Kirchtürme tausend Jahre zeitlos in den Himmel gestanden hatten** (J; 81).

Раскрывая тему войны, автор часто использует сложно-подчиненное предложение, отдавая явное предпочтение гипотаксису с придаточным атрибутивным [только один раз встречается сложноподчиненное предложение с придаточным места: Sie blickte zurück, dorthin, **wo Würzburg gewesen war** (J; 7)].

При проведении лейтмотивной темы автор варьирует спорные слова, лексическое наполнение придаточных; постоянным фактором остается грамматическая структура — гипотаксис с придаточным определительным. Таким образом, грамматическая конструкция тоже вносит свой вклад в разработку лейтмотивной темы, так как «... все подробности стиля, все проявления художественной выразительности стоят

на службе у главной идеи, у художественного замысла произведения, им порождаются и им направляются» [6, 3—4].

Тот факт, что опорные слова и лексическое наполнение придаточных варьируются, не снижает стилистического эффекта, так как «...лейтмотив, возвращаясь каждый раз в частично обновленной, варьируемой ситуации, создает прочную основу явления на фоне его изменяемости и при этом содействует углубленной трактовке этого явления» [7, 137].

Подводя итоги, можно сказать, что придаточное определительное предложение уже по своей грамматической природе является синтактико-семантическим средством языка, которое может стилистически реализоваться в цельном художественном тексте как лейтмотивный признак. Лексическое наполнение придаточного определительного в этом случае может повторяться или варьироваться, оставаясь, однако, в плане содержания в рамках одной лейтмотивной темы, а в плане выражения — в рамках рассматриваемой грамматической структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Behaghel O. Deutsche Syntax. Heidelberg, 1928, Bd. III; Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Freiburg, 1959; Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973; Кислая С. В. Несобственно-определительные придаточные предложения в современном немецком языке (семантика, структура, синонимия). Автореф. канд. дисс. Киев, 1963.

[2] Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.

[3] Литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1932.

[4] Вазбуцкая К. Г. Сложноподчиненное предложение с придаточным определительным в системе стиля. — В сб.: Стилистика художественной речи. Вып. III. Л., 1977.

[5] О большой выразительной силе повторения типичных мотивов в целях символического воздействия см.: Дибелиус В. Лейтмотивы у Диккенса. — В кн.: Проблемы литературной формы. Л., 1928.

[6] Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.

[7] Адмони В. Г., Сильман Т. И. Томас Манн. Очерк творчества. Л., 1960.

[8] Ср.: Th. Mann: «scheidet... aus, was den Eindruck der Visitenkarte weckt: die ständig und ohne Veränderung wiederkehrenden Züge»; Walzel O. Das Wortkunstwerk. Leipzig, 1926.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

B. — Th. Mann. Buddenbrooks. Verlag für fremdsprachige Literatur. Moskau, 1956.

T. — Th. Mann. Tonio Kröger. — In: Th. Mann. Erzählungen. Verlag Ph. Reclam jun. Leipzig, 1975.

J. — L. Frank. Die Jünger Jesu. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar.

А. Г. ГУРОЧКИНА
**О ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
С ИМЕННЫМИ ЦЕНТРАМИ ПОДЧИНЕНИЯ
В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ**

Одну из разновидностей полипредикативных предложений в английском языке, начиная с самого древнего периода его развития, составляют полипредикативные предложения с разночленным подчинением.

Структурным вариантом такого типа предложений являются полипредикативные предложения с именными центрами подчинения (ЦП). Решающий фактор, позволяющий выделить данный структурный вариант полипредикативного предложения, — морфологическая природа ЦП, их именная характеристика.

В древнеанглийском языке, как показал исследованный материал, основным средством выражения именных ЦП являются указательные местоимения или личные (с оттенком указательности) и имена существительные, исходя из чего представляется целесообразным разделить зависимые предикативные единицы (ПЕ) на приместоименно определительные и присубстантивно определительные.

В соответствии с морфологической природой ЦП выделяются три разновидности предложений с именными ЦП:

- 1) полипредикативные предложения с двумя приместоименно определительными ПЕ;
- 2) полипредикативные предложения с двумя присубстантивно определительными ПЕ;
- 3) полипредикативные предложения «смешанного» типа, т. е. предложения с одной приместоименно, другой — присубстантивно определительными ПЕ.

В предложениях с двумя приместоименно определительными ПЕ центры подчинения выражены:

А. Указательными местоимениями *se, seo, ðaet*, например, *Se ðe haebbe twa tunecan, selle oðre ðam ðe nane haebbe* (Birth., p. 169).

Пусть тот, у кого две туники, отдаст одну тому, у кого нет ни одной.

Б. Личными местоимениями (с оттенком указательности): *we ðe synt on lichomum lifgende, and eac ða ðe on helle synt biddað ðinre onlesnesse and ðinre haelo* (Palm., 81).

Мы, которые на земле живем, и также те, которые в аду, молим тебя об избавлении и спасении.

В полипредикативных предложениях с двумя присубстантивно определительными ПЕ центры подчинения выражены самыми разнообразными по семантике и форме существительными, например:

Song he se mæssepreost and rædde orationem, ƿæƿe wiþ ƿære aþle awritene wæron, and ƿing dyde, ƿe he selust wiþ ƿon ciþe (Bede's, 184).

Священник пел и читал молитвы, которые были написаны для исцеления этой болезни, и делал то, что казалось ему самым лучшим против нее.

В полипредикативных предложениях «смешанного типа» способ выражения именных ЦП, в основном, тождественен способам выражения ЦП в предложениях с двумя приместоименно или присубстантивно определительными ПЕ. Однако наблюдаются и некоторые отличия. Так, один из именных ЦП может быть выражен, кроме указательных и личных местоимений, также обобщающими, неопределенными и выделительными местоимениями типа *eall*, *ælc*, *sum*, *oðer* и др., что, по-видимому, связано с тем, что эти местоимения, с одной стороны, могут иметь предваряющий характер указания, а с другой — они, как и указательные местоимения, могут выступать в предложении как в атрибутивной функции, так и субстантивно. Например,

And see abbod Æþelgar mid geþeahƿe ures cynelafoðes. and ƿæs bysceopes Æþelwodes. and ealles ƿæs hiredes. ƿa ylcan mylne ƿe se bisceop seolde. and oðre ƿe hiær ahtum binnan ƿære byrig. to sibbe geſealde into nunnan mynstre (Diplom., 376).

И аббат Этельгар по совету нашего короля и епископа Этельвольда и всех монахов ту самую мельницу, которую этот епископ подарил, и другую, которой они раньше владели в стенах монастыря, отдал ради мира женскому монастырю.

Таким образом, основным формальным показателем, который позволяет различать две разновидности определительных ПЕ в рассматриваемом структурном варианте, является способ выражения именных ЦП.

Другой значимой характеристикой ЦП, помогающей выявить как специфику полипредикативных предложений с разночленным подчинением в целом, так и рассматриваемого структурного варианта, являются синтаксические функции ЦП. Отличительной чертой именных ЦП является их полифункциональность. В подчиняющей ПЕ предложений модели —NN ЦП выполняет четыре синтаксические функции: подлежащего, дополнения (прямого или косвенного), обстоятельства и предикативного члена. При этом ЦП могут быть либо гомофункциональными, либо выступать в разных синтаксических функциях.

Для ЦП в предложениях с двумя приместоименно определительными ПЕ характерны две синтаксические функции подлежащего и дополнения (прямого или косвенного).

Для ЦП в предложениях с присубстантивно определенными ПЕ характерны три синтаксические функции: подлежащего, дополнения (прямого или косвенного) и обстоятельства (разных типов).

В полипредикативных предложениях «смешанного типа» именные ЦП выполняют четыре синтаксические функции: подлежащего, дополнения (прямого или косвенного), обстоятельства (разных типов) и предикативного члена.

Третьей важной особенностью для характеристики изучаемых предложений является сочетаемость ЦП и степень их взаимосвязанности с определительными ПЕ.

Известно, что части полипредикативного предложения находятся в смысловой и структурной взаимосвязи и взаимозависимости, при этом синтаксические связи между ними могут быть более свободными и более тесными. В преобладающем большинстве полипредикативных предложений в зависимой ПЕ находится формальный показатель подчинения (союз или союзное слово), указывающий на необходимость сочетания ее с другой частью предложения, которую в настоящей работе мы называем подчиняющей ПЕ. Однако подчиняющая ПЕ также не всегда обладает достаточной самостоятельностью и в некоторых случаях требует обязательного наличия зависимой ПЕ.

Основные факторы, как указывают многие лингвисты, определяющие обязательность/необязательность зависимой ПЕ, структурная и смысловая завершенность/незавершенность подчиняющей ПЕ. Условия, которые создают структурную незавершенность ЦП и всей подчиняющей ПЕ, а следовательно, и структурную обязательность зависимой ПЕ связаны:

1) с отсутствием одного из главных членов предложения в подчиняющей ПЕ, который восполняется обязательной в этом случае зависимой ПЕ⁺ [1];

2) с обязательной сочетаемостью ЦП [2, 137];

3) а также с наличием «синтаксического сигнала» [3] или «лексико-грамматического индекса» [4, 9] в подчиняющей ПЕ, указывающего на необходимость зависимой ПЕ.

Смысловая незавершенность ЦП и подчиняющей ПЕ в целом определяется:

1) лексическим наполнением ЦП;

2) характером и природой их левого и правого распространения.

В древнеанглийском языке для полипредикативных предложений с именными ЦП наиболее характерной является двусоставная структура образующих их ПЕ, поэтому основным критерием, позволяющим установить структурную обязательность/необязательность зависимых ПЕ и степень вза-

имосвязанности подчиняющей ПЕ с зависимыми, оказывается лишь третий момент, а именно «синтаксический сигнал», в качестве которого выступают различные соотносительные слова.

В лингвистической литературе соотносительные слова рассматриваются как особая категория слов, оказывающая большое влияние на степень спаянности главной части с зависимой. В число соотносительных слов или коррелятов (эти термины в большинстве работ употребляются как синонимы) включаются: указательные, неопределенные, обобщающие и другие разряды местоимений, наиболее абстрактные существительные и прилагательные, частицы, артикли, сравнительная степень прилагательных и наречий. Основанием для их объединения в одну языковую группу является специфика их семантики, их обобщенное, неконкретное лексическое значение, требующее уточнения, конкретизации в зависимой ПЕ. Находясь в главной части сложного предложения, соотносительные слова формально завершают подчиняющую ПЕ, но будучи семантически неопределенными, они выражают смысл неполно, недостаточно, не так, как того требует содержание высказывания, являясь, таким образом, лишь предвестником, сигналом того, что этот смысл раскрывается в идущей далее зависимой части. «Для всех соотносительных слов характерна роль предвестника и посредника придаточного предложения в главном, однако выполняют они ее по-разному в разных условиях» [5, 32]. По-разному участвуют соотносительные слова и в построении различных моделей сложного предложения. В одних случаях они конструктивно необходимы, в других — факультативны, и предложение может быть построено без них. От степени обобщенности и указательности соотносительных слов зависит теснота сцепления подчиняющей ПЕ с подчиненной. Она тем выше, чем сильнее сема указательности и обобщенности в соотносительном слове. Современные исследователи, занимающиеся вопросами сочетаемости компонентов сложного предложения и степенью их взаимосвязанности, особое внимание уделяют соотносительным словам, указательным местоимениям, считая их одним из важнейших средств осуществления тесной связанности между ПЕ. Характер синтаксической связи между компонентами бипредикативного или полипредикативного предложения при наличии в подчиняющей ПЕ указательных местоимений в роли соотносительных слов определяется грамматистами по-разному. Одни определяют ее как коррелятивно-комплетивную связь [6, 144], другие — как конструктивно-обязательную или структурно-обязательную [7, 49], третьи — как обязательную, лексико-грамматическую связь [8, 67], четвертые — как семантически обязательную [9, 12],

пятые считают, что корреляты осуществляют особый семантико-структурный тип взаимосвязи главного и придаточного предложений [10, 6], шестые относят корреляты—соотносительные слова к числу факультативных дополнительных средств осуществления более или менее тесной связанности между компонентами сложного предложения [11, 30]. С нашей точки зрения, наличие или отсутствие в подчиняющей ПЕ соотносительных слов является очень важным для строения полипредикативного предложения в древнеанглийском языке. Под соотносительными словами мы понимаем такие слова, которые соотносят обозначаемый ЦП лицо или предмет с зависимой ПЕ и которые сами по себе или в сочетании с определяемым словом указывают, что данный предмет или лицо требует своего раскрытия этой зависимой ПЕ.

Ядро соотносительных слов в предложениях с именными ЦП составляют указательные местоимения *-se, seo, ðæt*. Как известно, общим грамматическим значением класса местоимений является значение указания на предметы и их признаки, лексические же значения отдельных разрядов этого класса оказываются как бы сопутствующими, служащими для выражения различных оттенков указания. Убедительной представляется точка зрения С. Д. Кацнельсона, который относит значение указательных местоимений к «неопределенным лексическим значениям», и отмечает, что указательные местоимения всегда обусловлены ситуативно и контекстуально. «Что значит «это» само по себе? Все, что угодно, любое событие, любой предмет и любой признак. Только в конкретной речевой ситуации... «это» лишается неопределенности и обозначает конкретный объект» [12, 16].

В древнеанглийском языке в предложениях рассматриваемого типа указательные местоимения размещаются в подчиняющей ПЕ, всегда имеют предваряющее значение и требуют обязательного восполнения своей лексико-грамматической незавершенности подчиненными определительными ПЕ. «Обязательная сочетаемость, — отмечает В. Г. Адмони, — как грамматическое явление фигурирует там, где необходимость восполнения данного слова другим словом для завершения конструкции диктуется общими грамматическими свойствами данного слова, его принадлежностью к определенному разряду или его постановкой в определенной форме» [13, 112].

Отличительной чертой предложений с приместоименно определительными ПЕ является то, что указательные местоимения в этой структурной разновидности полипредикативных предложений выступают одновременно и как ЦП. В подчиняющей ПЕ они выполняют синтаксические функции подлежащего или дополнения и осуществляют непосредственное

грамматическое подчинение определительных ПЕ. В этом случае они конструктивно значимы и в силу особенностей своего лексико-грамматического значения обладают обязательной сочетаемостью с определительными ПЕ. Такие определительные ПЕ можно квалифицировать, как структурно обязательные или структурно необходимые. Без них структура всего полипредикативного предложения не будет грамматически завершена и предложение в целом не представляет собой законченное высказывание.

Если рассматривать синтаксическое окружение указательных местоимений в данных предложениях по признаку факультативности / обязательности, то приместоименно определительные ПЕ являются обязательным окружением указательных местоимений, выступающих в роли ЦП в подчиняющей ПЕ. Г. Г. Почепцов определяет обязательное окружение как неотъемлемую, обязательную характеристику элемента в синтагматической цепи [14, 64].

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что в предложениях с приместоименно определительными ПЕ связь между подчиняющей и подчиненными ПЕ наиболее тесная и необходимая. Подчиненные определительные ПЕ связаны с ЦП, выраженными указательными местоимениями, и зависят от них. С другой стороны, ЦП, являясь конструктивно обязательными в подчиняющей ПЕ и имея предваряющее значение указания, сами не могут существовать в отрыве от определительных ПЕ и, таким образом, создается своего рода обусловленность подчиняющей ПЕ подчиненными. Характер зависимости между частями полипредикативных предложений изучаемой структурной разновидности можно графически отразить в следующей функционально-реляционной модели:

$$\begin{array}{c} \text{Prnd} \\ \uparrow \\ \text{Attr Cl} \end{array}$$

$$\begin{array}{c} \text{Prnd} \\ \uparrow^{**} \\ \text{Attr Cl}^* \end{array}$$

ƿa synd soþlice deade ƿe heora scyppende ne ƿeowiaþ and ƿa ƿe Godes beboda mid biggengum ne healdaþ (Menory., 348).

Те поистине мертвы, кто не служит своему создателю, и те, кто не соблюдает благочестиво предписание божье.

В полипредикативном предложении с присубстантивно определительными ПЕ указательные местоимения выступают в качестве левого распространения имен существительных, являющихся ЦП. В этом случае они факультативны, конструктивно необусловлены. Функцию грамматического подчинения определительных ПЕ выполняют существительные, при

* Prnd — обозначает ЦП, выраженный указательным местоимением, Attr Cl — определительную ПЕ, прямая стрела — синтаксическую зависимость определительной ПЕ от ЦП, а звездочки — семантико-структурную обусловленность ЦП зависимыми ПЕ.

которых стоят указательные местоимения. Эти местоимения в данной разновидности полипредикативных предложений могут присутствовать и могут быть опущены без разрушения структурной целостности подчиняющей ПЕ и всего предложения в целом.

В предложениях с присубстантивно определительными ПЕ мы различаем три группы:

А. Подчиняющая ПЕ структурно завершена, но характеризуется смысловой недостаточностью. Эта недостаточность грамматически сигнализируется наличием указательных местоимений при существительных — центрах подчинения, которые требуют уточнения понятия, выраженного существительным, и тем самым как бы предваряют последующие определительным ПЕ. Они показывают, что мысль начинается в подчиняющей ПЕ и получает свое семантическое завершение лишь в последующих определительных ПЕ, которые конкретизируют и ограничивают значение имени существительного слишком общего по значению, или способствуют выделению данного предмета из других, имеющих то же название, путем указания на какой-либо его отличительный признак, например:

On ðone ilcan daeg bið seo tid ðaet Cristes rod wæs gemed ærest, on ðone daeg ðe we nemnað quinta nonas Maias (Martyr., 72).

В тот самый день наступит то время, когда впервые обнаружили крест Христа, в тот день, который мы обозначим третье мая.

В этом примере подчиняющая ПЕ не выражает законченной мысли и указательные местоимения при существительных — центрах подчинения, сигнализируют о необходимости появления определительных ПЕ, сообщающих об отличительных признаках существительных — «tid» и «dæz». При отсечении определительных ПЕ подчиняющая ПЕ оказывается семантически незавершенной, а указательные местоимения теряют присущий им в этом типе предложений предваряющий характер указания.

Функционально-реляционную модель полипредикативных предложений группы А можно представить следующим образом:

** Символ «N» обозначает ЦП, выраженный именем существительным, прерывистая стрела — семантическую обусловленность ЦП определительными ПЕ.

Б. Другую группу полипредикативных предложений с присубстантивно определительными ПЕ образуют конструкции, в которых подчиняющая ПЕ завершена и в структурном и в смысловом отношении, т. е. имеет необходимый набор членов предложения для грамматического оформления высказывания, а при ЦП нет слов, требующих их дальнейшего уточнения. Определительные ПЕ в этом случае сообщают дополнительные сведения о лице или предмете, которые либо конкретны по своему значению, либо уже достаточно определены в подчиняющей ПЕ.

ond his wif geleafde mid hine, ðære nama wæs Candida, and heora dohter, ðære nama wæs Virgo (Martyr., 92).

И его жена, которую звали Кандида, стала верующей вместе с ним, также их дочь, которую звали Вирго.

Подчиняющая ПЕ в составе этой группы полипредикативных предложений могла бы функционировать как самостоятельное предложение; соединяет ее с зависимыми ПЕ, во-первых, грамматическая связь, осуществляемая с помощью союзных слов, во-вторых, связь смысловая. Характер зависимости между частями полипредикативного предложения группы Б качественно отличен от предыдущих видов зависимости и может быть отображен в следующей функционально-реляционной модели:

Prnpers, gen,	N _{gen} ,	Adj,	Num	N	Prnpers, gen,	N _{gen} ,	Adj,	Num	N
			↑					↑	
			Attr	Cl				Attr	Cl ***

В. К третьей группе полипредикативных предложений с присубстантивно определительными ПЕ, рассматриваемых в плане обязательности / необязательности зависимых ПЕ, относятся предложения, в которых одна определительная ПЕ ограничительная, а другая — описательная.

And Apollonius onfeng ðære wununge ðe him betæht waes and ðaer ineode, Gode ðanciende, ðe him ne forwiernde cynelices weorðscipes and frofre (Apoll., p. 177).

И Аполлон получил то жилище, которое ему было предназначено, и пошел туда, принося благодарности богу, который ему не отказал в королевском покровительстве и утешении.

Характер зависимости между частями предложений этой группы можно отразить в следующей функционально-реляционной модели:

*** Prnpers, gen — обозначает личное местоимение (в родительном падеже), N_{gen} — существительное (в родительном падеже), Adj — прилагательное, Num — числительное.

Prnd, ind, gr, sp, neg	N	Prnpers, gen, Ngen, Adj, Num	N
↓	↑		↑
Attr	Cl		Attr Cl ****

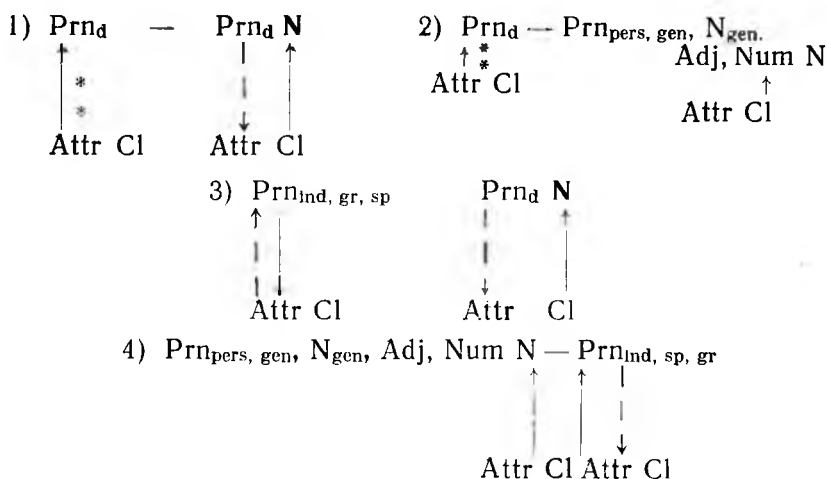
В полипредикативном предложении «смешанного типа» ЦП, к которым относятся приместоименно определительные ПЕ, могут быть выражены, как уже отмечалось, не только указательными местоимениями, но и обобщающими, неопределенными и выделительными. В зависимости от разряда местоимения, степень взаимосвязанности ЦП с определительной ПЕ, а следовательно, и степень обязательности или факультативности определительной ПЕ различны.

Если при ЦП, выраженных предваряющими указательными местоимениями, приместоименно определительные ПЕ ограничительного характера являются конструктивно обязательными и связь между ними и ЦП наиболее тесная, то при ЦП, выраженных обобщающими, неопределенными и выделительными местоимениями эта связь несколько ослаблена. В отличие от указательных местоимений, обобщающие, неопределенные и выделительные местоимения семантически более определены и в ряде случаев могут употребляться в предложениях самостоятельно. Так «ēall» выражает значение собирательности, охвата однородных понятий, «ælc» — обобщение через единичность; выделительные местоимения указывают на противопоставление двух предметов или лиц, выделяя один по отношению к другому. В зависимости от содержания высказывания ЦП, выраженные данными разрядами местоимений, могут нуждаться в уточнении или ограничении своего значения при помощи определительных ПЕ. Такие определительные ПЕ имеют ограничительный характер и их наличие в составе полипредикативного предложения оказывается обязательным, но не для структурной завершенности подчиняющей ПЕ, а для ее смысловой законченности и всего предложения в целом.

ЦП, выраженный именем существительным в предложениях «смешанного типа», выступает, как указывалось выше, либо самостоятельно, либо имеет при себе левое распространение, включающее от одного до четырех элементов. Характер синтаксической связи между частями полипредикативного предложения рассматриваемого типа может быть представлен следующими реляционными моделями:

**** Prn_{ind} — обозначает неопределенное местоимение, Prn_{gr} — обобщающее, Prn_{sp} — выделительное, Prn_{neg} — отрицательное.

Таким образом, основными факторами, помогающими выявить структурную организацию полипредикативных предложений с именными ЦП, являются:

- 1) морфологическая природа ЦП,
- 2) синтаксические функции ЦП,
- 3) сочетаемость ЦП и степень связанности с определительными ПЕ.

Синтаксические связи между подчиняющей и определительными ПЕ в предложениях с именными ЦП разграничатся следующим образом.

В предложениях с приместоименно определительными ПЕ связь обязательная, структурно и семантически обусловленная.

В предложениях с присубстантивно определительными ПЕ группы А, где подчиняющая ПЕ структурно завершена, но характеризуется смысловой недостаточностью, связь обязательная, семантически обусловленная; в предложениях группы Б, в которых подчиняющая ПЕ завершена и в структурном и в смысловом отношении, связь факультативная, формальная; в предложениях группы В, где одна определительная ПЕ ограничительная, а другая — описательная, между ЦП — именем существительным с левым распространением в виде указательного, обобщающего, неопределенного, выделительного или отрицательного местоимения и присубстантивно определительной ПЕ связь обязательная, семантически обусловленная, между ЦП — именем существительным, выступающим самостоятельно, или с левым распространением в виде личного местоимения в родительном падеже, существительного в родительном падеже, прилагательного или числительного и присубстантивно определительной ПЕ связь факультативная, формальная.

В предложениях «смешанного типа» различаются четыре подгруппы степени взаимосвязанности его частей в соответствии с тем, как комбинируются выделенные в древнеанглийском языке разновидности зависимости между частями полипредикативного предложения с двумя именными ЦП:

- 1) связь обязательная, структурно и семантически обусловленная, и связь обязательная, семантически обусловленная;
- 2) связь обязательная, структурно и семантически обусловленная, и связь факультативная, формальная;
- 3) связь обязательная, семантически обусловленная в обоих случаях;
- 4) связь обязательная, семантически обусловленная и связь факультативная, формальная.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Иофик Л. Л. Некоторые особенности сложноподчиненного предложения в современном английском языке. — Учен. зап. ЛГУ, вып. 36, 959, № 233, 1958; Мухин А. М. О предикативной связи и ядерных компонентах предложения. Материалы IX—X конференций северо-кавказского зонального объединения кафедр русского языка. Ростов-на-Дону, 1971.

[2] Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968.

[3] Иванчикова Е. А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе. — «Вопросы языкознания», 1965, № 5; Страхова В. С. Валентность в структуре сложноподчиненного предложения. — В сб.: Синтагматика, парадигматика и их взаимоотношения на уровне синтаксиса. Рига, 1970.

[4] Гулыга Е. В. Некоторые вопросы теории сложноподчиненного предложения. — ИЯШ, 1968, № 1, с. 9.

[5] Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969.

[6] Распопов И. П. Коммуникативно-синтаксический аспект структуры сложноподчиненных предложений. — Учен. зап. Башкирского гос. ун-та. Серия филологических наук, 1964, т. XVIII, № 8.

[7] Гаврилова Г. Ф. О сочетаемости компонентов сложного предложения. — В сб.: Сочетаемость языковых единиц. Ростов-на-Дону, 1968.

[8] Реферовская Е. А. Синтаксис современного французского языка. Л., 1969.

[9] Токарева П. Д. Сложноподчиненное предложение с последовательным подчинением в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1964.

[10] Храменкова В. А. Функциональный класс коррелятов в современном английском языке. — Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза, т. 37, 1967.

[11] Будаева А. К. Сочетаемость компонентов в сложноподчиненных предложениях с неоднородными придаточными, связанными с одним членом главного. — Учен. зап. Хабаровского ГПИ, т. 27, 1970.

[12] Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

[13] Адмони В. Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

[14] Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.

- Apoll.—Apollonius of Tyre. A First Book in Old English. Ed. by A. Cook. Boston, 1895.
 Bede's.—The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Ed. by Th. Miller. London, 1890.
 Birth.—Birth of John the Baptist. The Blickling Homilies of 10-th Century. Ed. by R. Morris. p. 11. London, 1874—1876.
 Diplom.—Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici. A Collection of English Charters. Ed. by B. Thorpe. v. 1—2. London, 1865.
 Martyr.—And Old English Martyrology. London, 1900.
 Memory.—Memory of the Saints. Aelfric's Lives of Saints. Ed. by W. Skeat. p. 11. London, 1885.
 Palm.—Palm Sunday. The Blickling Homilies of the 10-th Century. Ed. by R. Morris. London, 1874—1876.

Т. А. ЗНАМЕНСКАЯ

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЛИ ПРОСТЫЕ?

Разговорной речи присущи такие построения, которые не сразу становятся единицами языка, но являются источником его обогащения и развития. Этот процесс характерен как для современного русского языка, так и для английского. Стабилизация таких построений в языке часто сопровождается сложными синтаксическими и семантическими изменениями в их структуре. Их изучение современной лингвистикой представляется наиболее плодотворным в плане соприкосновения синтаксиса и семантики [1, 19].

В статье рассматриваются разговорные конструкции английского языка, строящиеся по типу „If only she would go away!“ (D. Eden);

„That this should happen to her!“ (A. Christie)

Оформление таких предложений по типу подчиненных придаточных дало основание для точки зрения на них как на подчиненные парцеллированные конструкции [2], однако большинство исследователей склонны считать их независимыми структурами [3]. Можно ли считать такие предложения сепарированными придаточными, употребленными в отрыве от главного? Чтобы выяснить это, необходимо сопоставить их с подчиненными придаточными, совпадающими с ними по форме. Такое сопоставление с точки зрения синтаксических характеристик и семантической структуры позволяет выделить следующие особенности рассматриваемых предложений.

1. **Синтаксические характеристики.** Что касается синтаксического значения подчиненного предложения, то оно определяется в первую очередь тем, что как в составе сложного предложения, так и в качестве парцеллята, оно всегда зави-

сит от главного. Семантика всего предложения, его предикативные и модальные характеристики строятся на взаимоотношении его двух частей. Предложения рассматриваемого типа не имеют опорного синтаксического центра в форме главного предложения. Они функционируют совершенно самостоятельно и при этом обладают полной коммуникативной достаточностью, например:

Ср.: „If only John were out of the way I felt that Henrietta would marry Edward!“ (A. Christie).

„If only Henrietta would make up her mind to marry him“ (A. Christie).

Сопоставляя сложные предложения и данные конструкции в диалоге с точки зрения их синтаксической функции, мы сталкиваемся с явлением нейтрализации противопоставления подчинение / независимость, отражающей противоречие между формой и содержанием этих предложений.

Все это позволяет сделать вывод об отсутствии подчинительной синтаксической связи при употреблении предложений анализируемого типа в диалогическом единстве и с полным основанием отнести к ним заключение Л. Л. Иофик о присоединении предикативных единиц: «Если предикативная единица, оформленная как зависимая, не связана ни с одним центром подчинения, то отсутствие ведущего члена подчинительной синтагмы разрушает подчинительную связь» [4]. Отсутствие подчинительной связи и в то же время наличие формального ее показателя в виде подчинительного союза ставит вопрос о его природе и функциях в рассматриваемых предложениях. В большинстве работ, авторы которых касаются так или иначе предложений анализируемого типа, этот вопрос либо вообще не ставится, либо используется термин «подчинительный союз». Существует, однако, точка зрения согласно которой это не союз, а частица, вводящая данный тип предложений [2]. Представляется, что эта точка зрения является единственно правильной, поскольку «разрушение структуры сложного предложения приводит к изменению функции подчинительного союза, к переходу его в частицу» [5, 235]. Для примера рассмотрим более подробно союз *if*. Как подчинительный союз *if* многозначен и может вводить предложения нескольких семантических типов [6]. Это его свойство объясняет разнообразную валентность придаточных предложений. Но оно же является предпосылкой омонимии придаточных и «псевдопридаточных» предложений [7], в которых этот союз не выполняет функции, присущей ему в сложноподчиненном предложении. Предложение в силу этого приобретает свойство отрицательной валентности, поскольку присоединение к нему главной части совершенно меняет его смысл.

Ср.: "If my uncle saw you!" (Th. Wilder).

"If she saw him die it would be very distressing for her."
(D. Eden).

Таким образом, *if* десемантизируется и теряет свое категориальное значение, функционируя как частица. Роль частицы в построении этих предложений и их семантике очень велика, так как она становится структурообразующим формантом, сближающим эти конструкции с фразеологизированными построениями. Об этом свидетельствуют следующие ее особенности.

А. Частица эта лексически незаменима. Подчинительная условная связь может быть выражена с помощью целого ряда союзов, союзных слов и словосочетаний, например: *if, unless, provided, supposing, in case*: "And in case you are wondering, we know about the milked accounts" (A. Hailey).

Такая подстановка невозможна в предложениях типа
"If only John were here to tell me what to do" (A. Christie).
"If anyone should hear you!" (Th. Wilder).

Б. Частица не может подвергнуться эллипсису без разрушения смысла предложения, в то время как подчинительный союз может, и тогда условная связь выражается как-то иначе, например, сочинительным союзом, инверсией сказуемого и логической последовательностью частей сложного предложения и т. д.

"Had this been a more ordinary case ... I would have imposed probation..." (A. Hailey); "You ever try that again and I'll throw you out" (McDonald).

Невозможна элиминация частицы в таких предложениях, как "Jesus, if Kilgor Trout could only write!" (K. Vonnegut).

В. Позиция частицы в предложении строго фиксирована, она всегда находится в абсолютном начале предложения. В подчиненном придаточном союз может следовать за модальными словами *only, even, perhaps*:

"I'd like you to stay. But only if you want to" (J. Osborne).

В исследуемых конструкциях *if* может сочетаться с модальными словами *just, only* только при постпозиции последних:

"If only John had not been so angry" (A. Christie).

Итак, можно сделать вывод об утрате подчинительным союзом в данных конструкциях своего категориального и лексических значений и превращении в частицу как структурообразующий элемент таких конструкций.

2. Семантические характеристики. Анализируемые конструкции качественно отличаются от подчиненных придаточных не только своими структурными особенностями и синтаксической функцией, но и семантикой. Эти отличия связаны с таким важным признаком предложения, как модальность.

Согласно теории, разработанной советскими учеными, есть два аспекта модальности [8]. Первый аспект модальных отношений обязателен для каждого предложения. Он отражает отношение содержания предложения к действительности. Это объективная модальность, выражающаяся в значениях реального и нереального. Для выражения этих значений в языке существуют готовые формы, используемые говорящими, в частности это формы наклонения глагола: изъявительное и сослагательное. Так, в сложноподчиненных предложениях, чтобы показать гипотетичность действия, используется сослагательное наклонение: "I was afraid that if you had to walk all the way to Balkh you might leave us" (J. A. Michener). Смысловая структура таких предложений содержит сему нереальности, которая здесь выражена с помощью подчинительного союза и корреляции глагольных форм. Другой аспект модальности так называемая субъективная модальность не является обязательной для каждого предложения. Спецификой же рассматриваемого типа предложений выступает совмещение в них двух аспектов модальности — объективной и субъективной. Отсюда особенности их смысловой структуры: сема субъективной оценки, выраженная сочетанием частицы и формы смыслового глагола, выступает на фоне нереального или реального значения: "If we were at Ainswick now. It couldn't have happened at Ainswick". "That this should happen to her" (A. Christie). В этих двух примерах обращает на себя внимание употребление формы сослагательного наклонения в первом случае в предложении с нереальной модальностью, а во втором — в предложении, описывающем реальное событие. Здесь мы вновь встречаемся с нейтрализацией противопоставления, когда сослагательное наклонение может употребляться для выражения таких противоположных значений, как реальное и нереальное [10]. Именно поэтому возможны такие синонимичные употребления изъявительного и сослагательного наклонения, как в следующих примерах: "If only she would go away!" (D. Eden). "If it will only work" (E. Gardner).

Характеристика любого предложения будет неполной, если не учитывается его интонация. Интонация — одно из необходимых средств оформления предложения как коммуникативно законченной единицы. Она же служит «наиболее общим и гибким средством выражения субъективной модальности» [5, 66]. Рассматриваемые конструкции — это, как правило, восклицательные предложения, характеризующиеся интонационной завершенностью в отличие от придаточных, входящих в состав сложного предложения [9]. По данным английских фонетистов, такие предложения обладают широким

интонационным диапазоном, характерным для выражения эмоции разочарования, упрека, удивления и т. п.

"How about a show tonight? — If only you'd asked me earlier!"

"Can't you get a flat? — If only we could!" [11, 145, 168].

По интонационным характеристикам эти ученые даже включают такие конструкции в группу междометных предложений. На основании этих исследований представляется возможным отнести интонацию к формальным средствам, участвующим в оформлении таких структур как самостоятельного целого.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Изучение подобных предложений представляет несомненный интерес в свете современных тенденций развития языка за счет речевых структур.

2. Предложения типа "If only she would go away" (D. Eden), „That this should happen to her!" (A. Christie) следует считать простыми самостоятельными предложениями. Сопоставительный анализ этих структур с омонимичными им придаточными предложениями доказывает их самостоятельность как в плане структурном, так и семантическом. В пользу самостоятельности данных предложений говорят следующие их особенности: а) отсутствие подчинительной связи; б) потеря союзом своего категориального и лексического значения и превращение его в частицу; в) интонационная завершенность таких структур.

3. Специфической чертой таких конструкций является совмещение в них двух аспектов модальности — объективной и субъективной.

4. Рассматриваемые предложения близки к фразеологизированным образованиям по ряду признаков, а именно: а) наличию в них лексически незаменимого элемента; б) его позиционной закреплённости в структуре; в) идиоматичности всего предложения, общее содержание которого не является суммой его компонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На необходимость изучения этой проблемы именно в разговорной речи указывал еще в 1953 году А. Б. Шапиро. (Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953).

[2] Никитин В. М. Опыт классификации придаточных предложений. — Учен. зап. Рязанского пединститута, 1941, т. 3. О возможности такой трактовки пишет также Б. А. Ильиш. (См.: Строй современного английского языка. Л., 1971).

[3] Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики, М. — Л., 1935; Гулыга Е. В. Функционирование придаточных предложений в качестве самостоятельных. — «Филологические науки», 1960, № 4.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958; Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960; Уханов Г. П. О грамматической природе придаточных предложений. Автореф. докт. дисс. М., 1970; и др.

[4] Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968.

[5] Валимова Г. В. Функциональные типы предложений. Ростов-на-Дону, 1967.

[6] Степанова Н. П. Внутреннее членение сложноподчиненного предложения условия. Автореф. канд. дисс. Киев, 1973.

[7] Гулыга Е. В. Некоторые вопросы синтаксической омонимии. — В сб.: Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка. М., 1965.

[8] Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. — «Труды ин-та русского языка». Т. 2, М. — Л., 1950; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

[9] Кубарев Е. М. Интонационно-отрицательные конструкции со словами: разве, неужели, хоть бы, если бы, будто, чтобы в русском языке в сопоставлении с немецким, французским, английским языками. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1963; Гуревич Р. Л. Экспериментально-фонетические исследования особенностей паузации английских языковых единиц. Л., 1970; Киселева Э. П. О грамматической роли интонации в структуре английского сложноподчиненного предложения. М., 1964.

[10] На эту особенность сослагательного наклонения указывает, например П. Робертс, см.: Paul Roberts. Understanding English. N. Y., 1958.

[11] J. D. O'Connor and G. E. Arnold. Intonation of Colloquial English. London, 1961.

Г. Н. ИВАНОВА

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ОПОСРЕДОВАННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Для современной лингвистики с ее интересом к процессу речи характерно обращение к изучению высказывания в отличие от традиционного исследования грамматического строя предложения как единицы языка. В настоящее время не существует четких лингвистических критериев отличия высказывания от предложения, не определен и объем высказывания, который колеблется от одного предложения у одних исследователей до целого романа у других. При всех расхождениях в формулировках многие лингвисты сходятся в том, что термином «высказывание» пользуются в случаях речевой актуализации предложения как языковой единицы. Если анализ предложения имеет целью выявить абстрактную схему синтаксического построения, то изучение высказывания направлено на установление связи высказывания с ситуацией употребления в акте коммуникации и на исследование средств

описания той или иной ситуации (Пражская школа, В. Гак). В речи высказывание дается в опосредованной форме. Коснемся некоторых способов выражения опосредования.

Интерес к акту речи привел к углубленному изучению тех единиц языка, которые участвуют в создании ситуации коммуникации, в первую очередь это коснулось глаголов, традиционно именуемых глаголами говорения. Занимаясь теорией речевого акта, Дж. Остин и другие представители философской школы Оксфорда разделяют все речевые процессы на пять классов [9а, 150—151]. Относимые к этим пяти классам глаголы получили название «перформативные» глаголы. Для конструкций с перформативными глаголами характерно то, что их произнесение является одновременно и осуществлением обозначаемых глаголами действий, таких, как называние, советование, предупреждение и т. п. Дж. Остин так формулирует функцию перформативов: «...случай, в которых сказать что-то — есть сделать что-то» [9b, 217—281]. Особенности семантики и грамматики перформативных глаголов посвящено немало исследований [10].

Согласно распространенному мнению, любое повествовательное предложение должно анализироваться как имплицитно-перформативное. Представитель генеративной теории языка Джон Росс вводит в глубинную структуру всякого повествовательного предложения перформативную интродукцию «Я говорю тебе, что...», которая по своей значимости в структуре предложения-высказывания стоит выше собственно сообщения о каком-либо явлении действительности. Мнение это разделяет Дж. Лаков [11, 232—296]. Он видит основание для такого главенствующего положения перформативной конструкции во всяком повествовательном предложении в том, что логическая форма любого высказывания непременно предполагает определенное отношение говорящего к этому высказыванию. Это отношение находит свое выражение в предваряющей само высказывание о каком-либо явлении перформативной конструкции.

Если принять точку зрения, согласно которой всякое высказывание имеет перформативную интродукцию (субъектно-предикатную конструкцию, в которой в качестве предикатов употреблены разнообразные глаголы, отражающие возможные варианты речевого процесса), то можно провести сравнение относительно сходства подобных высказываний с перформативной интродукцией и конструкциями авторизации (КА). Г. А. Золотова, выявившая и описавшая КА на материале русского языка, определяет их как авторизованные конструкции, в которые, помимо сообщения о явлении объективной действительности, «вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия,

констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [1, 263].

Согласно нормам языка в перформативных конструкциях подлежащее стоит в первом лице единственного числа, глагол-сказуемое в настоящем времени. Тогда КА I tell you that you are wrong совпадает по форме с перформативной интродукцией. Целям же выражения субъективного отношения к высказыванию об объективном явлении полнее, чем это дается в генеративной теории языка, может служить система языковых средств, разработанная на основе принципа общности семантического задания: выражение субъективности восприятия.

Употребление представителями генеративного направления термина «перформатив» не совсем точно совпадает с изначальным его толкованием у лингвистов оксфордской школы. Перформативная интродукция «Я говорю тебе, что...» имеет то общее с первоначально определенными перформативными конструкциями, что содержит в себе глагол говорения. Но это совсем не есть осуществление такого действия, как, например, называние в "I name my boat "Mary"". Очевидно, что за мнением об обязательности имплицитной перформативной конструкции стоит желание отразить момент субъективности, «авторства» во всяком высказывании как речевом явлении. Сведение перформативной интродукции к конструкции с эмоционально-нейтральным глаголом «говорить» из обширного числа глаголов, способных передавать помимо основного значения, нюансы, отражающие субъективность восприятия явлений, находится в противоречии с исходной посылкой об обязательности присутствия в любом высказывании отношения говорящего к содержанию высказывания. Такая перформативная интродукция — лишь констатация авторства того, о чем идет речь в высказывании, но не выражение субъективности в оценке или характеристике факта действительности.

Более правильно рассматривать перформативную интродукцию «Я говорю, что...» как метаязыковое явление, или иначе — высказывание о высказывании. Высказывание гетерогенно, так как в нем часто переплетаются собственно текст и метатекст. Назначение метаязыковых единиц — связывать элементы основного текста, дающего описание явлений [2, 421]. Изучение метаязыковых единиц поможет в исследовании синтаксических средств создания семантической связанности текстов. Если целью перформативной интродукции является выражение отношения говорящего к содержанию высказывания, то такая интродукция обладает свойством метаязыковости, так как это соответствует тому смыслу, который

вкладывается в понятие «метаязыковость» [3, 189]. Метаязыковый характер имеют всевозможные вводные элементы, они в первую очередь обладают свойством субъективной модальности, передающей отношение говорящего к содержанию высказывания.

С появлением вводного элемента высказывание расслаивается в плане модальности. В зависимости от характера вводной единицы, говорящий может либо преднамеренно отождествлять себя с субъектом — автором высказывания (автоцитата), либо может дать понять, что высказываемое принадлежит ему. В английском языке случаи возникновения в повествовании субъективной модальности не сводятся лишь к вводным единицам. Субъективную модальность вносят в предложение прилагательные и наречия со значением сценки, а также модальные глаголы CAN, MUST, MAY в значении предположительности.

Явление усложнения модальности высказывания за счет создания субъективной модальности можно расценивать как аналог того деления высказывания на две части — модус и диктум, о котором говорил Ш. Балли. [4, 43—60]. Рассматривая предложение как простейшую форму сообщения мысли, он особенно настойчиво обращал внимание на то, что мысль невозможно свести к простому представлению, исключающему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта. Исходя из положения об активной роли мыслящего (в речи — говорящего) субъекта в процессе выработки формы, в которую облекается мысль, Балли делит всякое эксплицитное предложение на две четко различаемые части. Одна из них соответствует какому-либо представлению о явлении действительности и называется **диктум**. Отношения между составляющими диктума есть то, что называется основной модальностью и что выражает отношение содержания диктума к действительности в плане реальности / ирреальности. Главной же частью, без которой по мнению Балли, предложение не может существовать, является другая часть, содержащая **модус**. Она выражает модальность, которая соответствует психическим операциям, производимым над представлением-диктумом мыслящим субъектом, иначе — модальным субъектом. Сочетание модального глагола (верить, желать, думать, утверждать и т. д.) с модальным субъектом образует модус. Субъектом модуса может быть не только сам говорящий, но и какой-то другой субъект, субъекты и даже неопределенный субъект: «Полагают, что...». Значение модуса соответствует тому, что понимается под субъективной модальностью. Балли считает, что субъективная (косвенная) модальность может быть включена в диктум в форме полувспомогательного глагола: Вы выглядите

больным = У меня впечатление, что вы больны; в форме прилагательных и наречий, выражающих суждение или оценку: Поезд несомненно ушел = Я уверен, что поезд ушел.

Если считать модус Балли равнозначным той части высказывания, которая несет в себе значение субъективной модальности, то можно сделать вывод о метаязыковом характере модуса, так как он представляет собой то «высказывание о высказывании», которое понимается под термином метаязыковости.

Сводя рассуждения о перформативной интродукции, субъективной модальности, модусе и метаязыковости к исследуемому языковому процессу авторизации сообщения, можно говорить о семантической однородности всех этих явлений. Изучая способы выражения субъективной модальности модуса или метаязыковые единицы, можно прийти к выделению в языке моделей — конструкций авторизации сообщения, которые бы адекватно описали средства того или иного языка для выражения источника и характера знаний, лежащих в основе сообщения.

Существуют языки, располагающие морфологическими средствами выражения указанного семантического задания. Так, в болгарском языке имеется особое глагольное наклонение — пересказывательное, которое употребляется для передачи каких-либо фактов с чужих слов, понаслышке [5, 198—228]. Глагольные формы пересказывания служат для передачи действия-события, очевидцами которого мы не были, о котором мы говорим со слов другого лица. Пересказывательное наклонение характерно для сказок, легенд, исторического повествования. Косвенная речь также имеется в болгарском языке. Общим для косвенной и пересказанной речи является то, что они передают чужую речь. Различие кроется в средствах передачи. Косвенная речь — явление синтаксическое, чужая речь включается в нашу собственную через какой-либо союз или связку. Глагольные же формы пересказывания самим своим значением указывают, что за нашими словами стоит чья-то чужая речь.

В эстонском языке помимо изъявительного наклонения, условного и повелительного имеется еще одно — косвенное наклонение глагола. Оно выражает действие, о котором говорящий узнал через третье лицо, по слуху и которое он пересказывает [6, 48].

Подобные свойства глагола в некоторых языках дали основания для выделения в глаголе категории засвидетельствованности, которая учитывает три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и передаваемый факт сообщения, т. е. указываемый источник сведений о сообщаемом факте [7, 96—106]. Если в болгарском, эстонском и некоторых языках

американских индейцев информация об источнике осведомления выражается с помощью специальных глагольных форм, морфологически, то в русском и английском (как и других славянских и европейских языках) для осуществления указания на источник сообщения используется обширная система синтаксических средств. Засвидетельствованность выражается в них лишь на синтаксическом уровне.

В английском языке в случае эксплицированного субъекта модуса источником информации может быть: а) собственно авторское знание (*I say that.*); б) коллективное знание (*as we know, according to...*); в) конкретный источник знания (*One poet said*). Эти случаи относятся к микрополю эксплицитной авторизации сообщения в выделяемом поле с семантическим заданием «Выражение субъекта восприятия и констатации явлений действительности». Кроме подобных случаев источник сведений о каком-либо явлении (диктуме) может быть введен в высказывание через прилагательные и наречия оценочной семантики, модальные глаголы в значении предположения. Субъект модуса имплицуруется, но не называется. Высказывание опосредованно, но указание на субъект опосредования отсутствует.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

[2] Вежбицка А. Метатекст в тексте. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.

[3] Вайпрайх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Т. 5, М., 1970.

[4] Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

[5] Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. М., 1949, с. 198—228;

[6] Каск А. Х. Эстонский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966.

[7] Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. О подобных случаях на материале русского языка см.: Старченко Л. А. Некоторые способы выражения в тексте «источника» информации. — В сб.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 1. Л., 1973.

[8] Austin J. *How to Do Things with Words*. Cambridge, Mass., 1962, p. 150—151.

[9] а) Austin J. *Performatif: Constatif.* — In: *La Philosophie analytique*. Paris, Edition de Minuit, 1962; б) *Cahiers de Poyauumont. Philosophie*, № 4.

[10] Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974; Ross J. *On declarative Sentences.* — In: *Readings in English transformational Grammar*. Waltham, Mass., 1970.

[11] Lakoff G. *On generative Semantics.* «Semantics». Cambridge, 1971.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ТЕКСТЕ ГЕТЕРОГЕННОГО ОПИСАНИЯ КУЛЬТУРЫ

С лингвистической точки зрения все возможные описания данной национальной культуры можно разделить на две группы: а) **гомогенные описания культуры** (ГмОК), в которых в качестве языка описания (ЯО) выступает непосредственно язык **описываемой культуры** (ОК), например, русскоязычное описание русской культуры; б) **гетерогенные описания культуры** (ГтОК), в которых в качестве ЯО выступает какой-либо иной, обычно интернациональный, язык, например, **англоязычное описание русской культуры** (АОРК).

Собственные имена (онимы) [1] составляют важную часть словарного состава любого языка, отражая специфическую долю плана содержания. Включение онимов — ОК в ГтОК сопряжено с целым рядом трудностей. Между тем от адекватности их иноязычного выражения во многом зависит адекватность всего ГтОК. В настоящей статье рассматривается лишь часть этой проблемы: семантизация онимов. Поскольку этот вопрос тесно связан с ономастической функцией имени собственного в ГмОК, обратимся сначала именно к этой стороне онима.

Собственное имя — это языковой знак, основной функцией которого является идентификация данного референта в окружающей действительности. В составе онима можно выделить следующие компоненты: а) **идентификационный** (обязательный) компонент, т. е. тот звукографический комплекс, который и позволяет в ходе языковой коммуникации осуществить идентификацию; б) **референциальный компонент**, т. е. **декодировка** идентификационного компонента, например, «Таллин — столица ЭССР»; это обязательный компонент, и хотя практически знание референциального значения всех онимов родного языка невозможно, знакомство с определенной частью собственных имен, т. е. с множеством антропонимов, топонимов, эргонимов, документонимов и пр. необходимо; в) **семантический компонент** (факультативный), т. е. лексическое значение идентификационного комплекса, например, «порт Находка», «поселок Шучье Озеро»; онимы могут быть асемантчны, например, «Тула», «Урал»; г) **коннотативный компонент** (факультативный) [2, 60]. Ведущим в ониме является идентификационный компонент, так как именно он позволяет осуществить идентификацию данного референта, а следовательно, — выполнить основную функцию собственного имени.

Введение онимов в ГтОК может быть осуществлено с помощью нескольких способов.

Включение. В ГтОК вводится без каких-либо изменений этимон, т. е. оним гоомогенного описания данной культуры. При гоомогенности алфавитов этот способ является нормой: *After lunch I was taken to the Elysee and there made a Chevalier of the Legion d'Honneur. Chaplin. My Autobiography.* Включение возможно и при гетерогенности алфавитов контактирующих языков, как, например, в заголовке очерка Г. Боровика: «Неприметный дом на улице Montera» (ЛГ, 1975, №№ 33—35). Преимуществом этого способа является обеспечение идентификации данного референта в текстах языка ОК, но включение не позволяет каталогизировать данный оним в текстах ЯО. В практике англоязычного описания русской культуры (АОРК) не используется транслитерация. Попытка обеспечить жесткое, однозначное соответствие букв гетерогенных алфавитов контактирующих языков. Существует несколько систем латинизации русских текстов [3], ни одна из которых не получила ни всеобщего признания, ни сколько-нибудь широкого применения.

Практическая траскрипция. Передача звукового комплекса онима-этимона посредством орфографических средств описания (ЯО). Этот способ отличается несовершенством и непоследовательностью и по сути дела является компромиссом между транскрипцией и транслитерацией. Принят в практике АОРК.

Асемантичность многих онимов, нерелевантность семантического компонента с точки зрения выполнения онимами функции идентификации, трансонимизация (т. е. переход онимов из одного разряда в другой) и многие другие факторы делают необходимым сопровождение онима номенклатурным термином, т. е. словом или словосочетанием, определяющим разряд онима: «скульптор Антокольский», кафе «Ленинград» и пр. Поскольку номенклатурный термин тесно связан с онимом, его также следует принимать во внимание при анализе семантизации собственных имен в ГтОК. Перейдем к рассмотрению способов семантизации онимов.

Семантизация может быть осуществлена контекстуально: *A barricade had been heaped up across the mouth of Novaya Ulitsa — boxes, barrels, an old bed-spring, a wagon. Reed. Ten Days...* Сам оним, с точки зрения читателя-монолингва, асемантичен, однако из контекста очевидно, что речь идет об улице. Семантизация частичная, так как значение семантического компонента онима до читателя не доводится; отсутствует и объяснение референциального значения онима.

Заемствованный оним может сопровождаться параллель-

ным употреблением номенклатурного термина, являющегося, по сути дела, минимальной референциальной декодировкой: «Туристам рекомендуется обзавестись картами и путеводителями по Лондону, выпускаемым Управлением лондонского транспорта; они продаются в информационных бюро на станциях метро Piccadilly Circus и St. James' Park» [4].

Значение семантического компонента может быть объяснено с помощью перевода или калькирования онима: Akademgorodok — "academic township" — is the finger on the pulse of Siberia ("Morning Star", 07.03.1977).

Полнота семантизации достигается за счет увеличения объема текста описания, при этом широкое употребление получает так называемая повторная номинация, «при которой называется предмет или явление, уже названное ранее» [5, 287]. Moscow filmgoers have been flocking to see a new Mosfilm production, Kalina Krasnaya — The Red Snowball Tree... ("Morning Star", 16.04.1974). В этом примере параллельно употребляются референциальная декодировка — (a new Mosfilm production), практическая транскрипция (Kalina Krasnaya) и перевод онима (The Red Snowball Tree). Поскольку границу-максимум референциальной декодировки установить трудно (в данном случае — это режиссер картины, постановщик, исполнители ролей и пр.), а оним может еще иметь коннотацию, раскрытие которой существенно для описания, то становится ясно, что предельная точность при введении онимов-ОК в ГсОК достигается за счет расширения размеров текста описания и утяжеления его стиля. Ведь к описанным выше способам семантизации следует прибавить возможность вынесения семантизации отдельных компонентов онима за рамки текста, т. е. использование сносок и глоссариев. Следовательно, надлежит тщательно взвешивать целесообразность осуществления семантизации и оптимальные способы ее реализации. При этом существенным является релевантность/нерелевантность для ГтОК значимых компонентов собственного имени: референциального, семантического и коннотативного.

Семантический компонент во многих случаях релевантен. Даже оставляя в стороне стилистическое использование онимов в художественной литературе, когда этот компонент в ониме оказывается ведущим (например, некрасовские «Подтянутая губерния», «Терпигорев уезд» и пр.), можно привести множество примеров, когда семантизация этого компонента необходима для правильного понимания описываемой культуры: A monument in honour of the heroic Soviet Army has been built in Osvobozhdeniye (Liberation) Square ("Moscow News", 1977, No. 19). Без перевода данного онима

было бы неясно, почему именно на этой площади был поставлен памятник.

Однако и при более прагматическом подходе к семантическому компоненту следует признать его релевантность тогда, когда его значение смыкается с референциальным компонентом, например, «Учительская газета», «Ленинградский государственный университет» и др. В подобных случаях перевод-калькирование онима равносильны семантизации его референциального значения: The writer, M. Zhuravliev, a Komsomol secretary, writes approvingly of a Leningrad Shipbuilding Institute that has given its students complete responsibility for many projects. E. Moos. Soviet Education. Недостатком подобного подхода являются трудности, возникающие при использовании онима для идентификации референта, поскольку этимон по его переводу не всегда легко можно восстановить. Для того чтобы избежать подобных затруднений, параллельно переводу дается и этимон: Edward Kostyachkin, educator, interviewed teachers and parents and published his findings — and his comments in **Teachers Magazine** (Uchitelskaya Gazeta) of October 16, 1966, E. Moos. Soviet Education. Нередко перевод заимствованного онима играет вспомогательную роль пояснения его семантического компонента и дается в скобках: ... (The Red Guards) suppressed the official Municipal organ — the **Viestnik Gorodskogo Samoupravleniya** (Bulletin of the Municipal Self-Government). Reed. Ten Days ...

В целом следует отрицательно оценить англизацию русских онимов в АОРК, по крайней мере в тех случаях, когда это не вызывается необходимостью («Садовая улица» — Garden Street, «Дом книги» — House of Books): We drove to the Lenin Hills, to the Palace of the Pioneers, the last word in children's desires... Sillitoe. Road to Volgograd. Поскольку возможны варианты перевода-калькирования, возникает ономастическая синонимия, затрудняющая процесс идентификации референта. Так, оним «Звездный городок» почти одновременно был скалькирован одним и тем же периодическим изданием двумя различными способами: 1) Stellar Township, Moscow News, 1975, No. 3; 2) Star City, Moscow News, 1975, No. 22.

Кроме того, перевод-калькирование онимов уничтожают неповторимый национальный колорит, играющий столь важную роль в ГтОК. Не случайно в топонимике, т. е. в наиболее изученной области ономастики, прочно установилось отрицательное отношение к калькированию онимов. Можно привести примеры вытеснения традиционных калек русских онимов заимствованиями: Archangel→Arkhangelsk; White Russia(n)→Byelorussia(n).

В тех случаях, когда в качестве онима используется интернационализм, перевод его, даже параллельный, излишен, так как его семантика достаточно очевидна: In their article in *Kommunist* the two sociologists touch again on problems... *Morning Star*, 03.01.1975.

Отдельно следует остановиться на номенклатурном термине. В большинстве случаев он переводится, семантизируя референциальный компонент: 'That's the new **Rossiya** Cinema,' said the driver... Hammond. *An American in Russia's Capital*. Вместе с тем не всегда можно провести четкую границу между номенклатурным термином и самим онимом. В частности, на материале городской топонимики ономастологи показали, что онимы включают те слова, которые в плане диахронии возникли как номенклатурные термины, но в настоящее время уже стали частью имени собственного и в качестве таковых заимствуются при ГтОК: Уолл-стрит, авеню Клебер, Вильгельм-Штрассе и пр. [6, 41]. Аналогично в русской городской топонимике слова «улица», «бульвар», «проезд» и др. служат не столько цели номенклатурной классификации, сколько цели идентификации данного топонима, ср.: «Садовая улица» и «Садовое кольцо», «проспект Ленина» и «улица Ленина» и т. д. Эта специфика городской топонимики учитывается в англоязычных описаниях Франции, Германии, Италии и пр.: By chance I ran into him in Paris one noon on the Avenue de l'Opera in the late spring of 1921... Wilder. *Theophilis North*. Тот же подход мы наблюдаем и в русскоязычном описании зарубежных культур, причем наиболее частотные «спутники» городской топонимики — стрит, авеню, штрассе — уже регистрируются толковыми словарями русского языка. Там, где встречаются менее частотные слова, прибегают к повторной номинации: «Но улица Варнклифф-гартенс, где находится этот дом...» Орестов. *Другая жизнь и берег дальний*.

В практике АОРК, к сожалению, эта особенность городской топонимики не учитывается, и русские онимы неизменно подвергаются англизации: On either side of Gorky Street stood shops... Hammond. *An American in Russia's Capital*.

В принципе ГтОК может включать собственное имя любого разряда, однако анализ подобных описаний показывает, что различные группы онимов обладают различной частотностью использования, и хотя сказанное выше относительно семантизации собственных имен в ГтОК распространяется на все онимы, каждый их разряд по-своему специфичен, а это вносит определенные, порою существенные, коррективы в процессе семантизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В работе используется ономастическая терминология, предлагаемая словарем: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

[2] Ср. с точкой зрения В. А. Никонова, который на материале топонимики выделяет до-топонимическое, топонимическо-номенклатурное и коннотативное значение. (Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965).

[3] Наиболее известны ISO (Международная организация по стандартизации) ТС-46, ИЯ АН СССР 1951—56, ГОСТ 16876-71.

[4] Великобритания. Краткий справочник. Central Office of Information. London, 1964.

[5] Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций. Коллективная монография «Языковая номинация» (Общие вопросы). М., 1977.

[6] Суперанская А. В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий. — В сб.: Орфография собственных имен. М., 1965.

Н. А. КОБРИНА

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЗНОПЛАНОВОСТЬ И ГЛУБИНА В ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ

Традиция изучать предложение во всех его вариантах как некую статическую систему устоявшихся моделей, отдельные типы которой неизбежно отграничены друг от друга, завоевала заслуженное признание и дала свои положительные результаты. В ходе такого изучения разрешены многие задачи в описании языка в целом как системы и предложения как набора определенных стандартных моделей.

Вместе с тем при этом подходе от внимания исследователей ускользает другая, не менее важная характеристика предложения — подвижность всех элементов модели и отношений между ними, взаимообусловленность аспектов и средств выражения — та его динамика, которая делает предложение универсальной и бесконечно разнообразной формой выражения содержания. При принятой трактовке предложения как набора статических моделей факт полифункциональности структуры, которая называется то предложением, то частью предложения, то его осколком, то парантезой, то вообще нейтрально-предикативной единицей, становится в некоторых случаях досадной неувязкой, от которой не спасает введение строгой дистинктивной терминологии, ибо всякой динамике сопутствует синкретизм и маргинальность построений. Сама терминология в ряде случаев становится чисто условной.

Легкость, с какой структура переходит из одного функционального статуса в другой (например, независимое предложение становится зависимой частью предложения), говорит о нормативности самих модификаций, которая обусловливается тем, что они происходят по определенным правилам, предполагающим и конкретные средства преобразования, и пределы возможных модификаций и диапазон самого функционирования в том или ином статусе. Очевидно, что изучая эти правила, мы тем самым можем изучить свойства самой синтаксической структуры, ее синтагматические возможности, так как та или иная динамика потенциально заложена в свойствах самой структуры. Синтагматический и функциональный уровень анализа выявляет целый ряд особенностей предложения, не вскрываемых при их исследовании в рамках категорематического уровня.

Наиболее богатным материалом для изучения функциональной динамики предложения представляются те построения, которые связаны с экстремальными условиями функционирования, т.е. с условиями, требующими максимальной модификации. В силу того, что такое экстремальное функционирование обычно не обеспечено регулярными средствами выражения, в качестве таковых привлекаются разные средства, из разных подсистем языка, что создает известную широту обозрения лингвистических фактов. Именно такое условие складывается при парадоксальном явлении синтаксиса, когда одна замкнутая и законченная структура (предложение) оказывается включенной в другую, также замкнутую и законченную структуру без какой-либо структурной обусловленности или необходимости в такой организации со стороны обеих структур. Имеется в виду построение, состоящее из включающего предложения (ВП) и вставленного предложения (или вставной предикативной единицы — ВПЕ).

Это построение, как в английском, так и в других языках, было объектом пристального внимания отечественных лингвистов на протяжении ряда десятилетий и получило разнообразную и противоречивую трактовку, отчасти потому, что динамическая природа объекта делает его неоднородным по форме и по своей сущности, отчасти потому, что внимание исследователей сосредоточивалось на разных сторонах этого явления — коммуникативной, семантико-функциональной, стилистической, просодической или собственно-синтаксической [1].

В зарубежной литературе этот вопрос затрагивался очень незначительно [2]. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением коммуникативного аспекта этого построения и попытаемся выявить «текстовые» потенциалы, заложенные

в структуре отдельного предложения. Задачи исследования требуют учета любых ВПЕ, независимо от их оформления, как имеющие признаки связанности с ВП, так и не имеющие таковых.

В литературе неоднократно высказывалась мысль, что есть определенная закономерность между уровнями языка и регламентированностью и «синтаксичностью» средств выражения значений: чем сложнее высказывание, тем слабее роль синтаксиса (языковых средств вообще), и в построениях более сложных, чем предложение, роль синтаксиса очень невелика. Эти точки зрения требуют проверки и соответствующего освещения на примере построения ВП—ВПЕ. Очевидно, не следует искать синтаксичности только во внешних приметах связи.

У группы ВПЕ, у которой нет видимых признаков связи, могут быть иные способы оформления связанности, выраженные не обязательно специальными синтаксическими средствами. Естественно, что отношения, выходящие за пределы предложения и не оформленные грамматически, находятся в сфере логических связей.

Одним из признаков связанности является определенная смысловая зависимость ВПЕ от ВП, которая получает отражение в составе ВПЕ и вытекает из того, что в подавляющем большинстве случаев (а именно такие и составляют объект исследования) содержание ВПЕ контекстно обусловлено. Эта зависимость выражается в том, что ВПЕ может иметь неполный состав, содержать неполнозначительные слова, слова-заместители и репрезентирующие слова, в связи с чем полнота значения ВПЕ выявляется только на фоне включающего предложения. Структурная или смысловая неполнота ВПЕ отнюдь не является показателем формальной зависимости от ВП и имеет сходство со случаями структурной и смысловой неполноты в диалогической речи, т.е. определяется тем, что номинативная достаточность ВПЕ при существующем фоне ВП служит уже достаточным реальным условием для их функционирования [3]. Наиболее характерным случаем смысловой неполноты ВПЕ является использование глаголов-заместителей вместо полнозначного сказуемого, эксплицитное выражение которого имеется только в ВП:

If they want to know me — and they say they do — then they want to know you. . . (Lawrence, Sons, 249).

ВПЕ может содержать репрезентирующий член — неполнозначную часть аналитической глагольной формы, глагольного сочетания или один член именного сочетания (обычно определение):

If she pays the rent — and she'll have to — she won't be able to do much with the change (Cookson, Katie, 283) (при-

инфинитивная частица *to* репрезентирует глагольное сочетание *to pay the rent*).

If intelligence testing is a science at all — and many teachers doubt whether it is — it is certainly not one that can be dabbled in by amateurs... (Pollard, Education, 58—59).

(*is репрезентирует is a science at all*).

ВПЕ может быть с эллипсисом какого-то члена (сказуемого, дополнения), который входит в структурную схему обеих предикативных единиц — ВП и ВПЕ, но эксплицитно представлен только в ВП:

...Steinbeck has given "The grapes of wrath" momentum, an inner drive, which in his generation only Faulkner — and he only a few times — has equalled (M. Am. fiction, 275).

As the bell is caught, its momentum is neutralized by (and it neutralizes) the momentum of the earth (Physics for students, 167).

Если в двух последних предложениях с эллипсисом во ВПЕ последние восстановить до их полного состава, получим следующее соотношение содержаний (восстановленные члены выделены).

В первом примере: ...Faulkner has equalled... and he only a few times **has equalled**.

Во втором примере: its momentum is neutralized by the momentum... and it neutralizes **the momentum**.

Из этого соотношения очевидна информативная избыточность тех членов, которые были восстановлены.

Обратная зависимость, т. е. зависимость ВП от ВПЕ, также возможна, но менее типична: They do me the dubious honor of thinking me almost one of them because they know my — shall we call it my 'unpopularity'? — among our townsmen (Mitchel, Gone, 675).

Восстановление пропущенного члена во ВП также делает очевидной его избыточность:

they know my 'unpopularity'

shall we call it my 'unpopularity'?

Все эти признаки зависимости характеризуют ВПЕ как предикативную единицу, коммуникативная самостоятельность которой может быть различной в зависимости от соотношения конкретного содержания двух предикативных единиц.

Коль скоро в основе организации ВП—ВПЕ лежат не задачи интегрирования двух предикативных единиц в одно синтаксическое целое, а лишь смысловая «привязка» одной предикативной единицы к другой, позиционное их соотношение определяется также не структурными мотивами, а потребностями чисто смысловыми: необходимостью «привязать» попутное замечание, оценку и т. д. к какому-то конкретному смысловому звену высказывания или ко всему высказыванию

в целом. Отсюда следует, что интерпозиция лишь наиболее типичный и удобный способ для реализации «привязки» к узкому смысловому звену, но не единственный возможный: «привязка» в принципе возможна и при начальной и конечной позиции ВПЕ.

Сущность «привязки» как особого рода смысловой соотнесенности с различными участками узкого контекста, в том или ином их объеме, при отсутствии синтаксической регламентированности этой соотнесенности (т. е. отсутствии формальных показателей), создает предпосылки для возможного расширения отнесенности к тексту. Расширение функциональных возможностей типично для многих языковых форм, поскольку функциональные проявления оказываются нередко шире, чем те коммуникативные потребности, на основании которых развилась та или иная форма. Поэтому сам по себе этот факт не является исключительным. Однако он интересен в том смысле, что демонстрирует возможности такой организации, при которой ВПЕ, находясь фактически в рамках ВП, сохраняет известную автономность и изолированность в коммуникативном смысле, обусловленную сущностью самого построения, что и дает возможность ВПЕ быть «над текстом» без нарушения цепочки основных высказываний. Это становится особенно явным при смещении отнесенности, как, например, в следующем предложении:

But supposing she wanted children and her husband wouldn't have them at any price. Then—but you'd have to prove it—the marriage could be declared null and void (Brain, God, 228).

Реальная смысловая соотнесенность высказываний имеет следующий вид:

1. But supposing she wanted children
  2. and her husband wouldn't have them at any price, but you'd have to prove it
  3. Then the marriage could be declared null and void,
- хотя в тексте ВПЕ включена в предикативную единицу под номером (3).

Включение может подсказываться реальной ситуацией, вообще не прогнозируемой предшествующим содержанием. Смысловая немотивированность, окказиональность включения подчеркивается обычно подхватом — повторением части или всех элементов ВП до включения. Например:

“That's because Henry James is fashionable today, that's why he writes about Henry James. Whereas he jeers at poor Ernest — if you are pouring that brandy for me, Olive, it's too

much. Half of that — 'Ernest Dowson, a supreme lyricist' (Spark, Memento, 96).

Случаи подобные последнему предложению в лингвистической литературе обычно не рассматриваются, как выходящие за рамки тех связей и отношений, которые представляют интерес в грамматическом плане [4]. Однако сама возможность такой организации весьма показательна, так как обусловлена сущностью построения с изоляцией одной предикативной единицы в составе другой.

Вариативность позиционная, структурно- и коммуникативно-типологическая, вариативность в смысле представленности состава ВПЕ и ее коммуникативной самостоятельности и отнесенности говорят о том, что построение ВП—ВПЕ является более гибким, чем обычное построение формальной структуры, образуемое по канонам жесткой парадигмы, и в применении к нему неправомерно говорить о модели построения, так как ВПЕ не выполняет в нем структурной роли, а цель построения выходит за рамки синтаксических задач организации цельной структуры. Сущность построения сводится к соположению, или фактическому вхождению одной в другую, двух изолированных предикативных единиц, лишенных в подавляющем большинстве случаев координирующей способности [5].

Вместе с тем несомненно, что в основе вариативности включений лежат, помимо разнообразия смысловых отношений, которые в связи с их неграмматизированностью фактически необозримы [6], еще в разные коммуникативные задания, и это обстоятельство в свою очередь свидетельствует об универсальности и маневренности такого функционирования, его статуса полноправного средства выражения различных коммуникативных заданий, другими словами — о существовании определенной модели функционирования.

Модель функционирования определим как построение, имеющее собственный лингвистический смысл и легко воспроизводимое в практике общения, но не закрепленное в языке как парадигма с обязательным регулярным, присущим только этому построению, оформлением и выражением определенных отношений между компонентами.

Но если мы признаем, что существует определенная модель функционирования, то из этого с неизбежностью вытекает следующее:

1. Лингвистическая значимость построения предполагает стоящую за этой реализацией определенную и, очевидно, ограниченную множественность структур, специально приспособленных для выражения вносных смыслов, которые объеди-

няются по функциональному признаку в подсистему, что и обуславливает модельность построения.

2. Так как в основе построения лежит не задача интегрирования, общая цель, «мотивированность» включения, свойственная всем построениям этого рода, выходит за рамки синтаксиса и выявляется только на коммуникативном уровне. Поэтому и то общее, что характерно для всех случаев построения ВП—ВПЕ, должно быть определено на этом уровне. Однако это общее, несомненно, также обеспечивает модельность построения.

Если построение с включением, с присущей ему специфической интонацией, стало нормой, то оно неизбежно должно иметь определенную коннотацию — лингвистический смысл, поскольку язык в целом, со всеми его атрибутами, в том числе и организацией предикативных единиц, является материализацией умственной деятельности человека.

Таким общим лингвистическим смыслом для всех вариантов построения будет выражение коммуникативной расчлененности или коммуникативной глубины текста, вытекающей из коммуникативно-функциональных различий ВП и ВПЕ. Поэтому построение ВП—ВПЕ можно определить как особого рода организацию или композицию из двух (или более) предикативных единиц, лингвистическая сущность которой есть отражение и материализация в языковых формах случаев особого сложного, нелинейного, ярусного хода мыслительного процесса. Эта сложность в языке отражается в форме двух (или более) линий высказываний, из которых одна представляет собой основную и континуумную (т. е. имеющую развитие до данного предложения и развивающуюся после него) линию высказываний, а другая — вторичную линию, реализующуюся как встроенное в ткань основной линии, конкретно — в ткань включающего предложения, высказывание, которое параллельно основному, но не нарушает его целостность. Коммуникативно-функциональные и структурно-функциональные различия, а также несовместимость по смыслу пограничных слов в месте стыка двух предикативных единиц являются частными проявлениями, вытекающими из общекоммуникативного расчленения на два плана — первичный и вторичный. В отдельных случаях коммуникативное расслоение может иметь большую глубину — возможны случаи и трехъярусного расслоения, например: *But if you could meet some good woman who would make you happy — and you began to think of settling your life — when you have the means — so that you could work without all this fretting — it would be much better for you* (Lawrence, *Sons*, 251).

Структурную схему построения можно представить следующим образом:

ВП But if you could meet some good woman who could
I make you happy... it would be much better for you

ВРЕ and you began to think of settling
II your life... so that you could work without all this
fretting

ВРЕ when you have the means
III

«Вторичность» ВРЕ является общим моментом для всех построений ВП—ВРЕ. Она проявляется не только в коммуникативном плане (как отсутствие способности выступать в качестве самостоятельного высказывания или как отсутствие преемственности к предыдущему высказыванию), но сказывается также на других аспектах предложения. Статус вторичности снимает необходимость представлять отчетливо все аспекты предложения, и это приводит к тому, что некоторые из них оказываются менее ярко выраженными, тогда как другие, напротив, выдвигаются на передний план. В соответствии с этим обычно в структуре ВРЕ представлены только те элементы, которые актуализируют важный в данном случае аспект. В свою очередь представленные элементы служат определенными формальными признаками структуры, типичными для ВРЕ с данным коммуникативным заданием. Эти признаки, а также то обстоятельство, что коммуникативное задание ВРЕ сказывается на характере сдвига, сообщая ему определенный лингвистический смысл, дают основание для выделения трех частных значений, или типов сдвига.

Первый тип сдвига — назовем его содержательным — связан с заданием сообщить дополнительную информацию, которая тематически выпадает из основной линии изложения, имеет характер отступления, замечания в сторону, часто связанного лишь с каким-то узким смысловым звеном (словом, словосочетанием) в «первичной» линии изложения. Наличие тематического сдвига делает все построение особым приемом расширения информативных возможностей предложения (и даже цепочки предложений), без образования сложного целого, что весьма существенно, если учесть, что пределы расширения информативных возможностей в рамках ординарных синтаксических построений (сложного предложения) ограничены [7], так же как и сама аранжировка, поскольку она определяется правилами синтагматической связи его частей и списком возможных отношений в рамках грамматизованного ряда.

В коммуникативном же плане модификации ВПЕ обычно не происходит: так как при содержательном сдвиге референтное (или денотативное) значение у ВПЕ не отличается от обычного предложения (актуализируется номинативный аспект), статус «вторичности» сугубо функционален, т. е. в качестве ВП и ВПЕ выступают полноправные в коммуникативном плане единицы, с той разницей, что ВПЕ не обладает преемственностью по отношению к предыдущим предложениям. Проблема включения в этом случае оказывается тесно связанной с проблемой расширения функциональных возможностей предложения.

Естественно, что при содержательном сдвиге круг значений ВПЕ практически необозрим и круг смысловых отношений с ВП также не поддается учету. Поэтому этот тип ВПЕ наименее перспективен с точки зрения поисков устоявшихся норм в сфере значений ВПЕ.

Второй тип коммуникативного сдвига обуславливается конкретными условиями коммуникации, необходимостью визуально дифференцировать высказывания, относящиеся к разным коммуникативным планам, например, авторский текст и речь персонажа, прямую и несобственно-прямую речь, а также необходимостью дифференциации текстов разной обращенности внутри авторского текста или прямой речи, например, к читателю и персонажу, к различным персонажам. Этот тип сдвига можно назвать конативным, так как он связан с изменением аппеляции, или конативности. Например, расчленение на прямую или несобственно-прямую и авторскую речь:

‘And because I love you all, I must tell you one thing’ — his voice was a whisper now — ‘one terribly important thing’. (Braine, Vodi, 77). ‘But don’t’ — he wagged his finger at me — ‘say a word to anyone else’ (Braine, Room, 102).

Расчленение, связанное с различной обращенностью:

... I ran into the kitchen and there he was, drunk as a fiddler’s bitch — I beg your pardon, Scarlett, it just slipped out (Mitchel, Gone, 538).

В приведенных примерах ВПЕ имеют то же референтное значение, что и обычные предложения. Однако на фоне общей массы ВПЕ имеются также включения, для которых экстралингвистическая реальность является отраженной через содержание «первичного» текста. Отсутствие непосредственной связи с реальностью объясняет сужение информативных возможностей, ограничение лексического наполнения и развитие общего служебного статуса таких ВПЕ с установлением универсальных функциональных значений — универсальных в том смысле, что возможно их использование в ряде

предложений как готовых включений, причем вне этих предложений они лишены коммуникативной определенности, именно в силу своей универсальности. Так, не имеют коммуникативной определенности вне ВП такие ВПЕ, как *as we shall see, as we know, he said, they say* и др.

Возможность «отраженной» соотносимости с экстралингвистической деятельностью (через призму содержания ВП), также является признаком расширения функциональных возможностей предикативных единиц.

Характерно, что среди универсальных оказались ВПЕ, построенные на основе синтагматических рядов, — частей сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Использование модифицированных частей предложения с признаками связанности не случайно — это наиболее действенный способ выразить «привязку» к контексту. В смысле же структурной развернутости они гораздо более «закрытые», чем независимые предложения, что также немаловажно для включений и, очевидно, стимулирует процесс их модификации. Существенным является и то обстоятельство, что используются системные по своей исходной природе построения, обладающие к тому же известной «вторичностью», так как в ряде случаев они, как часть предложения, выполняют обслуживающую или чисто структурную роль.

Универсализация системных единиц находится в полном соответствии с общими закономерностями в языке, согласно которым в сфере стандартных системных построений имеет место наибольшая специализация значений. Эта общая закономерность, очевидно, выявляется и при функциональных сдвигах у данных структур, в результате чего на основе уже имеющихся формальных признаков и специализированного значения может развиваться новая системность, в пределах какого-то ядра, т. е. может появиться более или менее выдержанный набор ВПЕ, обладающий общими свойствами.

Анализ ВПЕ с функциональной стороны позволили выявить те универсальные значения, которые выработались в общей массе ВПЕ системного характера.

К числу их относятся:

1) значение авторской идентификации у ВПЕ в составе несобственно-прямой речи (*he said, he thought vehemently* и др.): *But he didn't need to go, we said then (Canadian Sh. St., 395);*

2) ссылочное значение с указанием на источник информации (*he said, the letter said, as he informed us, as it is often said, it is said, they say, or so the world would say, so one believed*) и с указанием на реципиента информации (*I have been told, we were given to understand* и др.), напри-

мер: This was, Tom said, the reason for his car being returned to him (Braine, Vodi, 69). The Steuckles (Augustine was informed) were not nobility... (Hughes, Fox, 171);

3) адресатное значение (as you see, you know и др.): Now, as you see, there are four counts here... (Dreiser, Fin., 374).

Третий тип коммуникативного сдвига связан с различием в модальном статусе ВП и ВПЕ: в первом актуализируется план объективный, констатирующий, во втором — план субъективный, с выражением эксплицитной или имплицитной оценки содержания ВП. Этот сдвиг можно поэтому назвать модальным. Денотатом для ВПЕ служит ВП или цепочка предложений, т. е. заданность содержания ВПЕ идет от текста, а не от экстралингвистической реальности. Коммуникативная роль таких ВПЕ сугубо обслуживающая, и потому вне ВП они могут быть коммуникативно неполноценны. Факт опосредованного соотношения с реальностью способствует ограничению лексического наполнения, а функциональное значение модальности способствует использованию модальных глаголов и слов с оценочным значением, а также приемов логической акцентуации. Все эти признаки свидетельствуют о преимущественной актуализации модального аспекта предикативной единицы.

Общее оценочное значение может дифференцироваться на различные частные значения: оценочно-комментирующее, подтверждающее, усилительное, значение субъективной оценки, усилительно-предупредительное, оценочно-заверительное и др. [8].

Наибольший интерес и в этой группе представляют те ВПЕ, которые имеют универсальный характер и не связаны с конкретными предложениями. Они составляют до 90% ВПЕ этой группы.

Приведем примеры на некоторые значения:

1) с оценочно-комментирующим значением ВПЕ:

'It may be — it is my conjecture only — that the police are interested'. (Greene, Comedians, 23).

2) с подтверждающим значением ВПЕ:

It wasn't that I was bored or anything — I wasn't — but I was so damn sleepy all of a sudden (Salinger, Catcher, 76).

Таким образом, хотя в основе коммуникативного расслоения лежат разные коммуникативные задания, сущность членения во всех трех случаях сходна в том смысле, что всегда обуславливается задачами и условиями коммуникации. Поэтому можно сформулировать общий категориальный признак всех трех типов сдвига как выражение коммуникативной, или коммуникативно-обусловленной разноплановости,

ибо и расширение объема высказывания в рамках одного предложения без установления связи между компонентами, и выражение модальности, и отражение конкретной ситуации, сопутствующей высказыванию — все это выражение коммуникативных заданий, с необходимостью требующих двух-ярусных построений, т.е. такого оформления, которое бы выразило взаимное коммуникативное несоответствие двух высказываний или коммуникативную разноплановость и глупину текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: Руднев Г. А. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959; Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968; Плоткин В. Я. О связи вводных элементов с предложением и его частями. Автореф. канд. дисс. Л., 1959; Скребнев Ю. М. К вопросу о грамматической природе вводных элементов в современном английском языке. Вопросы английской филологии. Уфа, 1961.

[2] Наиболее полное описание этого построения находим у фонологов, см., напр., Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge University Press. (Cambridge studies in linguistics, N 1, 1969); еще более детальное в работах синтаксистов, см., например: Gleason H. A. Linguistics and English grammar. N. Y., Chicago etc., 1965.

[3] В трактовке неполных предложений мы присоединяемся к точке зрения В. В. Виноградова. (Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. — «Вопросы языкознания», 1954, № 1; И. Ф. Вардуля (Вардуль И. Ф. К вопросу о явлении эллипсиса. Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М. — Л., 1969) и др. лингвистов, считающих любое неполное предложение полнозначным в условиях своего употребления.

[4] В литературе подобные случаи получили наименование «ситуативной вводности» (Скребнев Ю. М. К вопросу о грамматической природе вводных элементов в современном английском языке. Вопросы английской филологии. Уфа, 1961) или «вводных вне состава» (Мыльцева Л. А. Вводные предложения в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1966).

[5] Исследование синтаксических средств вычленения и показ того, как они выявляются в восприятии, проделано нами в докт. дисс.

[6] Отношения эти могут быть в значительной степени психологичными, базироваться на ассоциациях, возникающих в сознании в процессе высказывания. Изучение этих отношений выходит за рамки синтаксиса.

[7] В связи с этим см. работу В. Н. Ярцевой. (Ярцева В. Н. Пределы развертывания синтаксических структур в связи с объемом информации. Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М. — Л., 1969). Дискуссия о предельных размерах предложения развернулась еще раньше на страницах журнала «Language».

[8] Подробнее см. в нашей диссертации. Гл. III, разд. 2, § 3.

К ВОПРОСУ О СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ТЕКСТЕ

(На примере контекстуальной синонимии простого
и сложноподчиненного предложений в современном
английском языке)

Одним из основных типов моделей описания текста является модель горизонтального порождения грамматической ориентации [1, 39], основывающаяся на таком важном свойстве текста, как его линейность. Это свойство проявляется, в частности, и в том, что один и тот же объект [2, 233—234] упоминается в тексте несколько раз, получая при этом, как правило, разные наименования.

В литературе неоднократно отмечалось, что повторы, будь то чистый повтор или варьирующий (т. е. использование синонимов, местоимений, различного рода субститутов, гиперонимов, гипонимов и т. д.), — необходимое условие связанности текста [3, 147]. Разновидностью повтора, в частности, является и связь между предложениями, осуществляемая при помощи семантической репрезентации. Например:

"I've heard you're altering your will in favour of your son".
"Who told you that?" (J. Galsworthy).

Значение второго предложения является контекстуально обусловленным. Входящее в его состав указательное местоимение *that* репрезентирует часть предыдущего предложения *You're altering your will in favour of your son*, и, таким образом, простое предложение *Who told you that?* мысленно разворачивается в сложноподчиненное *Who told you that I'm altering my will in favour of my son?*, выступая в качестве его контекстуального синонима [4, 17—18].

Семантическая репрезентация такого рода, повторяя уже известную информацию, скрепляет текст и в то же время обеспечивает прогрессию и динамическое его развитие. Если бы в языке не существовало репрезентантов, акт коммуникации был бы необычайно затруднен, а текст оказался бы чрезмерно загроможденным.

В рамках настоящей статьи мы ограничимся перечислением морфологического состава репрезентантов [5] и остановимся подробнее на характеристике основных моделей формально простых предложений, семантически соответствующих на уровне текста сложноподчиненным предложениям.

Круг репрезентантов довольно широк; главным образом в качестве репрезентантов элементарных предложений употребляются местоимения и местоименные словосочетания, что

соответствует общему характеру местоимений как слов с замещающей функцией. Репрезентантами элементарных предложений могут быть личное местоимение *it*, указательные местоимения *this, that* (реже их формы множественного числа *these, those*), а также *the same* и синонимическое ему словосочетание *the same thing*, наречие *so* и близкое к нему, но редко встречающееся *likewise*, неопределенное местоимение *something* и словосочетания *one thing, the following thing(s)*, местоименные сочетания *that much, this much, it all, all that*, слова-предложения *yes* и *no*, союзные слова *why, what, when, which* и союзные словосочетания, например, *upon what grounds*.

Репрезентанты элементарных предложений могут занимать в предложении различные позиции, но чаще всего они употребляются в функции подлежащего или дополнения.

1. Среди структур с репрезентантом-подлежащим можно выделить три преобладающих модели:

А. RV_1A . Это модель предложений типа *That's wonderful (natural, nice, fine, bad, right, important, impossible, crazy, hopeless, true, logical', и т. д.)*, т. е. сказуемое представлено глаголом-связкой и прилагательным, содержащим оценку события говорящим.

Б. RV_1N . Сюда входят такие предложения, как, например: *That's my advice (your business, a good answer, a joke, a lie, the truth, a mistake, a compliment; и т. д.)*. Именная часть сказуемого в данном случае выражена абстрактным существительным, также дающим оценку ситуации говорящим.

В. Очень характерной является модель $RV_1P_{r-ve}Cl$. Например:

One had to keep one's dignity. That was why I refused a cigarette from the French officer at the Sûreté (G. Greene).

Реже встречаются предложения со сказуемым — полнозначным глаголом (*to matter, to bother, to occur, to explain, to happen, to change, to upset, to mean, to prove, to interest и т. д.*). (Модель RVN). Например: *"But if I keep on goin' to school, we can't ever read any more."* *"That's really bothering you, isn't it?"* (H. Lee).

Простые предложения — контекстуальные синонимы сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими значительно больше распространены в английском языке, чем собственно сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащими. Объяснение этому факту можно найти в плане актуального членения предложения. Ведь подлежащее, как правило, является темой предложения, «данным». Репрезентант же предполагает полный повтор какого-то участка высказывания и делает излишним словесное

оформление представляемого им элементарного предложения. Именно поэтому практически не встречаются придаточные предложения в позиции подлежащего, повторяющие фактический состав соотнесенного с ним элементарного предложения. Репрезентант, являясь адекватным выразителем темы, исключает необходимость повторения элементарного предложения и построения сложной, громоздкой конструкции.

2. Предложения, в которых репрезентант выполняет функцию дополнения, строятся по основной модели NVR. Чаще всего они содержат глагол, требующий прямого дополнения и обозначающий:

А. Процесс говорения: to ask, to answer, to say, to tell, to declare, to explain, to call и т. д.

"How much has he paid you?" "You've no right to ask her that," I said (G. Greene).

Б. Мыслительные процессы: to know, to understand, to get (понимать), to mean, to see (понимать), to reckon, to realize, to imagine, to guess и т. д.:

In such a position a man was bound to protest his innocence. Mr. Mayherne knew that (A. Christie).

В. Познавательные процессы: to learn, to discover, to find out:

...He was determined — I learnt that very soon — to do good, not to any individual person, but to a country, a continent, a world (G. Greene).

Г. Процессы памяти: to remember, to forget:

As you grow older, you'll see white men cheat black men every day of your life, but let me tell you something and don't you forget it — whenever a white man does that to a black man, no matter who he is, how rich he is, or how fine a family he comes from, that white man is trash (H. Lee).

Д. Отношение говорящего к событию: to like, to believe, to suspect, to grant, to deny, to decline, to protest, to regret, to admit и т. д.:

But it (Paris) does have nice people in it. One must grant that (E. Hemingway).

Е. Чувственное восприятие: to feel, to sense, to hear, to see, to watch, to smell и т. д.:

"Did you hear that, Henry? Mr. Barnes introduced his fiancée as Mademoiselle Leblanc, and her name is actually Hobin" (E. Hemingway).

Ж. Некоторые конкретные действия, связанные с умственной деятельностью: to read, to write и т. д.:

Jimmy. He says he denies the difference of class distinctions. "This idea has been persistently and wickedly fostered by — the working classes!" Well! (to Alison) You don't suppose your father could have written it, do you? (J. Osborne).

Антецедент здесь — зачитываемая Джимми цитата из газетной статьи.

Ряд глаголов и глагольно-адъективных сочетаний требует предложного дополнения (модель NVprpR или NV₁AprpR): to think (about), to care (about), to count (on), to be sure (of), to be certain (of), to be candid (about), to be aware (of) и т. д.

“Did it ever strike you that Judge Taylor naming Atticus to defend that boy was no accident? That Judge Taylor might have had his reasons for naming him? You think about that...” (H. Lee).

Для некоторых высокочастотных глаголов, требующих прямого дополнения, возможно вообще отсутствие репрезентанта, т. е. можно говорить о нулевой репрезентации (модель NVR₂): to say, to understand, to ask, to tell, to forget, to remember, to know, to think, to promise, to answer и т. д.

“Did he go to see General The?” “I wouldn’t know” (G. Greene). Это же справедливо и для глагольно-адъективного сочетания to be sure: “I thought I wanted to be a lawyer, but I ain’t so sure now!” (H. Lee).

Таким образом, репрезентанты элементарных предложений в большинстве случаев следуют за глаголами, называющими различные мыслительные процессы или действия, связанные с умственной деятельностью человека. Обычно это глаголы, требующие прямого дополнения, реже репрезентанту предшествует глагол или глагольно-адъективное сочетание с предлогом. Обязательность употребления прямого дополнения после некоторых глаголов позволяет говорить о наличии в ряде случаев нулевой репрезентации.

Предложение, в которое входит репрезентант элементарного предложения, может быть простым, например:

Ma r c o. She bought medicine for my boy.

Be a t r i c e. That’s wonderful (A. Miller).

Этот случай является наиболее распространенным и особенно характерен для диалогической речи.

Предложение с репрезентантом может быть и сложноподчиненным. При этом репрезентант может находиться как в главном предложении, например: “Mr. Finch, it was way last spring. I remember it because it was choppin’ time and I had my hoe with me” (H. Lee), так и в придаточном: Ch r i s. I’ve been thinking, y’know? — maybe we ought to put our minds to forgetting him? Mo t h e r. That’s the third time you’ve said that this week (A. Miller).

Нередко репрезентант входит в состав сложносочиненного предложения. Примечательно, что очень часто антецедентом при этом является первая часть предложения, а репрезентант употреблен во второй. Например:

The publishers had praised his novel pretty highly and it rather went to his head (E. Hemingway).

Представленный материал позволяет говорить о контекстуальной синонимии простого и сложноподчиненного предложения как широко распространенном явлении в английском языке. Репрезентация элементарных предложений осуществляется различными языковыми формами преимущественно местоименного характера. Репрезентанты могут выполнять в предложении различные функции. Наиболее типичными являются модели, в которых репрезентант занимает позицию подлежащего и дополнения. Предложения, содержащие репрезентанты элементарных предложений, могут быть различными по структуре; чаще всего репрезентанты употребляются в простых предложениях, что особенно свойственно тексту, построенному на диалогической речи. Особенности семантики глаголов, употребляющихся в моделях с репрезентантами элементарных предложений, позволяют говорить об этих глаголах как выразителях модуса, в то время как репрезентанты оказываются носителями диктума [5]; этим обуславливается та существенная роль, которую они играют в линейном развитии текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

[2] Термин «объект» трактуется в данной статье широко; объектом может быть лицо, предмет, действие, качество, а также событие (ситуация), средством номинации которого является предложение. — (Сб. Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977).

[3] Беллерт И. Об одном условии связного текста. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

[4] В дальнейшем любой антецедент, представляющий предикативную единицу, понимается в статье как «элементарное предложение» в трактовке В. Г. Адмони. (Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973).

[5] О понятиях «модус» и «диктум» см.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

А. М. ЛЕЙКО

О СВЯЗУЮЩЕЙ РОЛИ СИТУАТИВНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВО ФРОНТАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (К проблеме связующих средств в тексте)

В последнее время лингвисты уделяют пристальное внимание изучению средств связи самостоятельных предложений в тексте [1]. Самостоятельность предложения определяется

его структурной законченностью и реализацией всех внутренних связей; в то же время содержание предложения обычно представляется незавершенным без органического единства его со структурой более сложной, чем предложение.

В задачу настоящей статьи входит выявление роли разного рода обстоятельств (которые могут быть выражены не только наречиями), занимающих фронтальную позицию в предложении для реализации связи между самостоятельными предложениями в художественной, научной и публицистической прозе современных английских, американских и австралийских авторов.

Мы исходим из вербоцентрической организации предложения [2], в соответствии с чем фронтальная позиция обстоятельства в предложении может объясняться его тесной или свободной связью с глаголом, а также типом обстоятельства, т. е. характеризует ли оно действие с точки зрения внешних обстоятельств его протекания (так называемые обстоятельства-сирконстанты) или с точки зрения непосредственной качественной характеристики действия (так называемые квалификативные обстоятельства) [3].

Действительно, во фронтальной позиции обычно встречаются обстоятельства-сирконстанты, связь которых с управляющим глаголом-сказуемым обычно слабее, чем связь квалификативных обстоятельств. В силу ослабления связи обычно появляется отнесенность ко всему составу предложения. Эти обстоятельства поэтому называются в грамматиках *sentence adverbs* или *sentence modifying adverbs* [8]. Однако ослабление связи со сказуемым и появление отнесенности ко всему предложению еще не объясняет фронтальной позиции такого обстоятельства, так как отнесенность ко всему предложению может осуществляться и при постпозиции обстоятельства. Объяснение этому, по-видимому, кроется в дополнительной или вторичной [4] функции данного обстоятельства — функции выражения связи и организации текста [5]. Фронтальная позиция обстоятельств наиболее удобна для выражения поступательности повествования, для отражения временных и пространственных вех при описании последующих событий и действий. Именно поэтому они имеют закрепленную фронтальную позицию [6]. Эту функцию можно назвать повествовательной [7].

Для иллюстрации и анализа обстоятельств в функции выражения связи с предшествующим контекстом применим синтаксические тесты на элиминацию и перемещение обстоятельств-сирконстантов [9] и сопоставим полученные предложения с исходными. В первом из приводимых ниже примеров обстоятельство *then* выступает как типичное наречие в функции обстоятельства времени и устанавливает отноше-

ние следования между действиями глагола-сказуемого в предшествующем предложении и в данном: *A match flared... Then the ... fuse spluttered.* Аналогично во втором примере устанавливается последовательность между действиями *drew* и *stopped*:

I. Fuses of graduated lengths were cut and attached. A match flared in the darkness, startling in its harsh illumination of Denny's pale hard face, his own shaking hands. **Then** the first fuse spluttered (A. Cronin. *The Citadel*).

II. Taffy drew the snake and the drying pole. **Then** she stopped (R. Kipling. *Just So Stories*).

Применим процедуру элиминации обстоятельства *then*:

I. **Then** the first fuse spluttered ... the first fuse spluttered.

II. Then she stopped ... she stopped.

Подвергнув выделенное обстоятельство времени элиминации, обнаруживаем, что его изъятие как факультативного члена предложения не делает предложение аграмматичным; однако связь с предыдущим текстом теряется или становится менее отчетливой. При применении теста на перемещение обстоятельства по всем возможным срезам предложения выясняется, что эта процедура часто меняет коммуникативную заданность предложения:

1. **Then** the first fuse spluttered.

2. * The **then** first fuse spluttered.

3. * The first **then** fuse spluttered.

4. The first fuse **then** spluttered.

5. The first fuse spluttered **then**.

Из приведенных предложений 2 и 3 являются аграмматичными; в предложениях 4 и 5 имеет место смещение акцентуации. В предложении 4 действие *spluttered* воспринимается как следующее за другим действием того же агенса, а в предложении 5 делается акцент на время совершения этого действия.

Аналогичные результаты достигаются при перемещении обстоятельства в предложении II:

II. 1. **Then** she stopped.

2. She **then** stopped.

3. She stopped **then**.

В обоих случаях связь с предыдущим контекстом пропадает, т. е. *then* в этих позициях устанавливает временную зависимость в «тексте» только данного предложения.

Совмещение обстоятельством двух функций — внутренне-синтаксической (как комплемент глагола) и тексто-синтаксической (как связующий элемент в организации текста) — является своеобразной модификацией конструктивного состава предложения в результате его функционирования в тексте.

Различение таких оттенков синтаксических значений обстоятельств важно для разработки теории лингвистики текста, а также для теории и практики перевода.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вопрос этот поднимался и раньше, см.: Кобрин Н. А. Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1953; Мальчевская Л. М. Некоторые языковые средства связи между предложениями. Автореф. канд. дисс. М., 1964; Скибо В. Н. О средствах связи самостоятельных предложений в английской научной прозе. (На материале лингвистической литературы). Автореф. канд. дисс. М., 1966.

[2] Сторонниками этой точки зрения является, например, Курилович Е. (См.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962; Fillmore Ch. The Case for Case. «Universals in linguistic theory». N. Y., 1968).

[3] Распопов И. П. Об иерархической организации конструктивного состава предложения. Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов (20—23 апреля). Л., 1971). Термин «сирконстант» употребляется, в частности, В. В. Богдановым (См.: Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977); А. И. Смирницкий использует соответствующие термины «ситуативные и квалификативные» обстоятельства в работе «Синтаксис английского языка». М., 1957.

[4] Мы придерживаемся определения первичной и вторичной функций языковых единиц, предложенного Е. Куриловичем.

[5] Некоторые авторы (Вайнрих Г., Исаченко А. В., Бенеш Е., Харвег Р.) отмечают существенную роль текстово-синтаксического порядка слов, см., например: Дресслер В. Синтаксис текста. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.

[6] На базе обстоятельств в связующей функции в современном английском языке развились специальные средства связи (accordingly, again, besides и др.). См.: Кобрин Н. А. К вопросу о «союзных наречиях» в современном английском языке. — Учен. зап. ЛГПИ, 1956, т. 21.

[7] Термин «повествовательная» функция средств связи используется в кандидатской диссертации Н. А. Кобиной [1]. Т. М. Николаева использует термин «нарративность» в аналогичном смысле при описании способов представления структуры текста. — См.: Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978, с. 35—39.

[8] Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. Oxford, 1940, p. I; Roberts P. Patterns of English. N. Y., 1956; Jacobson S. Adverbial Positions in English. Stockholm, 1964; в советской лингвистике такие обстоятельства известны, как детерминанты. См.: Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6.

[9] Аналогичной методикой пользуются авторы: Quirk K., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. Longman, 1978; Schuan-Fan Huang. A Study of Adverbs. The Hague, Paris, 1975.

ИНТЕГРАЦИЯ ЗВУКА И СМЫСЛА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Отражая наиболее существенные стороны в построении и функционировании поэтического текста, повтор и общие процессы интеграции определяют становление текста как единого структурно-семантического целого. Интеграцию в поэтическом тексте будем понимать не только как подчинение частей текста главной мысли, но и как взаимодействие между собой различных частей текста. Повтор, единый структурообразующий принцип поэтического текста, характеризуется возвращением как каждого отдельно взятого, так и всех в целом языковых планов поэтического текста. Через интеграцию реализуются интегративные отношения в поэтическом тексте, причем реализации интегративных отношений помогает принцип повтора по закону всеобщей связи и взаимообусловленности явлений. Так, в стихе Т. Гнедич

Странный город, столица столикая! . . .

сходство «столица столикая» осуществляется на фонетическом уровне, однако звукокомплекс «столи», входящий в состав слов, благодаря интегративным отношениям качественно обогащает семантику слов, объединяя их и смещая ассоциативный акцент на аллюзию с «престольным городом», населенным столиками людьми. Звуковой интегрант «ст» распространяется и на слово «странный», присоединяя новый семантический признак к уже выделенным, создавая общее впечатление многоликости и разнообразия населяющих столичный город людей. Интегративные отношения здесь выполняют роль «показателя качественного своеобразия более сложных единиц» [1, 60]. Актуализации интегративных отношений в данном случае, безусловно, способствует принцип повтора.

Через повтор раскрываются семантические возможности языковых единиц в поэтическом тексте. Языковой единицей низшего — фонетического — уровня в тексте является звук. Звуковые операции в данном тексте находятся в поле действия как метрической, так и неметрической текстовых структур. Неметрическая структура объединяет аллитерацию и ее разновидности, ассонанс, неметрические рифмы. В современной английской поэзии преобладают неметрические правила образования поэтических текстов, так как метрическая структура, будучи несколько искусственной для современной поэзии, предполагает наличие большего числа неизбежных лексических ограничителей в конструировании предполагаемых семантических репрезентаций: достаточно упомянуть об огра-

ничениях, накладываемых на «ось селекции» стиха точной рифмой, размером и пр. Немеетрическая структура, в отличие от метрической, хотя и налагает определенные ограничения на отбор лексических, грамматических и других единиц, все же не столь консервативна. Если точная рифма — связующее звено в вертикальной модели текста, аллитерация, ассонанс и пр. не только организуют, но и нарушают модель текста как в вертикальной, так и в горизонтальной его плоскостях при помощи звуковых балансов, модификаций и различных звуковых отношений. Система этих отношений внутри текста создается, с одной стороны, путем повтора, который предполагает обратное смещение языковых элементов, с другой — путем интеграции всех этих элементов, что в целом ведет к раскрытию семантики языковых единиц.

Вот почему рассмотрение процессов интеграции и повтора должно проводиться на более высоком уровне, чем уровень отдельных единиц текста. Таким уровнем для исследователя может быть только текст. Рассматривая интеграцию и повтор в немеетрической структуре текстового уровня, мы считаем, что в едином процессе повторения — интеграции — семантизации в поэтическом тексте получает свое подтверждение взаимосвязанность фонологического и семантического компонентов языка. Возможность наблюдения такой взаимосвязанности представляет ниже приводимый текст стихотворения Сесила Дей Льюиса «Не жди, чтоб вновь вернулся феникс-час».

Do not expect again a phoenix hour.
The triple-towered sky, the dove complaining,
Sudden the rain of gold and heart's first ease
Tranced under trees by the eldritch light of sundown.

By a blazed trail our joy will be returning:
One burning hour throws light a thousand ways,
And hot blood stays into familiar gestures.
The best years wait, the body's plenitude.

Consider then, my lover, this is the end
Of the lark's ascending, the hawk's unearthly hover:
Spring season is over soon and first heatwave
Grave-browed with cloud ponders the huge horizon.

Draw up the dew. Swell with pacific violence.
Take shape in silence. Grow as the clouds grew.
Beautiful brood the cornlands, and you are heavy;
Leafy the boughs — they also hide big fruit [3].

Весна — зарождение и цветение любви — сменяется жарким летом — временем тепла и веселья, хранящим в себе золото плодоносного дождя, и венчает любовь пора созревания, подобная колосающему полю. Такой развернутой метафорой рисует поэт ожидание ребенка женщиной в стихотворении. Рождение нового человеческого существа — высший смысл любви, утверждаемой поэтом, вот почему диалектические процессы природы, «картины высшего разума», ассоциируются в стихотворении с процессами, происходящими с будущей матерью. В передаче целостности и единства этих процессов участвует, реализуя свои семантические возможности через интеграцию и повтор, и звуковая организация поэтического текста.

Точка отсчета — внешнее состояние женщины, первая строфа — это возвращение к чудесному времени, когда получила свое высшее завершение любовь, пролившаяся золотым животворящим ливнем и принеся «сердцу тишину». Строфа являет собой образец звуковой переклички: перекликаются различные звуки и звукокомплексы внутри стихов. Так, можно выделить созвучия, напоминающие рифмы, с общими дифтонгами (ei): again — complaining — rain, (au): hour — towered — sundown, звукоряд, задающий объединенность словам со звуком (i:): phoenix — ease — trees и со звуком (a): dove — sudden — sundown, которые имеют еще и консонантное сходство в звуке (d), аллитерационные ряды, объединяемые начальным звуком (t): triple — towered и звукокомплексом (tr): Tranced under trees, рассыпанные звуковые повторы, как в случае с доминирующим в ряде слов звуком (d): dove — sudden — gold, или звуком (k): expect — sky — complaining — phoenix. Рифменные и аллитерационные соответствия, особенно заметные на фоне безрифменного в целом стиха, интегрируясь внутри строфы, делают значимой и ее семантическую структуру, акцентируя важные в движении текста слова. Безусловно, движение задано самим смыслом стиха, тем не менее его звуковая ткань как бы стимулирует эффект продвижения. Достаточно сказать, что первая строка интегрирует в себе все наиболее заметные звуковые повторы строфы: ei, i:, au, a, k(s), которые затем, как бы отталкиваясь от первого стиха, откликаются ему в развертывающейся звуковой ткани всей строфы, создавая как самые заметные — напоминающие внутренние рифмы, — так и иные звуковые соответствия. Причем первые из указанных повторов целиком исходят из отправных звуковых моментов первого стиха:

again	phoenix	hour
complaining	ease	towered
rain	trees	sundown

Принцип интеграции позволяет сопоставить такую звуковую переключку со смыслом строфы: именно первая строка возвращает к чудесному времени — фениксу-часу, а последующие строки представляют собой его образную дешифровку. Строфа интегрирует чаще других встречающиеся звуки в стихотворении. Это — фонемы *t, d, r, k, p*. Встречаемость указанных фонем в строфе, соответственно, такова: 9, 7, 5, 4, 3. По отношению к числу повторов их во всем тексте стихотворения это составляет: *t* — 39%, *d* — 29%, *r* — 31%, *k* — 33%, *p* — 38%, т. е. примерно треть указанных звуковых повторов приходится на первую строфу. Выделенные звуки, различаясь по своим артикуляционным признакам, не имеют одного — признака плавности, напевности. Все перечисленные звуки артикулируются энергично, производя шум или взрыв при произнесении. Характеристика их фонетического значения — быстрое движение, прерывистость, для *r* — агрессивность [2]. Фонетическое значение и смысл в строфе, таким образом, совпадают в главном: звук, семантизируясь, придает совместно со смыслом движение поэтическому тексту.

Второе четверостишие развивает новую тему, тему зарождения нового существа как священный итог «горящего часа» (*one burning hour*) — соединения двух любящих людей. Радость родителям принесет осознание сотворенного ими чуда — появления на свет нового человека, который воплотит в себе знакомые черты (*hot blood stays into familiar gestures*) и который пока зреет и наливается силой в уготованной природой совершенной колыбели — теле женщины. Интегративная звуковая связь с первой строфой, подтверждающая смысловую, осуществляется путем продолженности во втором четверостишии ассонансного отзвука, отмеченного уже упоминавшимися дифтонгами (*ei*): *blazed — trail — ways — stays — wait* и (*au*): *our — hour — thousand*. На наличие связи двух строф указывает и количественное соотношение повторенных чаще других звуков: если консонантный фон первой строфы — звуки *t, d, r, k*, во второй строфе *t*, например, повторенный семь раз, но не встречающийся, за исключением слова *trail*, в начальной позиции в ударном слоге, выполняет роль эхо — отзвука для сильного звукового мотива *t* в первой строфе. То же относительно *d* (повторяется 5 раз) и *r* (3). Еще одна звуковая скрепа осуществляется на уровне вокалической структуры: трехкратное (*ei*) отзывается более сильным, четырежды повторенным дифтонгом, а трехкратному (*au*) соответствует то же количество этого звука, повторенного в равноценных позициях в слове. Такое звуковое скрепление строф не только подтверждает интеграцию на уровне смысла отдельных строф, но, что гораздо важнее, осуществляет не

всегда заметное звуко-смысловое интегрирование на уровне всего текста.

В последнем нетрудно убедиться, перейдя к рассмотрению третьей строфы произведения, где наряду с развитием отдельной микротемы и возникновением новых звуковых связей, достаточно отчетливо проступают звуковые следы предыдущих строф. Приходит конец весенним радостям: не парит высоко в небе орел, не взмывает ввысь звонкоголосый жаворонок — весна любви, пережив головокружительные взлеты, проходит с первой волной тепла, сменяясь прекрасной летней порой ожидания живительных ливней и вызревания урожая — *Grave — browed with cloud ponders the huge horizon*. Новые звуковые линии, соответствующие несколько иной микротеме, наблюдаем в возникновении звукового повтора *h*, встречающегося как по вертикали *hawk — heatwave — huge*, так и по горизонтали *hawk — hover — huge horizon*, и повтора *l*: *lover — lark — cloud — unearthly*. Заметим здесь, как меняется артикуляционное количество повторяющихся звуков с изменением микротемы: если в первой и второй строфах преобладали взрывные, требующие энергичной артикуляции звуки *t, d, g, k, p*, то в третьей строфе доминируют фарингальный *h* и латеральный сонант *l*, не требующие больших усилий для их произнесения. Налицо соответствие фонетического значения эмоциональной окраске строфы: описанию спокойного состояния женщины, ожидающей ребенка, соответствует несколько расслабленный консонантный фон четверостишия, в то время как в первой и второй строфах весны, бурная пора любви получала свое выражение в напряженно-интенсивном звуковом движении.

В последней строфе женщина, как напоенная дождями и умытая росой земля, несущая сладостное бремя спеющих колосьев и наливающихся соком фруктов, дарит свои жизненные силы новому ростку — *Beautiful brood the cornlands, and you are heavy; Leafy the boughs — they also hide big fruit*. Завершающая стихотворение строфа отличается синтаксическим строением: она состоит из ряда коротких законченных предложений, пунктуационно оформляемых точками, что вызывает паузы между отдельными стихами (нерегулярная внутристроочная цезура). Это придает строфе большую интонационно-синтаксическую завершенность и четкий ритмический рисунок. Такому строению строфы соответствует и звуковая организация: парные звуковые повторы *draw — dew, swell — pacific, grow — grew, beautiful — brood*, чеканные внутренние рифмы: *violence — silence, dew — grew*, очевидная перекрестная рифма *grew — fruit*. И пронизывающий всю строфу вокалический лейтмотив (*u:*): *dew — grew — beautiful — brood — fruit*. Сравним фонетическое значение

долгого гласного (u:): торжественность, глубина, нежность, круглость. Эмоциональный колорит строфы создается и фонетическим значением повторяющегося гласного. Фонетическое значение долгого гласного подчеркивает значительность процессов, дающих начало жизни в природе и человеке. Интегративные отношения выявляют в последней строфе и отзвуки всех предыдущих строф: (повторы d (draw, dew), b (beautiful, brood, boughs, big), k (cloud, cornlands), h (heavy, hide), l (violence, silence, leafy, и т. д.), ei (take, shape, they). Последняя строфа, окончательно оформляющая метафору *woman — cornland*, интегрирует семантические линии стихотворения, стягивает в пучки и звуковые линии текста.

ВЫВОДЫ

1. Звуковые повторы задают движение тексту наравне со смыслом. Заметная роль в создании движения текстовой субстанции принадлежит и фонетическому значению, которое выполняет роль эмоционального усилителя смысла стихотворного фрагмента.

2. Интеграция, реализуясь через повтор отдельных, в том числе мельчайших, единиц текста, заметных благодаря повтору в составе высших текстовых единиц, осуществляет семантизацию отдельных, а в конечном итоге, всех элементов текста, вписывая их в общую семантическую структуру стихотворного произведения.

3. Отдельная строфа, представляющая собой относительно законченное синтактико-семантическое единство, предоставляет возможность выявления в каждой микротеме, развиваемой ею, определенных звуковых соответствий, связанных со смыслом стиха. Однако, разделяя поэтический текст на строфы, мы убеждаемся в условности такого членения. Только в тексте как едином структурно-семантическом целом посредством интеграции и повтора могут быть выявлены эксплицитные и имплицитные звуко-смысловые связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тураева З. Я. Время художественное и время грамматическое. Автореф. докт. дисс. Л., 1974.

[2] Под фонетическим значением понимается содержательность языковой формы на фонетическом уровне. См.: Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974. Фонетическое (признаковое) значение английских звуков составлено по данным ряда работ, важнейшие из которых: Preminger A. (ed.) *Encyclopedia of Poetry and Poetics*. Princeton, New Jersey, 1965; Boulton M. *The Anatomy of Poetry*. London, 1968.

[3] Lewis C. *Collective Poems*. London, 1961.

О ТЕКСТОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ОТРИЦАНИЯ И МОДАЛЬНОСТИ

(На материале исследования структуры
«модальное сказуемое с отрицанием»
в современном английском языке)

Необходимость теоретического осмысления вопроса о текстовой актуализации категорий отрицания и модальности обусловлена целями и задачами практики обучения активному владению иностранным языком.

Отрицание как лингвистическая категория рассматривается в целом ряде работ [1]. При этом подход к проблемным вопросам, возникающим при трактовке отрицания в таком ракурсе (т. е. как лингвистического понятия), зависит как от понимания сущности категории, так и от практических целей исследования. Естественно стремление, с одной стороны, установить соотношение грамматической категории отрицания с одноименной категорией логики, с другой — определить круг значений собственно языковой категории и формы актуализации этих значений. Положение О. Есперсена о разграничении специального и нексусного отрицания получило отражение в работах многих грамматистов. В результате было предложено несколько классификаций способов выражения общего и частного отрицания.

Поскольку общее отрицание характеризует предложение в целом, категория, реализующая свои значения в противопоставлении «утверждение / отрицание» была включена в парадигму предложения как один из его основных параметров (наряду с такими «предложенческими категориями как модальность и целеустановка высказывания») [2].

Интересным представляется вопрос о взаимодействии указанных категорий, взаимообусловленности использования форм и модификации значения этих форм в зависимости от характера интенции. Отмечено, например, что отрицание несет разную функциональную нагрузку в предложениях различного коммуникативного типа [3]. Известна также концепция, согласно которой значение отрицания вводится в сферу модальных значений [4]. Исследование, проведенное нами, строилось на рассмотрении взаимодействия категорий отрицания и модальности в предложении с составным модальным сказуемым. Однако в отличие от приверженцев концепции, рассматривающей отрицание как одно из модальных значений, автор (вслед за В. З. Панфиловым в логике и Е. И. Шендельс и Е. В. Гулыгой в грамматике) считает ка-

тегории отрицания и модальности самостоятельными, каждая из которых имеет собственный круг значений и отличающиеся формы их выражения.

Так, функционально-семантическая категория модальности имеет полевую структуру, ядерным элементом которой (в английском языке) являются грамматические формы наклонения, а периферийными — модальные слова типа *perhaps*, *obviously* и т. д. Модальные глаголы занимают промежуточное положение. Этим объясняется, очевидно, использование глаголов *should*, *would* и для построения аналитических форм наклонения и как самостоятельно функционирующих модальных глаголов с определенной, присущей им только в этом случае системой значений. Промежуточным положением модальных глаголов объясняется также и возможность существования одновременно нескольких поверхностных структур для выражения единого глубинного смысла: *He may be rich: He is perhaps rich. etc.*

Функционально-семантическая категория отрицания обладает иным инвентарем единиц [5]. Основным формальным показателем отрицания в предложении (общего отрицания) является частица *not*, присоединяющаяся к вспомогательному, или, как в нашем случае, модальному глаголу.

Прежде чем обратиться к анализу модального сказуемого с отрицанием, приведем несколько предложений (повествовательных и вопросительных) для иллюстрации проявления одного из потенциально возможных значений модального глагола в зависимости от его дистрибуции.

1. *That will do Rogers. You can leave us. Miss Suffield and I will lunch alone.*

Глагол *can* реализует значение [разрешение].

2. *You know, life itself is like a game of chess... You can cheat and it won't get you anywhere if you are against an experienced player.*

В контексте примера 2 реализуется значение [гипотетическая возможность].

В вопросительном предложении глагол *can* может реализовать значение [возможность выполнения действия], [способности к действию], как, например, в случаях:

3. *I only met him when they moved here from Hong Island. Can you remember what happened? Sure.*

4. *Can we have the alteration by tomorrow?*

I suppose so.

На реализацию того или иного значения модального глагола в каждом случае влияет как семантика присоединяющегося к нему инфинитива, так и лексическое наполнение предложения, а также его коммуникативный тип. В вопросительном предложении, например, не встречается *can* [разре-

шение], но довольно часто *can* {просьба разрешить что-либо}.

Существующие нормативные грамматики предлагают как систематизацию значений модальных глаголов, так и возможности их ситуативного функционирования и случаев взаимозаменяемости. Однако, как показывает анализ фактического материала, семантические сетки модальных глаголов часто неоправданно сужены. Другая крайность — привлечение слишком широкого контекста для определения значения модального глагола. Не отрицая потенциальных возможностей такого метода исследования, отметим, что для определения доминирующей семы модального глагола в том или ином случае, как правило, достаточно контекста одного предложения. Выход же в более широкий контекст дает возможность уточнения значения. Например, в предложении 5 реализуется значение [неспособность] к действию:

5. The doctor **can't make any new appointments**.

Предложение приведено намеренно усеченным, если же взять его полностью выявленное значение будет уточнено:

5a. The doctor **can't make any new appointments** for three weeks she said.

Это уже значение [неспособность], зависящее от обстоятельств. Анализируя предложение не выходя за его рамки, можно выяснить и что это за обстоятельства: болезнь, чрезмерная загруженность и т. д., что, однако, не является предметом нашего исследования.

В предложении

6. But frankly, I dislike you, and I **can't be nice** to people I dislike.

реализуется значение [невозможность], зависящее от определенных нравственных убеждений.

Значения [невозможность], [имплицитная уверенность] реализуются в предложении

7. A house divided against itself **cannot stand**.

Установление закономерностей перегруппировки сем в зависимости от коммуникативного типа предложения и его утвердительно-отрицательной структуры представляет особый интерес. Приведем еще несколько примеров:

8. I'm taking another position. There's no need for me here any longer.

But you **can't leave**.

I really don't think you'll miss me.

Выше уже приводился пример с глаголом *can* и следующим за ним инфинитивом *leave* (пример 1), где из всех характеризующих глагол *can* сем на передний план выступила сема [разрешение]. В примере 8 реализуется не просто значение [неразрешения], но значение, не характерное для глагола *can* при утвердительной структуре предложения, зна-

чение, которое можно определить как [долг], [обязанность] (не делать что-либо):

Что касается вопросительных предложений, то по общепринятой классификации, их подразделяют на общевопросительные и специально-вопросительные. В каждом из указанных случаев модальный глагол с отрицанием будет вести себя по-разному. Если в предложении

9. **Why can't you phone him tonight?**
доминирующей для глагола *can* является сема [удивления], то в предложении

10. **Can't you phone him tonight?**
реализуются значения [наличие возможности] и [побуждение] к действию.

Следует отметить, что не только структура предложения влияет на модификацию значения модального глагола с отрицанием, но и наоборот: введение грамматического показателя отрицания в предложение, образующее микроструктуру «модальный глагол + отрицание» меняет семантику предложения в целом. Вопросительно-отрицательный характер предложения не просто предполагает необходимое следование информации, но как бы задает алгоритм следующего за ним предложения, прогнозируя ответ.

Приведем еще один пример:

11. «You did not disappoint me, and I hoped so much that you wouldn't.»

«I cannot think why,» she answered and he looked at her in such a way, that her heart very nearly stopped. All in a moment his face was grave, his eyes dark and significant his mouth set and quiet. — «**Can't you?**» he asked after a moment.

Пример интересен тем, что глагол *can* употреблен в вопросе без опоры на инфинитив, хотя его и можно восстановить, поскольку пример дан с привлечением широкого контекста и легко имплицитруется глагол *think*. Однако семантика глагола *think* здесь не влияет на изменение значения глагола *can*. Значение недоверие (граничащее с уверенностью в противоположном), которое мы здесь находим, можно отнести целиком за счет отрицательно-вопросительной структуры предложения.

Таким образом, семантическую сетку глагола *can* можно представить следующей схемой:

can (V_{mod})

Предложение

повествовательное
утвердительное

вопросительное

[способность]

[способность]

возможность реальная
 возможность гипотетическая
 вероятность
 разрешение
 умение

повествовательное
 отрицательное

возможность реальная
 возможность гипотетическая
 вероятность
 просьба

вопросительное
 отрицательное

неразрешение
 невероятность
 неумение
 долг
 невозможность

удивление
 сомнение
 неуверенность
 недоверие
 побуждение к действию

Как становится ясно, не все семы в семантической сетке глагола равноправны. Семы [способность], [возможность], [вероятность] могут проявляться в разных типах предложения, в то время, как все остальные из выявленных значений, присущих глаголу *can*, реализуются лишь в строго определенном контексте. Например, сема [долг], [долженствование] реализуется только в повествовательном отрицательном предложении, а сема [удивление] — в вопросительном отрицательном с перфектным инфинитивом.

Существует мнение, что введение отрицания в вопросительное предложение не изменяет основного содержания вопроса [6]. С этим, однако, трудно согласиться.

Возьмем для сравнения несколько примеров с модальным глаголом *ought*.

12. **Ought you to see a doctor? I asked him.**

Из всех обычно характеризующих глагол *ought* значений (обязанность, долг, необходимость, желательность) в данном предложении (как и в большинстве вопросов с *ought*) на передний план выступает значение [необходимость]. При введении в вопросительное предложение отрицания в наборе указанных сем происходит перегруппировка: одни из них отступают на задний план, другие проявляются наиболее ярко.

13. **Oughtn't you to see a doctor? I asked anxiously. I could call up Rogers.**

Здесь прежде всего выступают семы желательности, рекомендации, а сема необходимости, возможно с оттенком сомнения, колебания занимает маргинальное положение. На такое перераспределение в иерархической, на наш взгляд, семной сетке оказала влияние не только и не столько структура вопроса, сколько его отрицательный характер.

Таким образом, можно отметить, что набор сем, характеризующий тот или иной модальный глагол, находится в динамическом соотношении. Актуализация узуального или окказионального значения модального глагола зависит от ряда факторов: от структуры предложения в целом, характера присоединяемого к модальному глаголу инфинитива, лексического наполнения. Введение в предложение отрицания является дополнительным фактором, предопределяющим перераспределение сем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробную библиографию см., например, в сб.: Hajičova Eva Negace a presuposice ve vejsnamove stavbe vety. Praha, 1975.

[2] Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1975.

[3] Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975, гл. 19.

[4] Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. — В сб.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. См.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1939; Адмони В. Г. О модальности предложения. — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 21, 1956; Halliday M. A. K. Functional diversity in language as seen from consideration of modality and mood in English. Foundations of language, v. 6, N 3, 1970.

[5] Автор считает нецелесообразным приводить здесь подробную классификацию средств выражения отрицания, поскольку это не входит в задачи статьи. См. такую классификацию у В. М. Бритенковой в кн.: Исследования по структурно-вероятностному анализу. Горький. 1976.

[6] Шендельс Е. И. Отрицание как лингвистическое понятие. — Учен. зап. МГПИИЯ, 1959, т. 19.

З. Я. ТУРАЕВА, Г. В. РАСТОРГУЕВА

АНАГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Одним из рабочих концептов лингвистики текста стало рассмотрение различных видов повтора как одного из средств реализации связанности текста.

Предметом анализа настоящей статьи является повтор звука и звукокомплекса в поэтическом тексте. Анализ повтора на уровне звуковой организации поэтического произведения представляется интересным по следующим причинам: 1) семантическая интерпретация звука остается одной из наиболее спорных проблем языкознания; 2) проблема связанности текста изучалась в основном на материале лексических (преимущественно именных) повторов; 3) звуковые приемы использовались для передачи содержания в стихотворном произведении еще в античной литературе.

Различного рода стихотворные формы: акrostих, тавтограмма, логогриф, палиндром и другие, в которых звук или слово повторялись в определенных позициях и с определенной целью в стихе, были известны еще в древнегреческой стихотворной практике. Ввиду отсутствия в античной поэзии рифм, фонологическим средствам организации стихотворной речи, основанным на повторе, отводилась наряду с метрическими ведущая роль. Звуковые повторы составляли сложную систему приемов звукописи в гимнах «Ригведы» — древнейшем памятнике индийской культуры. Роль повторов в «Ригведе», представлявших собой важнейший принцип построения текста, выходила за пределы стилистического уровня: они были составной частью творческого метода всего собрания гимнов, находившего свое отражение на всех уровнях поэтического текста [2].

Звуковые приемы характерная черта и древнего образца римской поэзии — «Сатурнова стиха». Традиция использования звукового повтора прослеживается и в современной поэзии, в частности в английской. Звуковые повторы позволяют выявить глобальную связность текста, существование некой глубинной структуры, определяющей поверхностную структуру. Глубинная структура есть своего рода программа, накладывающая ограничения на поверхностный уровень. Однако хотя порождение поверхностной структуры определяется глубинной структурой (направление процесса порождения текста), субординационные отношения между глубинной и поверхностной структурами не исчерпывают отношений между ними. Поверхностная структура может актуализировать глубинную структуру. Она формально содержательная.

Тетради Ф. де Соссюра, впервые опубликованные в 1964 году, содержат записи по анаграммам — плод многолетних и обширных наблюдений над особенностями звукового строения поэтических (а также прозаических и научных) текстов на древних индоевропейских языках [10, 243—262]. Помимо вопросов, связанных с общеиндоевропейской поэтической традицией, Соссюр затрагивает проблемы, представляющие интерес для исследователей теории поэтического текста и не получившие еще достаточно широкого освещения в специальной литературе. Идеи, выдвинутые Соссюром в «Тетрадах», имеют особое значение для изучения звуко-смысловых связей в поэтическом тексте: в работе подчеркивается, что нередко звукопись получает в поэтическом тексте семантическую интерпретацию. «В анаграмме, — пишет Соссюр, — речь идет о том, чтобы подчеркнуть какое-то слово, изолируя в повторении слогов и давая ему таким образом второй способ существования». Принцип анаграмм автор

«Тетрадей» считал «первым принципом общеиндоевропейской поэзии» [10, 246].

Традиционная анаграмма распространялась, как правило, на графические знаки — буквы. Соссюр вкладывает в понятие анаграммы современный, более точный смысл: анаграмма предполагает особое сочетание фонем, а не букв. Суть анаграмматических построений, заключенная в звуковых элементах стихотворного текста, чрезвычайно важна, так как их объективное вычленение в стихе дает начало собственно анаграмматическому построению. В этой связи нам представляется, что отделение звукописи от анафонии в стихотворном тексте не может быть столь жестким. Едва ли, в поэтическом тексте можно строго разграничить эти «два вида поэзии». Скорее, одно может вызвать появление другого, так как в основе и того, и другого явлений в стихотворении лежит принцип повтора. Не случайно именно наличие повторяющихся фонем приводит Соссюра к возможности выявления анаграммы.

Анаграммированное слово составлено, по Соссюру, строгой последовательностью элементов: так, как они идут в стихе, друг за другом. Необходима ли строгая последовательность соединения фонем в анаграмме? Выводится ли анаграмма последовательностью фонем, следующих друг за другом, или как некоторое «среднее от акустических впечатлений»? Соссюр не дает окончательного ответа на этот вопрос, усматривая в соединении фонем вне линейного порядка методом «среднего акустического впечатления» возможность смешения «одновременно двух красок».

Под анаграммой, вслед за Соссюром, мы будем понимать слово, составленное из повторяющихся в стихе звуков. В основе построения анаграммы, таким образом, лежит акустическое, а не визуальное впечатление, повтор не графических знаков, а звуков. Линейный порядок, судя по анализу материала, не всегда может явиться тем жестким ограничением, которое накладывается на выбор звуков, входящих в анаграмму. Скорее, «среднее акустическое впечатление», подкрепленное числовыми данными, лежит в основе анаграмматических построений. Повторение звуков в поэтическом тексте, релевантное для воплощения глубинной семантической структуры, не является случайным. Оно носит прагматический характер и связано с интенцией поэта. Приведем высказывание Р. Якобсона, подтверждающее эту мысль: «Подсчет возможности так же, как точное сравнение поэтических текстов с другими видами словесных сообщений демонстрирует, что яркие особенности в поэтическом отборе, аккумуляции и дистрибуции различных фонологических классов не могут рассматриваться как небрежные случайности... Лю-

бая значительная поэтическая композиция, будь то импровизация или плод длительного и упорного труда, предполагает целевой отбор словесного материала» [1, 302]. Анаграмматическое построение может быть вынесено в заголовок поэтического произведения или выделено графически. В ряде случаев анаграмму можно выделить при внимательном изучении связей разбросанных фонем [10, 254]. Подлинность анаграмматического построения будет зависеть от точности и корректности подсчетов. Выверение точных количественных данных, обусловивших появление анаграммы, исключает до некоторой степени элемент случайности в ее синтезировании.

Слово, найденное в тексте путем анаграммирования, часто оказывается словотемой, вбирающей в себя смысл стихотворного произведения. По Соссюру, это чаще всего имя собственное (имя божества, к которому обращались, например в гимнах «Ригведы», или героя в гомеровском стихе). Анаграмма, однако, может включать в свой состав и любое слово или даже несколько слов, не связанных непременно с именем собственным: на этот факт указано и автором «Тетрадей». Данное утверждение особенно верно для современной поэзии, в которой преломление ключевого слова как общий принцип поэтического творчества осуществляется чаще в имени нарицательном, чем в имени собственном [4]. Результаты процесса выявления анаграммы в тексте могут не совпадать лишь при небрежном отношении к числовым данным, регистрирующим повторяемые элементы. Однако современная поэзия с ее полифоничностью и множественностью смыслов позволяет различные толкования, распространяющиеся и на анаграммы. Соссюр, достаточно осторожный в объяснении факта анаграммы, замечает: «...если сомнение в том, что является словотемой ... может возникнуть на каждом шагу, то именно в этом лучшее доказательство того, что все в стихе, ... открытом изобилию смыслов... , тем или иным образом взаимосвязано» [10, 255].

Языковые средства в поэтическом тексте организованы особым образом. Отдельные стихи, составляющие строки, связаны воедино не только по мере их развертывания в «строчечный фронт»; связность, порождаемая стихами, имеет обязательное вертикальное измерение. Множество точек пересечения этих двух измерений образуют как бы несколько структур в структуре, микроструктуры в глобальной макроструктуре поэтического текста. Языковые элементы — фонетические, морфологические, синтаксические — в точках пересечения двух измерений поэтического текста рожают новые по отношению к общему смыслы. Внутри самого поэтического текста может быть заключен еще один текст, который переплетается с основным. Таким текстом в тексте можно считать

анаграмму. Идея анализа анаграмм в поэтическом тексте смыкается с идеей о «гиперсегментности текстовых характеристик», в принципе распространяемых на «цепочки элементов разной протяженности» [5, 35]. Развитие словотемы в поэтическом тексте происходит в соответствии со своими собственными законами, оно подчиняется другому ритму, отличному от ритма слов, следующих друг за другом в линейном порядке. Словотема, возникнув на пересечении горизонтальных и вертикальных измерений текста, развивается как стдельный микротекст, синтезируя не только повторяющиеся элементы звуковой субстанции, но также достаточно зашифрованное и не всегда доступное непосредственному восприятию сообщение в сообщении, «фонемическое высказывание» [7, 201] одно или несколько.

Анаграмма, извлекаемая из глобальной структуры текста, представляет собой свернутый текст, конденсацию основного текста. Наряду с корректностью подсчета звуковых элементов, составляющих анаграмму, важен также и фактор количественного соотношения строк, в пределах которых она исчисляется. По Соссюру, подлинность ее подтверждается обнаружением анаграмм в стихах, содержащих не менее трех, а часто и не менее шести строк. Исследования строфического стихотворного текста позволяют внести уточнение в это предположение Соссюра. Как известно, строфически организованный поэтический текст может члениться на строфы — единицы формальной и регулярной сегментации поэтического текста. Последние исследования в области строфики все чаще представляют доказательства для необходимости рассмотрения строфы как 1) интонационно-ритмической единицы поэтического текста и как 2) структурно-семантического целого, обладающего определенной смысловой самостоятельностью. Каждая строфа в поэтическом тексте имеет определенную тематическую, смысловую завершенность, совпадающую, как правило, с интонационно-синтаксической законченностью. Строфа, таким образом, представляет собой композиционно-ритмический сегмент поэтического текста. Не затрагивая здесь вопроса об условности членения стихотворного текста на значимые сегменты — строфы, заметим, что обнаружение анаграммы в строфическом стихе наиболее вероятно в пределах строфы как единицы синтаксического и семантического деления поэтического текста. Произвольное количество стихов, из которых вычленяются слоги, составляющие анаграмму, может послужить причиной ее случайного характера. При ограничении поля анаграммы строфическим пространством эта произвольность становится менее вероятной. Разумеется, как в строфическом, так и в астрофическом текстах анаграмма может быть обнаружена во всем стихотворении.

В современной поэзии анаграмматические построения могут быть интерпретированы по-разному. Ведущей функцией анаграммы остается по-прежнему функция словотемы. Анаграмма — звуковой повтор, образованный в вертикально-горизонтальном измерении поэтического текста, гораздо больше связана с его смыслом, чем фонические элементы, обусловленные метром. В строфическом стихе анаграмма, обнаруженная в строфе, может доносить тему одной строфы, а совокупность анаграмматических построений — глубинный смысл поэтического произведения в целом.

В качестве примера возьмем строфу из стихотворения С. Дей Льюиса «In These Our Winter Days», в котором символический образ весны воплощает романтическую приподнятость, свойственную многим его произведениям. Неизбежное торжество весны над зимой становится символом революционной борьбы нового со старым.

Spring through death's iron guard
Her million blades shall thrust;
Love that was sleeping, not extinct
Throw off the nightmare crust.

Точки исхода звуковых повторов — в основном слова, расположенные в сильных — ударных и рифменных — позициях в строфе. Отметим группу, акцентирующую не отдельный звук, а звукокомплекс (r) — thrust, throw, through, а также звуковые повторы, содержащие (s) — spring, thrust, sleeping, extinct, crust, в которые вплетаются, как видим, и повтор (t) — thrust, that, extinct, nightmare, crust. Обособив в рифмующихся словах гласный (a) thrust, crust, присутствующий и в слове love, получим звукосочетание, которое составляется из звуков, чаще других повторяющихся в строфе.

th	r	u	s	t
4	5	3	6	6

Оно приближается по своей функции к анаграмме. Концептуальный смысл глагола доносит динамичное, энергичное продвижение (ср. значение слова, зафиксированное в словаре: obtrude, interfere, pierce). Выделение глагола thrust в анаграмму, на наш взгляд, не случайно: напористо, победоносно происходит вторжение весенних лучей солнца в скованный холодом мертвый мир. Интерпретация звуковых отношений способствует постижению глубинного смысла строфы. Образ становится узлом связей, он находит себя

в динамическом, а не статическом звуко-смысловом единстве.

Другим возможным примером анаграмматического построения в поэтическом тексте может служить начальная строфа стихотворения С. Дей Льюиса «Now She Is Like the White Tree-Rose». Произведение посвящено описанию атмосферы тепла и света, которую излучает женщина, готовящая стать матерью. В первой строфе женщина сравнивается с цветущим кустом белых роз, который вбирает в себя благословенные лучи солнца.

Now she is like the white tree-rose
That takes a blessing from the sun:
Summer has filled her veins with light,
And her warm heart is washed with noon.

Звуковые повторы могут быть распределены в четверостишии попарно и группами: (ai): like, white, light; (w): warm, white, washed; (ei): takes, veins; (s): takes, blessing, sun, summer; (l): like, blessing, filled, light; (h): has, her, heart. Повторяющиеся чаще других согласные первой строфы (по своему положению в словах и стихах) — сонанты l и w. Эти согласные предполагают, в особенности сонант l, «гармонию и теплые эмоции» [9, 857]. Артикуляционный признак мягкой текучести выделенных звуков соответствует ясному, спокойному тону повествования. То же можно сказать и об остальных повторяющихся гласных и согласных, составляющих звуковой фон строфы (за исключением звука h). Строгий подсчет позволяет нам выделить ведущие звуки строфы: w, l, ai, t. Они, очевидно, входят в состав возможных анаграмм light / white — звукового преломления темы четверостишия. Здесь мы наблюдаем феномен, который может быть вкратце охарактеризован следующим образом: системное звуковое воздействие, тесно соотносящееся с содержанием стихотворного текста, осуществляет идею переливания звука в смысл. В этой системе важная роль принадлежит анаграмматическому построению.

Таким образом, были выделены анаграммы, заключенные в тексте и выведенные на основании повторяющихся звуков. И в том, и в другом случаях анаграммы явились показателем глобальной связанности текста, взаимодействия глубинной и поверхностной структур, начиная от самого маргинального — звукового уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Баевский В. С. Фоника стихотворного перевода: анаграммы. — В сб.: Проблемы стилистики и перевода. Смоленск, 1976.

[2] Елизаренкова Т. Я. Древнейший памятник индийской культуры «Ригведа. Избранные гимны». М., 1972.

[3] Иванов В. В. Два примера анаграмматических построений в стихах позднего Мандельштама. — В сб.: Russian Literature. The Hague Paris, 1972, N 3.

[4] Его же. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976; его же. Об анаграммах Ф. де Соссюра. — «Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию». М., 1977.

[5] Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. 8. М., 1978.

[6] Тименчик Р. Анаграммы у Ахматовой. Материалы XVIII научной студенческой конференции. Лингвистика. Литературоведение. Тарту, 1972.

[7] Wunderlich P., Saussure F. de: 1er cahier à lire preliminairement. — «Zeitschrift für französische Sprache und Literatur», 82, 1972, N 3.

[8] Gauthier M. Les equations du langage poetique. Lille, 1973.

[9] Preminger A. (ed.) Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, New Jersey, 1965.

[10] Starobinski J. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Paris, «Mercure de France», fevrier, 1964.

[11] Jakobson R. Subliminal Verbal Patterning in Poetry. — «Studies in General and Oriental Linguistics Presented to Shirô Hattori». Tokyo, 1970.

Н. А. КОБРИНА, М. А. НЕКРАСОВА

ГРАММАТИКА ТЕКСТА И СИСТЕМА ЯЗЫКА

Между любым функционированием и системой, обеспечивающей это функционирование, существует определенное соотношение обязательности — функционирование должно быть обеспечено существующими средствами. Это аксиоматическое положение предполагает, что всякое новое функционирование реализуется с помощью либо уже существующих средств (их модификации), либо за счет создания новых. В процессе эволюции языка функционирование оказывается движущим и стимулирующим, «первичным» фактором, а система средств — самонастраивающимся аппаратом, «вторичным» фактором.

Построение из цепочек единиц языка (предложений), т. е. текста, можно рассматривать как их специфическое функционирование, которое может быть противопоставлено изолированному употреблению предложений (например, в изречениях). Естественно, что текст требует адекватных лингвистических средств оформления целостности, которые можно выделить в качестве особой «грамматики текста».

В развитии этих специализированных средств проявляются те же две тенденции, что и в эволюции языка в целом: с одной стороны, получают развитие признаки принадлежности к целому (в языке этому соответствует развитие системности), с другой — признаки отдельности, индивидуаль-

ности каждой единицы языка (в языке в целом — развитие частного). Средства оформления текста в обоих этих вариантах (признаки целостности и признаки отдельности) проявляются и на семантическом и на формально-грамматическом уровнях.

Основной изначальной причиной порождения этих средств является коммуникативное задание выразить последовательный ход суждений. Именно текст обуславливает возможность выражения хода мысли и смысловой акцентуации, которые немыслимы (и необъяснимы) в рамках отдельного предложения, а в плане формально-грамматическом текст делает возможным реализацию синтаксической перспективы и в связи с этим стимулирует развитие целого ряда строевых характеристик языка.

Исходя из того, что средства «грамматики текста» обеспечиваются по двум линиям (точнее, на разных уровнях образования — на уровне модификации уже существующих средств и на уровне неизбежной кристаллизации наиболее типичных функциональных модификаций в новую систему средств для выражения потребностей текста), мы попытаемся в рамках статьи показать тот и другой уровень на примере двух моделей предложения современного английского языка *. Общим для этих двух моделей является определенное коммуникативное (функциональное) задание выразить логическую акцентуацию, связанную с необходимостью отразить ход мысли от одного суждения к следующему за ним. Мы не будем повторять здесь общеизвестные положения из теории актуального членения о наличии в каждом предложении двух частей — темы и ремы [1], или из сходной с этой теорией в многих отношениях другой интерпретации той же смысловой неоднородности всех звеньев высказывания так называемой теории «смысловой весомости» (*notional weight*) [2]. Обе эти теории объясняют сущность неравноценности частей предложения в связи с их коммуникативной значимостью. Нас же интересует, какие конкретно модификации претерпевает структура в связи с данной коммуникативной потребностью. То обстоятельство, что эта потребность вызвала к жизни закрепленную форму выражения, свидетельствует лишь о рекуррентности самого коммуникативного задания, т. е. о том, что текст получил статус типичной формы коммуникации.

Примером первого уровня модификации может послужить использование модели с вводным *there* для передачи содер-

---

* Диалектика диахронии и синхронии, сформулированная в свое время В. Матезиусом, предполагает правомерность синхронического исследования или рассмотрения с учетом диахронического характера самого явления или процесса.

жания, не имеющего значения бытийности, экзистенциальности. Достигается это с помощью расширения круга используемых глаголов и некоторых глагольно-именных фраз. Расширение же круга глаголов за счет таких, которые сами по себе без помощи вспомогательного глагола не могут участвовать в образовании вопросительных и отрицательных предложений, автоматически делает эту модель функционально ограниченной и функционально специализированной — она не участвует в образовании диалога и вообще возможна только в форме утвердительного предложения и только в связном тексте. Например:

Over the edge there **peeped** a boyish face (A. Conan-Doyle);
...in his soul... there **had been awakened** that wonderful vision (Wilde).

Расширение возможного лексического наполнения повлекло за собой не только специализацию коммуникативного статуса предложения, но и изменение семантической структуры предложения: общее значение утверждения бытия, наличия, характерное для конструкции *there is*, оказывается нивелированным при использовании предиката, выражающего действие, процесс. Не случайно, ряд авторов [3] отмечает возможность трансформации подобных предложений в обычные двусоставные повествовательные предложения. Так, предложение *Now in the distance there comes the clogging of hooves drawing near, and nearer, up to the door* допускает трансформацию: *The clogging of hooves, drawing near, and nearer ... comes.*

Аналогичного: *In this way there was developed a difference in meaning and emphasis — a difference in meaning and emphasis was developed in this way ...*

Возможность трансформации с опусканием *there* свидетельствует о том, что исходные предложения по реализации синтаксических связей эквивалентны обычным двусоставным предложениям без *there*. Как известно, экзистенциальные предложения с *there is* такой трансформации не допускают: *There is nothing to think about* **Nothing to think about is*, т. е. элиминация *there* ведет к разрушению структуры, и поэтому *there* является структурно необходимым компонентом. Напротив, в предыдущих двух предложениях элемент *there* не является структурно необходимым. Встает вопрос о роли его в таком модифицированном предложении. Нам представляется, что элемент *there* вводится в предложение с единственной целью — сместить логическую акцентуацию на подлежащее, которое в обычном двусоставном предложении занимает тематическую позицию. Другими словами, позиция подлежащего в модифицированной модели этого предложения обусловлена определенным коммуникативным заданием.

Если рассмотреть предложения с *there* + другой глагол (не *to be*) с позиций вышеизложенного, то становится очевидным, что в трансформмах этих предложений «рематическое» подлежащее оказывается, наоборот, в позиции, предназначенной для «тематического» члена предложения, что является нарушением основного распределения коммуникативного динамизма в предложении и приводит к искажению его смысла. Так, в первом из приведенных выше трансформов *The clogging of hooves drawing near, and nearer ... comes* с информативной точки зрения центральным моментом является конец предложения — **топот копыт 'слышится**, что в контексте вряд ли может быть правильным отражением его коммуникативной структуры (**слышится 'топот копыт**). Поэтому, естественно, возникает необходимость в смещении акцентуации и введении *there* в начале предложения.

Примером второго уровня модификации — с закреплением модифицированного предложения в виде системной модели языка, может служить сложноподчиненное предложение (часто называемое эмфатическим) с придаточной определительной частью типа: *It was just that which had most disconcerted me in my dealings with him (Maugham)* или *It was Christie herself who opened the door (Cronin)***. Естественно, что системный уровень образования снимает (или обуславливает меньшую) зависимость от условий функционирования таких предложений, допуская и изолированное их употребление. Однако анализ их семантической структуры вызывает необходимость эксплицитного или имплицитного фона для реализации предложений этого типа. Семантическая структура определяется наложением двух структур: идентифицирующего предложения: *It was just that* и предложения типа «агент + действие» — *which disconcerted me*. Этим определяется усложнение логической структуры высказывания, суть которой заключается в создании особой акцентированности.

Для выявления механизма этой акцентированности обратимся к анализу роли структурной основы модели — в нашем первом примере *it was that which*. Прежде всего, отметим, что использование коррелята *that* как связующего звена здесь не является синтаксической необходимостью, так как связь в достаточной степени осуществляется относительным местоимением *which*. Очевидно, что коррелят введен в главную часть предложения для заполнения акцентированной (рематической) позиции и распространения этой акцентированности на всю придаточную часть (поскольку *that* репрезентирует, точнее предваряет, эту придаточную часть и осуществляет синтаксическую проекцию акцентированного звена

** Предложения этого типа разнообразны и включают не только определительные части. См. ниже.

на всю придаточную часть). Сам факт двойного выражения связи (с помощью корреляции и с помощью относительного местоимения *which*) является своего рода избыточностью, создающей особую эмфатичность. Поэтому с точки зрения смысловой придаточная часть становится более значимой, чем главная, и роль последней сводится до чисто структурной роли — реализации функционального задания рематизации придаточной части. По своему содержанию предложение этого типа сугубо «простое».

Чисто функциональный характер главной части подтверждается также тем, что в позиции предикативного члена могут употребляться слова обычно не выполняющие этой функции, например: *...he was never so happy as when he was walking round the estate in an old tweed suit with the kennel-man, who also looked after the chickens. It was then you saw in him all those generations of country squires...* (Maugham).

Предложение этого типа предполагает текстовый фон не только в силу особой их акцентированной природы, но и в силу анафоричности всей конструкции *It was that, It was Christie herself*. Некоторые грамматисты справедливо отмечают, что идентифицирующие предложения с *it was (is)* всегда предполагают анафорическую (или предваряющую) отнесенность и потому являются зависимыми в смысловом отношении от контекста. Даже самостоятельные простые предложения этого построения обнаруживают такого рода зависимость [4]. Этому также часто способствует оформление и значение предикативного члена, который либо употребляется с определенным артиклем, либо выражен именем собственным или указательным местоимением, т. е. имеет значение «известности», «выделенности» и потому предполагает связанность с определенным контекстом, обуславливающим это значение «известности», «выделенности».

Итак, форма и смысловая структура сложноподчиненного предложения не соответствуют друг другу. Распределение коммуникативной и информативной значимости частей также аномально по сравнению с обычным сложноподчиненным предложением: формально-подчиненная часть не является ни обслуживающей, ни определяющей, так как не содержит качественной характеристики, а наоборот — является доминирующей в коммуникативном и информативном плане, так как именно здесь заключена основная информация — в нашем втором примере *who opened the door* (или при раскрытии содержания репрезентирующего *who*, — *Christie opened the door*). Формально-главная часть становится целиком средством выражения акцентированности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Матезиус В. О. О так называемом актуальном членении предложения. — В сб.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967; Firbas J. Some thoughts on the functional wordorder in Old English and Modern English. — Sbornik praci filosofické fakulty. Brnenské University, 1959.

[2] Hartvigson H. & Jacobsen L. Inversion in present-day English. Odense University Press, 1974; Jindra M. Function word there its special features and whims. — Philologica Pragensia, v. 8, N 2—3, 1965; Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

[3] Sampson G. There, there. — Journal of linguistics, 1972, N 8.

[4] Erades D. On identifying and classifying sentences. — English studies, XXX, 1949; Karlsen R. On «identifying», «classifying» and «specifying» clauses in current English. — Arbok for Universita. Bergen, Humanistisk serie, 1954, N 4. Bergen — Oslo, 1965.

И. К. ШМИДТ

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОМ ЧЛЕНЕНИИ ТЕКСТА

Теория актуального членения предложения (АЧП), возникшая применительно к уровню предложения, все чаще вводится в сферу текста [1]. Исследование связного текста с точки зрения АЧ обусловлено заметным ростом интереса лингвистов к изучению связной речи и к теории АЧ в отрезках более, чем одно изолированное предложение. Эти вопросы нашли в лингвистической литературе довольно широкое отражение, но при общем признании, что проблемы АЧ выходят за пределы одного, взятого вне контекста, предложения, они остаются все же одной из наименее освещенных областей лингвистических штудий.

Настоящая статья является попыткой продемонстрировать возможность лингвистической интерпретации текста как самой крупной единицы анализа.

Для этого воспользуемся методом тема-рематического анализа, разработанного рядом ученых разных стран, первоначально на материале отдельного предложения, а затем выведенного за его пределы под названием функциональной перспективы высказывания.

В основу выделения единиц содержательной структуры текста положен принцип тематической связности отрезков, объединяющих группу предложений и представляющих собой относительно законченные смысловые единства. Как и в отдельном предложении, в тематически связном единстве имеются тематические и рематические компоненты, однозначное определение которых имеет большое значение для правильного понимания содержания текста.

Ввиду сложившегося неоднозначного толкования терминов АЧ, определим некоторые понятия, которыми будем пользоваться в данной статье. Исследователи смысловой структуры единиц выше уровня предложения чаще всего пользуются термином «тема», так как она оказывается общей для нескольких предложений, связывает фрагмент текста, который при вычленении не теряет качеств целого, может связывать целый текст и в этом смысле принадлежит тексту. По этой причине из всех существующих терминов будем пользоваться термином «тема». Содержание текста организуется вокруг его темы, которая может быть сформулирована в виде предложения, группы предложений или целого текста (как ответ на вопрос: «О чем говорится в тексте?») [2]. Тема представляет собой предмет, о котором сообщается некоторая информация. Такое понимание темы в теории АЧ соприкасается с одним из определений темы в литературоведении [3].

Лингвистический анализ содержания текста проводится путем вычленения в нем отрезков, которые демонстрируют единство предмета обсуждения. Текст описывается как последовательность тематически связанных единств, следующих непосредственно друг за другом, смысловая граница между которыми проходит в месте перехода от одного предмета обсуждения к другому, т. е. она связана со сменой темы. Принципом членения текста, таким образом, является предметность.

Если тема представляет собой предмет сообщения, то та информация, которая сообщается о теме, есть рема. Рема заключает в себе основное содержание и является коммуникативным центром высказывания. Для понимания содержания текста важно не только правильно определить его тему и рему, что само по себе представляет определенную трудность, но не менее важно установить отношения, которые возникают в нем между темой и ремой. Именно эти отношения являются определяющими для содержания того или иного текста.

Рассмотрим это на конкретном тексте.

Рассказ Амброза Бирса «An Occurrence at Owl Creek Bridge» считается критиками лучшим из того, что было написано этим автором. Рассказ повествует о человеке, который был повешен на мосту через Совиный ручей. Действие рассказа происходит в США во время войны между Севером и Югом. Человек, о котором повествует рассказ, южанин. Он не участвовал в войне, но всей душой стремился помочь своим соотечественникам. Случай помочь представился, но он и привел Пэйтона Факуэра, так звали героя, на виселицу.

Такова сюжетная канва рассказа, который нам предстоит проанализировать.

Известно, что план изложения проявляется не только в содержании, но и во внешнем облике рассказа. Рассказ А. Бирса делится автором на три части, которые отделены друг от друга графическими паузами. Коротко опишем их.

Первая часть представляет участников события и их действия на мосту. В этой части дано описание местности, привлекающей к мосту, с молчаливыми зрителями происшествия.

Вторая часть представляет собой вставку, прерывающую повествование, унося читателя к событиям, которые привели Пэйтона Факуэра на виселицу.

Третья часть описывает человека в петле, его физические страдания и, наконец, смерть.

Все три части рассказа подчинены одной теме, которая задана в первом предложении как нечто новое, неопределенное а тап, которому и посвящено все повествование. Тема рассказа задана в соответствии с наиболее последовательным способом введения предмета сообщения в коммуникативный фокус. Способ этот заключается в употреблении грамматической категории неопределенности, которая, как и многие другие грамматические категории, играет большую роль в организации смыслового содержания высказывания. Грамматическая категория неопределенности выполняет функцию выделения предмета сообщения (темы), соотносит предмет с новым, ранее не упоминавшимся, элементом ситуации. Дальнейшее развертывание текста снимает неопределенность, способствует получению информации, ради которой написан рассказ. В грамматике английского языка категория неопределенности связана с артиклем, в русском языке она выражается порядком слов.

A man stood upon a railroad bridge, looking down into the swift water.

Первое предложение вводит предмет сообщения, выделяет определенный объект как заслуживающий разговора о нем. Неопределенность первого введения снимается в последующих предложениях, где предмет сообщения как бы членится на части, образуя соотношение «часть — целое». The man's hands were behind his back, the wrists bound with a cord. A rope closely encircled his neck. It was attached to a stout cross-timber above his head.

Этот сегмент текста связан как семантически, так и грамматически: сменой неопределенного артикля определенным, который несет функцию идентификации предмета, а также играет важную роль в связывании предшествующего предложения с последующим. Этому же служит и повторяющееся притяжательное местоимение his.

Вместе с предметом (темой) вводятся его признаки (рема), отвечающие на вопрос (Что сообщается о предмете?). Суммируя признаки предмета *A man stood upon a railroad bridge, his hands were behind his back, the wrists bound with a cord. A rope closely encircled his neck...* мы резюмируем действие следующим образом: *The man was engaged in being hanged.*

Пассивные конструкции этой части *The man's hands were bound with a cord. A rope closely encircled his neck. It was attached to a cross-timber above his head* не сводятся только к линейным отношениям. Их комплексная нагрузка заключается в имплицитном введении другого предмета — лиц, причастных к казни человека, который позднее вводится существительным *executioners*.

Два предмета *a man and executioners* находятся не только в близких пространственных отношениях *Some loose boards laid upon the sleepers supporting the metals of the railway supplied a footing for him and his executioners*, но и соединены семантически — конверсивными отношениями: жертва и ее палачи. Второй член оппозиции, образуемой контекстуальными конверсивами, развернут по типу гипогиперонимических связей: *his executioners — two private soldiers, an officer, a sergeant, a sentinel at each end of the bridge...*

Оба члена оппозиции связаны семами физического воздействия: первый член испытывает воздействие, второй оказывает воздействие. Связь их прослеживается и в идентичных глагольных словоформах *A man stood..., a sentinel stood..., a lieutenant stood..., ...was an officer...*, где глаголы не указывают на действие, а имеют значение наличия, нахождения, что существенно для интерпретации содержания текста.

Предметом описания второго абзаца является местность, прилегающая к мосту, на котором суждено быть повешенным человеку. Описание дано в мельчайших деталях. Оно похоже на подробную запись виденного автором прежде, во время войны, в которой А. Бирс участвовал на стороне северян. Роль связующего звена выполняют обстоятельственные конструкции: *beyond one of the sentinels, straight away into a forest, farther along, midway of the slope between the bridge and fort, the other bank of the stream...* В описании господствует стремление к расположению явлений мира в том порядке, в каком они существуют в природе и в каком они предстают перед взором свидетелей казни, которые знаменуют собой смену темы. *Midway of the slope between the bridge and fort were the spectators — a single company of infantry in line, at parade rest. A lieutenant stood at the right of the line. The company faced the bridge, staring stonily, motionless.*

The sentinels, facing the banks of the stream, might have been statues to adorn the bridge. The captain stood with folded arms, silent.

Появление капитана, одного из палачей, рядом со зрителями и часовыми, которые напоминают более статуи, чем живые существа, имеет содержательный характер. Агентивная функция предмета со значением лица призвана воздействовать на другой предмет, оказывается ослабляющей и заполняется другим содержанием. Истинным каузатором действия является не капитан и не его появление, ни в лучшем случае орудие в руках истинного каузатора. Это подтверждает идею о том, что предложения, находящиеся в позиционной близости, обнаруживают смысловую общность, что и позволяет нам говорить об ослабленной семантической функции агентива, которая ведет к существенным изменениям в содержательном отношении всего текста. Второй абзац завершает обобщенное предложение. *Death is a dignitary who when he comes announced is to be received with formal manifestation of respect even by those most familiar with him.*

Оно имеет двойную ориентацию. Своим несоответствием с грамматическим оформлением всего текста (настоителем времени в контексте прошедшего) оно становится изолированным, приобретает большую самостоятельность и афористичность, но, будучи включенным в контекст, оказывает существенное влияние на семантику всего текста. Абстрактное существительное *death*, сопровождаемое предикатом с признаком одушевленности, основано на явлении художественного олицетворения. Конвергенция стилистических приемов в данном предложении выдвигает его на передний план и требует пристального к себе внимания.

Как в реальной действительности каждая вещь, каждое явление, отношения между вещами находятся в связи с другими вещами, а каждый предмет обладает множеством разнообразных признаков, так и в художественном произведении наблюдается стремление сохранить это многообразие признаков. Исходя из задач сообщения и условий контекста, один и тот же предмет характеризуется с разных сторон и получает иное словесное обозначение, которое называют вторичной или повторной номинацией. Эти вторичные наименования выполняют различные задачи. Обычно они связаны жесткой контекстной зависимостью.

Вторичная номинация следующего абзаца *The man who was engaged in being hanged* вытекает из предшествующего контекста, предикативный член которой стал частью этой вторичной номинации. Информативно она избыточна, так как не несет читателю никаких новых сведений, но необходима

как связующее звено между предшествующим и последующим контекстами, одной стороной обращена к тому, что известно читателю, другой готовая к присоединению другого признака: информация о возрасте, гражданском статусе, цвете глаз и даже выражении лица, которая вновь реализуется в следующей вторичной номинации *gentleman*, заключенной в другом обобщающем предложении, похожем на афоризм: *The liberal military code makes provision for hanging many kinds of persons, and gentlemen are not excluded.* В повествование вводится новый предмет *military code*, который и является истинным каузатором действия. Выделение признака *makes provision* и введение *military code* в текст говорит о многом: смерть неизбежна, от военного закона не уйти.

И вот все задвигалось. Наступили последние мгновения перед казнью, все приготовления к которой закончены. Каждый выполняет предписанные только ему обязанности. *The condemned man* (эта новая номинация, которая вполне оправдана после введения военного закона) как бы отделяется от других участников события на мосту. Все чаще появляется недифференцированное *he*, которое остается неизменным до конца первой части рассказа, пока это многократное анафорическое *he* не сменяется номинацией, осложненной определением *the doomed man's brain*.

Под внешней атрибутивностью здесь скрывается предикат, который подготовлен всем предшествующим текстом, и особенно введением дополнительных семантических аргументов *death*, имплицитно реализующего факт воздействия, *military code*, видоизменяющего функцию агентива, переводящего его в инструмент или орудие. Первая часть рассказа заканчивается действием сержанта — *The sergeant stepped aside*.

Развитие сюжета достигло своего предела, но факт результативности не эксплицирован, он не нашел словесного выражения. Важная категория текста — категория завершенности [4] — осталась нереализованной, и описание продолжается.

Вторая и третьи части текста полностью зависят от правильного прочтения первой части. Ее структура полностью повторяется в третьей части, но в значительно осложненном виде. Переход человека из бытия в небытие прослеживается в описании мира, предстающего в галлюцинациях — зрительных, слуховых, обонятельных. Ориентиром в этой части выступает местность, описанная со всеми подробностями в начале рассказа.

Анализ текста показывает, что композиция воплощает и актуализирует всю информацию, заложенную в нем. Текст, как определенным образом организованная информация, расчленяется на тематические связные единства, распределение

которых в тексте в том или ином порядке в значительной мере зависит от намерения автора. Определить отношения, в которых находятся эти единства между собой, значит правильно извлечь смысл текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

[2] Слюсарева Н. А. Гиперсинтаксический уровень языка и лингвистическое членение текста. — В сб.: Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978.

[3] Томашевский Б. В. Теория литературы. Л., 1925.

[4] Гальперин И. Р. Грамматические категории текста. — «Вопросы языкознания», 1974, № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Тураева З. Я. Художественный текст и пространственно-временные отношения	3
Аринштейн В. М. О коммуникативной и грамматической обусловленности структуры контекстно-связанных предложений	11
Вазбуцкая К. Г., Левина Е. Ф. Предложения малой длины в структуре художественного текста	22
Воронцова Т. И. Метрическое членение и межстрофические связи в балладе Р. Бернса «Джон — Ячменное зерно»	27
✓ Гжанянц Э. М., Астапова Г. М. Сравнительно-сопоставительный анализ повтора в парцеллированных структурах английского и русского языков	31
Гузеева К. А. Синтаксическая неполнота предложения как имплицативная итерация	38
Гуляева О. А. Сложноподчиненное предложение с придаточным определительным в структуре художественного текста	43
Гурочкина А. Г. О полипредикативных предложениях с именными центрами подчинения в древнеанглийском тексте	49
Знаменская Т. А. Придаточные предложения или простые?	60
Иванова Г. Н. О способах выражения опосредованного высказывания	65
Кабакчи В. В. Особенности употребления собственных имен в тексте гетерогенного описания культуры	71
Кобрина Н. А. Коммуникативная разноплановость и глубина в предложении и тексте	76
Корзнева Н. М. К вопросу о синтагматических отношениях в тексте (На примере контекстуальной синонимии простого и сложноподчиненного предложений в современном английском языке)	88
Лейко А. М. О связующей роли ситуативных обстоятельств во фронтальной позиции в простом предложении (К проблеме связующих средств в тексте)	92
Расторгуева Г. В. Интеграция языка и смысла в поэтическом тексте	96
Грунова О. В. О текстовой актуализации категорий отрицания и модальности (На материале исследования структуры «модальное сказуемое с отрицанием» в современном английском языке)	102
Тураева З. Я., Расторгуева Г. В. Анаграмматические построения в поэтическом тексте	107
Кобрина Н. А., Некрасова М. А. Грамматика текста и система языка	114
Шмидт И. К. К вопросу об актуальном членении текста	119

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Редактор И. Л. Климович

Технический редактор К. П. Орлова

Сдано в набор 12.03.80 г. Подписано к печати 17.06.80 г. М-35741.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага газетная. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 1000 экз.
Заказ 778. Цена 1 руб. 05 коп.

Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный
педагогический институт имени А. И. Герцена. 191186, г. Ленинград,
набережная Мойки, 48

Типография № 2 Ленуприздата. 192104, Ленинград, Литейный пр., 55